

"Счастливец"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Николас Спаркс

Счастливец

Этот роман — художественное произведение. Имена, герои, места и происшествия, упомянутые в нем, — плод воображения автора. Любое совпадение с реальными событиями, названиями населенных пунктов и именами реальных людей случайно.

Посвящается Джейми Рабу и Деннису Дэлримпу

Год, который нужно помнить...

и год, который нужно забыть.

Я всегда думаю о вас.

От автора

Написание книги — процесс коллективный, и, как всегда, я должен сказать спасибо множеству людей, благодаря которым у меня хватило сил и возможностей закончить этот роман. Разумеется, есть много способов воздать должное этим людям за их старания, поэтому я подумал, что поблагодарю всех по-разному, во всяком случае, если верить списку, который я составил при помощи «Гугля», прежде чем написать эти строки. (А если не поискать заранее, разве можно сразу назвать каждый из этих языков?)

Список, конечно, возглавляет моя жена Кэти. Она больше, чем кто бы то ни было, помогает мне сосредотачиваться и концентрироваться на самом важном в жизни. Я говорю сыновьям, что им крупно повезет, если они когда-нибудь женятся на женщине, похожей на их мать. *Thank you!*

Дальше идут дети: Майлс, Райан, Лэндон, Лекси и Саванна, увековеченные (весьма забавным образом) в именах героев в моих предыдущих романах. Их объятия — величайших дар из всех возможных. *Muchas gracias!*

А потом? Мой литературный агент Тереза Парк, которой я всегда благодарен. Иногда отношения между агентом и автором складываются непросто, или я так слышал от других агентов или авторов. Но если говорить откровенно, для меня работа с Терезой складывалась просто чудесно и фантастически, с тех пор как мы в первый раз поговорили по телефону еще в 1995 году. Она самая лучшая: она не только умна и терпелива, но и обладает здравым смыслом в большей степени, чем почти все мои знакомые. *Danke schon!*

Дениз Ди Нови, моя подруга и кинопродюсер, еще один человек, за знакомство с которым я благодарю Бога. Она спродюсировала три моих фильма, включая «Ночи в Роданте», «Послание в бутылке» и «Спешите любить», и это сделало меня одним из самых удачливых писателей на свете. *Merci beaucoup!*

Дэвид Янг, потрясающий человек, генеральный директор «Гранд сентрал паблишинг», всегда оказывал мне исключительную поддержку, мне повезло работать с ним. *Arigato gozaimasu!*

Дженнифер Романелло, специалист по рекламе и подруга, превращала рекламу для меня в

бесконечно интересное и увлекательное действо на протяжении последних тринадцати лет. *Grazie!*

Эдна Фарли, моя «телефонная» подруга, организует практически все и решает любую проблему, которая возникает на моем пути, когда я путешествую. Она не только потрясающий человек, но и обладает неиссякаемым оптимизмом, а это я научился ценить. *Tapadh leibh!*

Хови Сандерс, мой киноагент и друг, — это еще один член клуба под названием «Я уже долго работаю с этим писателем. А моя жизнь от этого становится только лучше». *Toda raba!*

Кейя Хайятиан, еще один мой киноагент, — потрясающий человек, который никогда не жалеет на меня времени. *Merci!* Или, если предпочитаешь, *Mamnoon!*

Харви-Джейн Коваль и Сона Фогель, мои литературные редакторы, отличаются невероятным терпением, учитывая тот факт, что я всегда затягиваю со сроками. Им приходится выискивать все маленькие ошибочки в моих романах (ну ладно, и большие ляпы тоже), и, к несчастью, я редко уделяю им достаточно времени. Так что если найдете ошибку (а это возможно), не вините их. Вините меня. Они потрясающе справляются со своей работой. Вам обеим от меня *Спасибо!*

Скотт Швиммер, мой юрист в сфере индустрии развлечений, — один из тех парней, которые заставляют хмуриться над шутками юристов. Он прекрасный человек и просто великолепный друг. *Lieis paldies!*

Тысяча благодарностей Марти Боуэну, Кортенай Валенти, Эбби Куне, Шерон Крэссни, Линн Харрис и Марку Джонсону. *Efharisto poli!*

Элис Артур, мой фотограф, всегда готова в мгновение ока сделать фантастический снимок, за который я всегда ей благодарен. *Toa chie!* Или: *Xie xie!*

Флэг к тому же придумала чудесную обложку. *Shukran gazilan!*

Том Маклахлин, директор Школы Крещения Господня, которую помогли основать мы с женой, сделал мою жизнь богаче и полнее, с тех пор как мы начали работать вместе. *Obrigado!*

И наконец, Дэвиду Симпсону, моему коллеге-наставнику в средней школе Нью-Берн, *Mahalo nui loa!*

P.S. Я написал «спасибо» на: английском, испанском, немецком, французском, японском, итальянском, гаэльском, иврите, фарси (персидском), русском, латвийском, греческом, китайском, арабском, португальском и гавайском языках. По крайней мере согласно сайту, который я нашел в Интернете. Думаете, ему можно верить?

Глава 1

КЛЕЙТОН И ТИБО

Полицейский Кит Клейтон не слышал, как они подошли, причем совсем близко. Вид у них был ничуть не лучше, чем в прошлый раз. Отчасти дело было в собаке. Клейтон не любил немецких овчарок, а эта, хоть и вела себя вполне спокойно, напоминала ему Пэнтер — собаку, которая работала с полицейским Кении Муром и по первой команде молниеносно вцеплялась подозреваемому в пах. Вообще Клейтон считал Мура идиотом, но только он мог в какой-то степени считаться его другом в управлении. К тому же Клейтон не мог не признать, что Мур

рассказывает такие истории об этих укусах в пах, что он, Клейтон, заходится от хохота. И уж Мур точно оценил бы небольшое нудистское празднество, которое прервал Клейтон, выследив парочку студенток, загоравших на берегу реки во всей своей утренней красе. Он не просидел в укрытии и пары минут и успел сделать лишь несколько снимков на цифровой фотоаппарат, когда увидел, как третья девушка появилась из-за куста гортензий. Быстро кинув фотоаппарат в заросли, он вышел из-за дерева, и через мгновение они со студенткой столкнулись лицом к лицу.

— Так, и что же здесь происходит? — протянул он, вынуждая ее защищаться.

Его раздражал тот факт, что его поймали, и совершенно не радовало столь скучное начало разговора. Обычно он вел себя дружелюбнее. Намного дружелюбнее. К счастью, девушка была слишком сильно смущена, чтобы обратить на это внимание, и чуть не споткнулась, когда попятилась. Она заикаясь сказала что-то в ответ, пытаясь прикрыть себя руками. Это выглядело так, словно она сама с собой играла в «Твистер».

Он и не старался отвести взгляд, а лишь улыбался, притворяясь, будто не замечает ее обнаженного тела, словно каждый день налетал на голых женщин в лесу. Он уже точно знал, что она не догадывается о фотоаппарате.

— А теперь успокойтесь. Что происходит? — спросил он.

Он прекрасно знал, что происходит. Это случалось несколько раз каждым летом, особенно в августе: студенты из Чапел-Хилл или других городков Северной Каролины, направляясь на пляж на Эмералд-Айл на последний долгий уик-энд перед началом учебы осенью, часто заворачивали на старую лесовозную дорогу, которая, петляя, врезалась в национальный лесопарк примерно на милю и заканчивалась там, где приток Суон-Крик резко поворачивает к Саут-Ривер. Там находился галечный пляж, который стал популярным местом у нудистов — почему, Клейтон понятия не имел, — так что он взял себе за правило прогуливаться неподалеку на тот случай, если повезет. Две недели назад ему довелось созерцать шесть красавиц, сегодня, правда, было только три, и две из них, которые только что нежились на полотенцах, уже потянулись за рубашками. Хотя одна была несколько крупновата, две другие, включая брюнетку, стоявшую перед ним, могли похвастаться фигурами, которые сводят с ума молодых студентов. И полицейских.

— Мы не знали, что здесь кто-то есть! Надеялись, все будет в порядке!

На ее лице отразилась такая невинность, что Клейтон подумал: «Неужели папочка не испытал бы чувство гордости, узнав, чем занимается его маленькая девочка?» Его развеселила мысль о том, что бы она на это ответила, но поскольку на нем была форма, он понимал, что придется сказать что-то официальное. Кроме того, он знал, что ставит свое везение под угрозу: если вылетит хоть слово о том, что сотрудники шерифа патрулируют эту местность, ни одной студентки здесь больше не появится, а такая перспектива его отнюдь не прельщала.

— Пойдемте поговорим с вашими подругами.

Он последовал за ней к пляжу, наблюдая, как она тщетно пытается прикрыть ягодицы, и наслаждаясь этим небольшим спектаклем. К тому времени как они вышли из-за деревьев на открытый участок у реки, подруги успели надеть рубашки. Брюнетка, покачнувшись, бросилась к остальным и проворно потянулась полотенцу, опрокинув при этом пару пивных банок, Клейтон шагнул к ближайшему дереву.

— Вы что, не видели знак?

Их взгляды тотчас устремились в указанном направлении. Люди — это овцы, ждущие очередного приказа, подумал он. Знак, маленький и едва заметный под низкими ветвями старого дуба, повесили по приказу судьи Кендрика Клейтона, который приходился Киту дядей. Идею установки знака подал Кит: он знал, что запрет со стороны властей только усилит притягательность этого места.

— Мы его не видели! — воскликнула брюнетка, вновь повернувшись к нему. — Мы не знали! Мы слышали об этом месте лишь пару дней назад! — Она продолжала протестовать, сражаясь с полотенцем; остальные же были слишком напуганы, чтобы заниматься чем-то еще, кроме натягивания трусиков от бикини. — Мы здесь вообще впервые!

Это прозвучало как жалобная мольба, и возникло ощущение, будто она юная грешница, только ступившая на путь порока. Как и остальные. У них был именно такой вид.

— Вам известно, что обнажение в общественных местах является в нашей стране уголовным преступлением?

Он заметил, как их лица побледнели еще больше, и понял, что они задумались, какое пятно оставит это мелкое правонарушение на их репутации. Было забавно за этим наблюдать, но он напомнил себе не заходить слишком далеко.

— Как вас зовут?

— Эми. — Брюнетка сглотнула. — Эми Уайт.

— Откуда вы?

— Чапел-Хилл. Но родом я из Шарлотта.

— Я тут вижу кое-какой алкоголь. Вам всем уже больше двадцати одного года?

Впервые остальные тоже подали голос:

— Да, сэр.

— Ладно, Эми. Я скажу вам, что я сделаю. Я поверю вам на слово, что вы действительно не видели знак и уже достигли того возраста, когда разрешено употреблять спиртные напитки. В общем, я не буду устраивать из этого большой скандал и сделаю вид, как будто меня здесь не было. Но только если вы пообещаете не говорить моему боссу, что я избавил вас троих от наказания.

Они засомневались, можно ли ему верить.

— Правда?

— Правда, — ответил он. — Я тоже когда-то был студентом. — На самом деле не был, но он знал, что эта фраза хорошо звучит. — И вы, наверное, хотите одеться. Мало ли что, здесь ведь могут шнырять какие-то люди. — Он одарил девушек улыбкой. — И потрудитесь убрать банки, ладно?

— Хорошо, сэр.

— Благодарю. — Он повернулся, чтобы уйти.

— И все?

Обернувшись, он вновь одарил их улыбкой:

— И все. И будьте внимательнее.

Клейтон пробирался через низкие кусты, склоняясь под ветвями, которые то и дело попадались ему на пути, к патрульной машине, и думал, что у него все хорошо получилось. Правда, очень хорошо. Эми в самом деле улыбнулась ему, и, уходя, он тешил себя мыслью, что было бы неплохо развернуться и попросить номер ее телефона. Нет, решил он, лучше просто уйти. Вероятнее всего, когда они вернутся, то расскажут подругам, что хотя их поймал шериф, ничего страшного не случилось. Постепенно распространятся слухи о том, что местные полицейские — отличные парни. И все же, продираясь через лес. Кит надеялся, что снимки вышли как надо. Они станут прекрасным дополнением к его маленькой коллекции.

Несмотря ни на что, день выдался великолепный. Клейтон как раз собирался отправиться обратно за фотоаппаратом, когда услышал свист. Он пошел на звук по направлению к лесовозной дороге и увидел незнакомца с собакой, который медленно шагал по обочине. Этот человек чем-то напоминал хиппи шестидесятых годов.

Незнакомец не имел отношения к девушкам. Клейтон был в этом уверен. Прежде всего парень был староват для студента: возраст его точно приближался к тридцати. Длинные волосы напомнили Клейтону птичье гнездо, а на спине его Клейтон различил рюкзак, из которого выглядывал спальный мешок. Явно не отдыхающий, который на день приехал на пляж.

У этого парня был вид бывалого туриста, может, он останавливался в кемпингах. И уж конечно, никто не знал, как долго он был здесь и что видел.

Вроде того, что Клейтон снимал фотографии?

Маловероятно. Просто невозможно. Кит удалился от главной дороги, кусты были густые, и он точно услышал бы, как кто-то пробирается через лес. Верно? И все же весьма странное место для пешего туриста. Здесь казалось, будто ты вдали от всего света, и меньше всего Клейтон хотел, чтобы кучка хипповатых неудачников лишила его поста наблюдения за студентками.

К тому моменту незнакомец уже прошел мимо. Он поравнялся с патрульной машиной и направился к джипу, на котором приехали девушки. Клейтон ступил на дорогу и откашлялся. Незнакомец и собака обернулись на этот звук.

Незнакомца, похоже, не удивило внезапное появление Клейтона, как и собаку, и было во взгляде этого человека что-то такое, что вызывало беспокойство. Как будто он ожидал, что перед ним вдруг возникнет Клейтон. То же самое и с немецкой овчаркой. На ее морде отражалось отчуждение и в то же время настороженность, как будто она все понимала; так же выглядел Пэнтер, когда Мур отпускал его с поводка. Желудок Клейтона резко сжался.

Целую минуту они пристально смотрели друг на друга. Клейтон уже давно понял, что его форма наводит страх на большинство окружающих. Все, даже люди ни в чем не повинные, начинали нервничать перед лицом закона, и он решил, этот парень не станет исключением. Это была одна из причин, по которым ему нравилось работать в полиции.

— У вас есть поводок для собаки? — спросил Клейтон так, чтобы это прозвучало скорее как приказ, и не вопрос.

— Он в рюкзаке.

Клейтон не уловил никакого акцента. «Произношение Джонни Карсона» [1], — как говорила его мать.

— Наденьте его псу.

— Не беспокойтесь. Он и с места не сдвинется, если я не скомандую.

— Все равно наденьте.

Незнакомец опустил рюкзак и принялся в нем копать; Клейтон вытянул шею, надеясь высмотреть хоть что-нибудь, похожее на наркотики или оружие. Через мгновение, зацепив поводок за ошейник собаки, незнакомец повернулся к нему с таким выражением лица, словно хотел сказать: «И что дальше?»

— Что вы здесь делаете? — пожелал знать Клейтон.

— Я пеший турист.

— Великоватый рюкзак для туризма.

Мужчина ничего не ответил.

— Или, быть может, вы шныряете здесь, чтобы насладиться видами?

— А что, сюда ходят как раз за этим? Клейтону не понравился намек и его тон.

— Я бы хотел взглянуть на ваше удостоверение личности.

Незнакомец снова склонился над рюкзаком и выудил оттуда паспорт. Он вытянул руку и раскрыл ладонь перед собакой, приказав ей остаться на месте, затем шагнул к Клейтону и передал ему документ.

— А водительские права?

— У меня их нет.

Клейтон прочитал его имя, медленно шевеля губами. Логан Тай-болт? [2]

Незнакомец молча кивнул.

— Откуда вы?

— Из Колорадо.

— Долго же вы сюда добирались. Незнакомец ничего не ответил.

— Вы направляетесь в какое-то определенное место?

— Сейчас я собираюсь в Арден.

вернуться

1

Джонни Карсон — популярный американский комедийный актер и юморист, который вел собственное шоу. — *Здесь и далее примеч. пер.*

вернуться

2

Клейтон ошибается: фамилия читается как «Тибо». В дальнейшем он будет умышленно повторять свою ошибку.

— А что такого интересного в Ардене?

— Не имею понятия. Я пока там не был.

Клейтон нахмурился, услышав такой ответ. Слишком скользко. Слишком... вызывающе? Слишком странно. Как бы там ни было. Вдруг он понял, что ему не нравится этот парень.

— Подождите здесь, — сказал он. — Вы ведь не возражаете, если я проверю документ?

— Да, пожалуйста.

Направляясь к машине, Клейтон бросил взгляд через плечо и увидел, как мужчина полез в рюкзак и достал маленькую миску, а потом вылил в нее бутылку воды. Как будто ему на все было наплевать.

«Мы все выясним, ведь так?» В патрульной машине Клейтон сообщил по радиосвязи имя и уже начал произносить его по буквам, когда его перебила диспетчер:

— Тибо, как Ти-боу, а не Тай-болт. Это французская фамилия.

— Да какая разница, как она произносится?

— Я просто говорю...

— Да не важно, Мардж. Просто проверь, ладно?

— А он похож на француза?

— Откуда я знаю, черт возьми, как выглядят французы?

— Мне просто любопытно. Не стоит так из-за этого раздражаться. Я тут немного занята...

Да, очень занята, подумал Клейтон. Поеданием пончиков, вероятнее всего. Мардж уничтожала как минимум дюжину «Криспи кримз» в день. Должно быть, она весит не меньше трехсот фунтов.

В окно он увидел, как незнакомец сидит на корточках рядом с собакой и что-то ей шепчет, пока она лакает воду. Клейтон покачал головой. Разговаривает с животными. Ненормальный. Как будто собака способна понимать что-то еще, кроме основных команд. Его бывшая жена тоже так себя вела. Эта женщина относилась к собакам как к людям, и ему следовало бы изначально держаться от нее подальше, учитывая это.

— Не могу ничего найти, — услышал он голос Мардж. Было похоже, что она что-то жуует. — Никаких действующих ордеров не вижу.

— Уверена?

— Да, уверена. Я знаю свое дело.

Словно услышав разговор, незнакомец взял миску и затолкал ее обратно в рюкзак, а потом закинул его за плечо.

— А еще поступали какие-нибудь необычные вызовы? Вроде того, что в округе околачиваются подозрительные личности и все такое?

— Нет. Сегодня утром все тихо. А ты, кстати, где? Твой отец тебя искал.

Отец Клейтона был шерифом округа.

— Скажи, что я скоро вернусь.

— Похоже, он рвет и мечет.

— Просто сообщи ему, что я патрулировал местность, ладно?

«Чтобы он понял, что я работал», — не потрудился добавить Клейтон.

— Хорошо.

Уже лучше.

— Мне надо идти.

Он вернул радиоустройство на место и сел, ощутив легкий укол разочарования. Было бы весело посмотреть на этого длинноволосого парня за решеткой. Братья Лэндри устроили бы ему веселую жизнь. Они всегда попадали в камеру вечером в субботу за пьянство и буйное поведение, нарушение общественного порядка и драки, как правило, друг с другом. Но только не в камере. Там они выбирали общую жертву.

Клейтон потерял ручку двери машины. И почему его отец взбесился на этот раз? Старик начал действовать ему на нервы. «Сделай это. Сделай то. Ты уже вручил эти документы? Почему опоздал? Где ты был?» Все чаще ему хотелось сказать папаше, чтобы он занимался своими чертовыми делами. Старик все еще думал, что именно он управляет всем в округе.

Не важно. Он полагал, что он все узнает рано или поздно. А теперь настало время выгнать отсюда этого хиппи-неудачника, пока не вышли девушки. Ведь это место нужно сохранить в тайне, правда? Тупицы-хиппи могут здесь все испортить.

Клейтон вышел из машины, закрыв за собой дверь. Собака склонила голову набок, наблюдая, как приближается Клейтон. Он вернул паспорт.

— Прощу прощения за неудобство, мистер Тай-болт. — На этот раз он намеренно исковеркал фамилию. — Я просто выполняю свою работу. Вы свободны, если, конечно, у вас в рюкзаке нет наркотиков или оружия.

— Нет.

— Позвольте мне проверить это?

— Не хотел бы. Все-таки четвертая поправка существует.

— Я вижу спальный мешок. Вы останавливались здесь переночевать?

— Вчера ночью я был в округе Берк.

Клейтон изучал парня, раздумывая над ответом.

— Здесь не так много мест, где можно расположиться на ночлег.

Парень ничего не сказал. Именно Клейтон отвел глаза.

— Лучше бы держать собаку на поводке.

— Думаю, в нашей стране нет закона, который обязывает держать собак на поводках.

— Нет. Это ради безопасности вашей собаки. По главной дороге ездит много машин.

— Буду иметь это в виду.

— Тогда ладно. — Клейтон уже повернулся, но решил задержаться еще на мгновение. — Если вы не возражаете, я хотел бы спросить: как долго вы здесь находитесь?

— Я только пришел. А что?

Что-то в его ответе озадачило Клейтона, и он поколебался, прежде чем напомнить себе снова: парень никак не мог узнать, чем он занимался.

— Ничего.

— Можно идти?

— Да, идите.

Клейтон смотрел, как незнакомец и его собака прошли по лесовозной дороге, прежде чем свернуть на маленькую тропинку, которая вела в густой лес. Когда он исчез, Клейтон вернулся на наблюдательный пост, чтобы найти фотоаппарат. Он засунул руку в кусты, попинал ногами сосновые иголки и несколько раз прогулялся по своим следам, чтобы удостовериться: он в нужном месте. В конце концов он опустился на колени, и его охватила паника. Фотоаппарат принадлежал управлению шерифа. Он одалживал его только для этих особых прогулок, и у отца возникнет масса вопросов, если обнаружится, что фотоаппарат пропал. Еще хуже будет, если фотоаппарат найдут с картой памяти, забитой снимками голых красоток. Его отец строго придерживался протокола и отличался ответственным подходом к делу.

Прошло еще несколько минут. Клейтон услышал, как где-то неподалеку взревел мотор автомобиля. Он решил, что это уезжают студентки, и лишь на мгновение задумался над тем, что может прийти им в голову, когда они заметят, что его патрульная машина до сих пор здесь. У него были дела поважнее.

Фотоаппарат исчез.

Не потерялся. Исчез. И эта чертова штука совершенно точно не ушла на своих двоих. Не

может быть также, что ее нашли девушки. А это означало, что Тай-болт просто его одурачил. Тай-болт. Одурачил. Его. Невероятно. Он знал, что этот тип ведет себя слишком хитро, в духе героев фильма «Я знаю, что вы сделали прошлым летом».

Нет, это ему с рук не сойдет. Ни одному грязному хипповатому идиоту, который разговаривает с собаками, никогда не удастся разоблачить Кита Клейтона. Не в этой жизни, во всяком случае.

Он пробрался через ветви на главную дорогу, рассчитывая догнать Логана Тай-болта и устроить небольшой досмотр. И это только для начала. Дальше — больше, это наверняка. Парень разыграл его? Так не делается. По крайней мере в этом городке. И Киту плевать на собаку. Собака выйдет из себя? Тогда пока, песик. Просто, как дважды два. Немецкие овчарки не менее опасны, чем оружие, не найдется ни одного суда на этой земле, где этот аргумент не оценят по достоинству.

Однако в первую очередь нужно заняться самым важным. Найти Тай-болта. Забрать фотоаппарат. А лишь потом решить, что предпринять дальше.

И лишь чуть позже, добравшись до патрульной машины, он понял: обе его задние шины спущены.

— Как, ты сказал, тебя зовут?

Пару минут спустя Тибо уже сидел на переднем сиденье открытого джипа, повернувшись назад, и пытался перекричать рев ветра.

— Логан Тибо. — Он ткнул большим пальцем за плечо: — А это Зевс.

Зевс расположился на заднем сиденье, высунув язык и подставив нос под порывы ветра, в то время как джип мчался по направлению к скоростной трассе.

— Красивая собака. Меня зовут Эми. А это Дженнифер и Лори.

Тибо бросил взгляд через плечо:

— Привет.

— Привет.

Они выглядели растерянными. Неудивительно, подумал Тибо, учитывая, что им пришлось пережить.

— Спасибо, что согласились подвезти.

— Пустяки. Ты сказал, что едешь в Хэмптон?

— Если это недалеко.

— Это как раз по пути.

Удалившись от дороги, Тибо кое о чем позаботился и вернулся на обочину, как раз когда девушки выезжали из леса. Он поднял большой палец, благодаря судьбу за то, что с ним рядом Зевс, и они почти тут же остановились.

Иногда все складывается исключительно так, как должно.

И хотя он притворился, что видит девушек впервые, на самом деле заметил их еще с утра, когда они только приехали. Тибо остановился на ночлег у холмов рядом с пляжем, но решил оставить девушек во вполне заслуженном уединении, как только они начали раздеваться. По его мнению, то, что они делали, подпадало под категорию «нет ущерба, нет и нарушения». Если не считать его, они были там совершенно одни, а он не собирался расхаживать вокруг и таращиться на них. Кому какое дело до того, что они снимут одежду или, если уж на то пошло, вырядятся в костюмы цыплят? Его это не касалось, и он думал оставить все как есть, пока не увидел полицейского, приехавшего на машине управления шерифа по округу Хэмптон.

Он внимательно рассмотрел полицейского через лобовое стекло: в выражении его лица было что-то не то. Трудно точно сказать что, и Тибо не стал останавливаться, чтобы в этом разобраться. Он повернулся и скрылся в лесу, а потом увидел, как полицейский проверил карту памяти в фотоаппарате и тихо закрыл дверь патрульной машины. Тибо наблюдал, как он крался к холму. Тибо понимал, что, возможно, полицейский просто исполняет свои должностные обязанности, но он выглядел так же, как Зевс в ожидании куска вяленой говядины. Слишком возбужден всем происходящим.

Тибо приказал Зевсу оставаться на месте, а сам держал достаточную дистанцию, чтобы полицейский его не услышал. И вдруг у него родился план действий. Он знал, что открытая конфронтация ни к чему не приведет: полицейский скажет, что собирал доказательства, и сила его слова против заявления чужака окажется непоколебимой. Любое физическое воздействие тоже исключалось, в основном потому, что могло принести больше проблем, чем пользы, хотя Тибо не отказался бы сойтись с этим парнем лицом к лицу. К счастью — или к несчастью, подумал он, если учесть дальнейший вариант развития событий, — появилась девушка, полицейский запаниковал, а он выследил, куда приземлился фотоаппарат. Как только полицейский и девушка отправились к ее подругам, Тибо завладел фотоаппаратом. Теперь он мог просто уйти, но этому парню следовало преподать урок. Не особо сложный урок, а просто урок, который позволит девушкам сохранить честь, Тибо — продолжить путь, а полицейскому — испортить день. Вот почему он не поленился вернуться, чтобы проткнуть шины полицейской машины.

— О, я тут вспомнил кое о чем, — начал Тибо. — Я нашел в кустах ваш фотоаппарат.

— Но у меня не было с собой фотоаппарата. Лори или Джен, кто-нибудь терял фотоаппарат?

Обе покачали головами.

— Возьмите его себе в любом случае, — сказал Тибо, положив его на сиденье. — И спасибо, что подвезли. А у меня фотоаппарат уже есть.

— Уверен? Он, наверное, дорогой.

— Берите, берите.

— Спасибо.

Тибо заметил, как тени играют на лице девушки, и подумал, что она хороша, как истинная женщина большого города, с острыми чертами лица, смуглой кожей и карими глазами с ореховыми вкраплениями. Он представил, что мог бы любоваться ею часами.

— Эй... а какие у тебя планы на эти выходные? — поинтересовалась Эми. — Мы все собираемся

на пляж.

— Спасибо за предложение, но я не могу.

— Готова поспорить, у тебя свидание с твоей девушкой, правда?

— С чего ты взяла?

— Просто у тебя именно такой вид.

Он отвернулся.

— Что-то вроде того.

Глава 2

ТИБО

Странно размышлять о том, какие неожиданные повороты делает человеческая жизнь. Год назад Тибо с радостью ухватился бы за возможность провести выходные с Эми и ее подругами. Возможно, именно это ему и было нужно, но когда они высадили его в окрестностях Хэмптона в самом пекле августовской жары, он помахал им на прощанье и ощутил странное облегчение. Изображать обычного человека было утомительно.

Покинув Колорадо пять месяцев назад, он не проводил ни с кем больше пары часов. Единственным исключением стал пожилой хозяин молочной фермы, живущий к югу от Литл-Рока. Он позволял Тибо ночевать в пустующей спальне на втором этаже после ужина, за которым фермер говорил не больше, чем сам Тибо. Он был признателен этому человеку: тот не считал нужным давить на него и выпытывать, почему он ведет себя именно так. Никаких вопросов, никакого любопытства, никаких прозрачных намеков. Лишь спокойное согласие с тем, что у Тибо нет настроения разговаривать. В знак благодарности Тибо задержался у него на пару дней, чтобы помочь починить крышу сарая, а потом вновь отправился в путь с нагруженным рюкзаком, и Зевс потрусил за ним.

Если не считать поездки с девушками, он прошел все расстояние пешком. После того, как он оставил ключи от квартиры в кабинете управляющего в середине марта, он сносил восемь пар обуви, питался в основном батончиками «Пауэрбар» и водой во время долгих одиноких переходов между городами, а как-то раз в Теннесси съел пять высоких стопок блинов, после того, как почти три дня не ел. Вместе с Зевсом он шел вперед сквозь бури, град и дождь и такую сильную жару, что кожа на его руках покрылась волдырями; он видел торнадо на горизонте близ Талсы, что в Оклахоме, и дважды чудом избежал удара молнии. Он часто выбирал окольные пути, стараясь держаться подальше от главной дороги и еще больше удлиняя путешествие, иногда просто повинувшись внезапному порыву. Обычно он шел до тех пор, пока его не охватывала усталость, и к концу дня начинал искать место для ночлега — такое, где, как ему казалось, ни его, ни Зевса не должны потревожить. Утром они снова отправлялись в путь еще до рассвета, чтобы никто ничего не узнал. И пока никто им не докучал.

Он подсчитал, что в среднем проходит более двадцати миль за день, хотя никогда не следил за временем или расстоянием специально. Цель путешествия состояла не в этом. Он полагал, будто некоторые думают, что он идет с целью обогнать воспоминания о мире, который оставил позади, и это представлялось весьма романтичным; другие же предпочитали верить, что он идет исключительно ради самого путешествия. Но и те и другие ошибались. Ему нравилось идти, и ему надо было кое-куда добраться. Проще простого. Ему нравилось идти тогда, когда

хочется, в темпе, который его устраивает, идти туда, где он желает оказаться. После четырех лет исполнения приказов в морской пехоте свобода манила его.

Мать волновалась за него, но, в конце концов, все матери волнуются. Его мать в любом случае. Он звонил ей каждые несколько дней и сообщал, что у него все в порядке, а потом, повесив трубку, часто думал, что несправедлив к ней. Он отсутствовал большую часть времени за последние пять лет и перед каждым из трех отъездов в Ирак внимательно слушал ее наставления по телефону, когда она увещевала его не делать глупостей. Он и не делал, но много раз оказывался на волосок от смерти. И хотя он сам никогда об этом не рассказывал, она читала об этих случаях в газетах.

«А теперь еще и это, — сокрушалась мать вечером накануне его ухода. — Вся эта затея, по моему, сущее сумасшествие».

Может, и так. А может, и нет. Он сам еще не понял.

— А ты как думаешь, Зевс?

Пес поднял голову, услышав свое имя, и потерся о бок хозяина.

— Да, знаю. Ты голоден. Что у нас есть хорошего? Тибо устроил привал на парковке ветхого мотеля на окраине города. Он достал миску и положил в нее последнее, что осталось из собачьей еды. Пока Зевс ел, Тибо рассматривал этот небольшой город.

Он видел места и похуже Хэмптона, но и получше тоже. Город раскинулся на берегах Саут-Ривер, примерно в тридцати пяти милях к северо-западу от Уилмингтона и побережья и на первый взгляд, казалось, не отличался от тысячи других самодостаточных сообществ голубых воротничков, у которых есть своя гордость и история, объединяющая многие земли Юга. Несколько светофоров покачивалось на отвисших проводах, периодически перебивая транспортный поток по направлению к мосту, обнимавшему реку. А по обе стороны основной дороги располагались низенькие кирпичные строения, слепившиеся друг с другом, они растянулись на полмили, сияя вывесками с названиями и рекламой заведений, где можно перекусить, или выпить, или купить какое-нибудь оборудование. Кое-где росли старые магнолии, оплетая бугристыми корнями тротуар. На отдалении Тибо заметил старомодный красно-белый столбик — обозначение парикмахерской — и, как водится, группку пожилых мужчин на скамейке у входа. Он улыбнулся. Это было чудно, словно видение из пятидесятых.

При ближайшем рассмотрении он все же почувствовал, что первые впечатления обманчивы. Несмотря на близость воды, или, вероятно, именно из-за нее, как подозревал Тибо, можно было заметить признаки разрушения — в крышах, в крошащихся кирпичах у фундаментов, в омерзительных выцветших пятнах на пару футов выше фундаментов, которые говорили о былых затоплениях. Ни один из магазинов еще не заколотили досками, но, обнаружив, как мало автомобилей припарковалось напротив зданий коммерческих фирм, Тибо задался вопросом: сколько еще они смогут протянуть? Деловые центры маленьких городов развивались по пути динозавров. А если это место такое же, как и остальные города, через которые он прошел, то, по его мнению, здесь наверняка уже появился еще один, более новый деловой район, который уже оккупировал и «Уол-март» или «Пиггли-Уиггли». Скоро придет конец существованию этой части города.

И все же странно. Быть здесь. Он и сам толком не знал, каким представлял себе Хэмптон, но уж точно не таким.

Не важно. Пока Зевс доедал, Тибо размышлял над тем, долго ли ему придется ее искать.

Женщину с фотографии. Женщину, с которой он жаждет встретиться.

Но он найдет ее. Это наверняка. Он поднял рюкзак.

— Ты готов?

Зевс склонил голову.

— Пойдем поищем комнату, где остановиться. Я хочу поесть и принять душ. А тебе не помешает ванна.

Тибо сделал пару шагов, прежде чем понял, что Зевс не сдвинулся с места. Тибо бросил взгляд, обернувшись к псу:

— Не надо так на меня смотреть. Тебе определенно нужно помыться. Ты воняешь.

Зевс все еще стоял не шелохнувшись.

— Отлично. Поступай как знаешь. Я иду.

Он направился в кабинет управляющего, чтобы зарегистрироваться, зная, что Зевс последует за ним. Ведь, в конце концов, Зевс всегда так делал.

До того, как Тибо нашел фотографию, его жизнь протекала так, как он затеял еще давно. У него всегда был план. Он хотел успешно окончить школу, и сделал это; он хотел освоить разные виды спорта и вырос, играя в самые разнообразные игры. Он хотел научиться играть ни скрипке и пианино и преуспел настолько, что смог сам сочинять музыку. После Университета Колорадо он собирался в морскую пехоту, и вербовщик был доволен тем, что он решил пойти на военную службу, а не стать офицером. Шокирован, но доволен. Большинство выпускников отнюдь не горели желанием стать пехотинцами, а он хотел именно этого.

Теракт во Всемирном торговом центре вряд ли имел связь с его решением. Наоборот, вступление в ряды вооруженных сил казалось Тибо чем-то естественным, ведь его отец прослужил в морской пехоте двадцать пять лет. Отец начинал обычным рядовым, а закончил одним из тех непреклонных седовласых сержантов, которые наводят страх на всех вокруг, кроме собственной жены и взводов, которыми командуют. Он относился к молодым людям как к сыновьям; его единственной целью, по его словам, было вернуть их домой к матерям живыми, здоровыми и уже повзрослевшими.

За все эти годы отец, должно быть, посетил более пятидесяти свадеб парней, которые не могли представить, как можно жениться без его благословения. И еще он был хорошим пехотинцем. Он получил «Бронзовую звезду» [3] и два «Пурпурных сердца» [4] во Вьетнаме и успел послужить в Гренаде, Панаме, Боснии и поучаствовать в первой войне в Персидском заливе. Отец был военным, который не возражал против переводов, так что Тибо провел большую часть юности, переезжая с места на место, на базах по всему свету. В некотором смысле Окинава была ему роднее, чем Колорадо, и хотя японский он уже подзабыл, он считал, что после недели в Токио сможет вновь говорить так же бегло, как раньше. Подобно отцу, Тибо рассчитывал служить до пенсионного возраста и в отличие от него собирался жить после этого еще долгие годы и наслаждаться ими. Его отец скончался от сердечного приступа всего через два года, после того как повесил форму на вешалку в последний раз. Из-за обширного инфаркта, который грянул как гром среди ясного неба. Минуту назад он сгребал снег с подъездной аллеи, а минутой позже его не стало. Это случилось тринадцать лет назад. Тогда

Тибо было пятнадцать.

Тот день и последовавшие за ним похороны были самыми отчетливыми воспоминаниями о его жизни до того, как он поступил в морскую пехоту. Когда растешь на военных базах, все обычно сливается в одно размытое пятно просто потому, что слишком часто приходится переезжать. Друзья приходят и уходят, одежда упаковывается и распаковывается, хозяйство непрерывно избавляется от ненужных вещей, и в результате лишь немного удается сохранить. Иногда бывает трудно, но зато это делает ребенка сильнее в том смысле, который большинству людей понять не суждено. Так, ребенок узнает, что какие-то люди остаются позади, а их место неизбежно занимают новые и что в каждом новом городе или селении или на военной базе есть что-то хорошее или плохое. И поэтому ребенок быстрее растет.

Даже годы в университете Тибо помнил туманно, но и в этой главе его жизни царили свои собственные рутинные порядки. Учеба в будни, удовольствия в выходные, зубрежка к экзаменам, дерьмовая еда в общежитии и две подружки, одна из которых продержалась чуть больше года. Каждый, кто когда-нибудь учился в университете, мог рассказать пару таких же историй, которые вряд ли сильно повлияли на его жизнь. В конце концов, осталось только образование. По правде говоря, Тибо не почувствовал вкус жизни до тех пор, пока не приехал в центр приема новобранцев на Пэррис-Айленде для базовой подготовки. Едва он спрыгнул с подножки автобуса, сержант-инструктор принялся кричать ему прямо в ухо. Никто не заставит человека поверить, будто вся жизнь до этого не имела никакого значения, кроме как сержант-инструктор. Теперь ты в их руках, и точка. Занимаешься спортом? Отожмись пятьдесят раз, мистер Распасовщик. Учился в университете? Собери винтовку, Эйнштейн. Отец служил в морской пехоте? Помой сортир, как и твой старик когда-то. Все те же старые клише. Бегом, марш, стоять смирно, ползти по грязи, вскарабкаться на ту стену: для него в курсе основной подготовки не было ничего неожиданного.

Он должен был признать, что обучение по большей части удавалось. Оно ломало людей, затем еще больше их подавляло и в конце концов превращало в морских пехотинцев. Или, во всяком случае, они так утверждали. Он не сломался. Он работал как вол, не высовывался, выполнял приказы и оставался таким же человеком, каким был до этого. И все же стал морским пехотинцем.

В итоге он попал в первый батальон пятого полка морской пехоты на базе «Кемп-Пендлтон». Сан-Диего был городом в его вкусе, с отличной погодой, великолепными пляжами и еще более прекрасными женщинами. Но это не продлилось долго. В январе 2003 года, сразу после того как ему исполнилось двадцать три, он оказался в Кувейте, участвуя в операции «Свобода Ираку». База «Кемп-Доха» в промышленной части города Кувейта использовалась со времен первой войны в Персидском заливе и сама по себе уже превратилась в небольшой городок. Там были спортзал и компьютерный центр, гарнизонная лавка, закусочные и палатки, простирающиеся до самого горизонта. Это бойкое место стало еще многолюднее в преддверии грядущего вторжения, и с самого приезда Тибо там царил хаос. Его дни на базе тянулись нескончаемой чередой долгих собраний, утомительных тренировок и репетиций наступления, план которого постоянно менялся. Должно быть, он успел поупражняться в надевании защитного костюма на случай химической атаки сотню раз. А еще по лагерю бродили множественные слухи. Самое сложное было выяснить, где правда, где ложь. Каждый знал о ком-то, кто знал кого-то, кто слышал реальные новости. Сегодня они неминуемо переходят в наступление, а завтра понимают, что все откладывается. Сначала они должны были атаковать с севера и юга, затем только с юга, а может быть, даже не так. Они слышали, что у противника есть химическое оружие и он намеревается его использовать; затем они слышали, что он не будет его использовать, потому что считает, будто Соединенные Штаты могут применить в ответ ядерную бомбу. Кто-то нашепывал, что Республиканская гвардия Ирака выставит

смертников прямо за границей; другие клялись, что их выставят близ Багдада. Третьи заявляли, что иракцы встанут стеной у нефтяных месторождений. Короче говоря, никто ничего не знал, что только подстегивало воображение ста пятидесяти тысяч военных, собравшихся в Кувейте.

вернуться

3

Медаль «Бронзовая звезда» вручается за участие в военных операциях, в том числе операциях по обеспечению боевых действий.

вернуться

4

Медаль «Пурпурное сердце» вручается за одно боевое ранение.

По большей части солдаты — это дети. Иногда люди об этом забывают. Восемнадцать, девятнадцать, двадцать — половина из военнослужащих еще не достигла возраста, когда они могли бы купить пиво. Они были уверены в себе, хорошо обучены и горели нетерпением перед предстоящей операцией, но нельзя было игнорировать действительность. Кому-то из них суждено было умереть. Некоторые говорили об этом открыто, другие писали письма семьям и передавали их армейскому священнику. Нервы сдавали. Одни испытывали трудности со сном, другие, наоборот, почти все время спали. Тибо наблюдал за всем этим со странным ощущением отчужденности. «Добро пожаловать на войну! — слышал он слова своего отца. — Это всегда ВКМГЗ: все классно, мы в глубокой заднице».

Тибо не мог оставаться равнодушным к тому, что напряжение все растет, и, как все, жаждал выпустить пар. Иначе было невозможно. Он начал играть в покер. Отец научил его играть, так что игра была ему знакома... или он думал, что знакома. Он быстро выяснил, что другие знают о ней гораздо больше. За первые три недели он успел потерять почти все деньги, которые скопил со времен поступления на службу: блефуя, когда надо было сбросить карты, и сбрасывая, когда нужно было оставаться в игре. Вообще это были небольшие деньги, и ему особенно негде было их тратить, даже если бы он выиграл. Но настроение у него испортилось на многие дни вперед. Он ненавидел проигрывать.

Успокоение даровали лишь долгие пробежки по утрам еще до восхода солнца. Обычно было очень прохладно; хотя на Ближнем Востоке Тибо находился уже месяц, он не переставал удивляться, какой холод может стоять в пустыне. Он упрямо бежал под усыпанным звездами небом, шумно выдыхая воздух.

К концу одной из таких пробежек, когда на отдалении уже замаячила его палатка, он замедлил бег. К тому моменту солнце уже показалось над горизонтом, заливая золотом весь унылый сухой пейзаж. Держа руки на бедрах и пытаясь отдышаться, он вдруг краем глаза заметил фотографию, тускло поблескивающую в грязи. Он остановился, чтобы поднять ее, и заметил, что она была хоть и дешево, зато аккуратно заламинирована, видимо, для защиты от непогоды. Он смахнул со снимка пыль, очистив изображение, и тогда в первый раз увидел ее.

Блондинка с улыбкой на лице и озорными глазами цвета нефрита в джинсах и футболке,

украшенной спереди словами «Счастливая леди». За ней красовался плакат с надписью «Ярмарки Хэмптона». Немецкая овчарка с сероватой мордой стояла рядом с ней. В толпе позади женщины можно было различить двух мужчин в футболках с какими-то логотипами, они теснились у стойки с билетами. Поодаль виднелись три дерева, вечнозеленые, с острыми кронами, такие могли расти где угодно. На обратной стороне карточки было написано от руки «Будь осторожен! Э.».

Не то, чтобы ему сразу бросилось в глаза что-то на фотографии. На самом деле его первым порывом было выбросить ее. Он чуть не сделал это, но как раз когда собрался, ему пришло в голову, что человек, потерявший снимок, возможно, хочет его вернуть. Для кого-то он явно много значил.

Вернувшись в лагерь, Тибо приколот снимок на доску объявлений у входа в компьютерный центр, рассчитывая, что любой обитатель лагеря рано или поздно пройдет мимо. Несомненно, кто-нибудь ее заберет.

Прошла неделя, затем десять дней. Хозяин фотографии так и не нашелся. К тому моменту взвод Тибо тренировался каждый день часами, и в покер играли уже серьезно. Некоторые проиграли тысячи долларов; поговаривали, что один младший капрал потерял около десяти тысяч. Тибо, не игравший со времен первой унижительной попытки, предпочитал проводить свободное время, размышляя о предстоящем вторжении и прикидывая, как он себя поведет, когда попадет под огонь противника. Прогулявшись к компьютерному центру за три дня до вторжения, он увидел, что фотография все еще висит на доске объявлений, и по какой-то непонятной ему самому причине взял ее и положил в карман.

Виктор, лучший друг Тибо в отряде — они были вместе еще со времен начальной подготовки, — все же уговорил его сыграть в покер тем вечером. Тибо, все еще не имевший денег, начал весьма сдержанно и думал, что не продержится в игре больше получаса. Он сбрасывал карты в первых трех играх, в четвертой собрал стрейт, а в шестой — фул-хаус. Карты именно так и выпадали — флаши, стрейты, фул-хаусы, — и к середине вечера он отыграл былые потери. Первые игроки к тому времени уже ушли, уступив место другим. А Тибо оставался. По очереди новые игроки сменялись другими. А Тибо оставался. Удача не покидала его, и к рассвету он выиграл больше, чем заработал за первые полгода службы в морской пехоте.

Лишь когда закончил игру вместе с Виктором, он осознал, что в кармане у него все это время лежала фотография. Когда они вернулись в палатку, он показал снимок Виктору и обратил его внимание на надпись на футболке женщины. Виктор, родители которого были нелегальными иммигрантами и жили близ Бейкерсфилда в Калифорнии, не только отличался религиозностью, но и верил в самые разные знамения. Грозы с молниями, развилки на дорогах и черных котов он любил больше всего. А перед отъездом в Ирак он рассказал Тибо о своем дяде, у которого якобы был дурной глаз: «Когда он смотрит на тебя определенным образом, значит, ты непременно умрешь, это лишь вопрос времени». Виктор заставлял Тибо вновь чувствовать себя десятилетним мальчиком, когда ему приходилось с восхищением слушать истории друга, который сидел, положив подбородок на ручной фонарик. Тибо ничего не говорил. У каждого свои причуды. Парень хочет верить в предзнаменования? Ну и пусть. Гораздо важнее то, что Виктора завербовали снайпером и что Тибо мог доверить ему собственную жизнь.

Виктор внимательно рассмотрел снимок, прежде чем вернуть.

— Говоришь, нашел фотографию на рассвете?

— Да.

— Рассвет — это время дня, полное энергии.

— Так ты мне говорил.

— Это знак, — заявил Виктор. — Она твой счастливый талисман. Видишь ее футболку?

— Сегодня вечером она действительно принесла удачу.

— Так будет и дальше. Ты нашел эту фотографию по какой-то причине. Ее хозяин не объявился тоже по какой-то причине. Ты забрал ее сегодня сам по какой-то причине. Выходит, у тебя она и должна находиться.

Тибо хотел ответить что-то насчет парня, который ее потерял, и о том, как он теперь себя чувствует, но промолчал. Он просто лег на койку и сложил руки за головой.

Виктор сделал то же самое.

— Я рад за тебя. С этого дня удача будет неотступно следовать за тобой, — добавил он.

— Надеюсь.

— Но ты не должен потерять снимок.

— Не должен?

— Если потеряешь, то судьба отвернется от тебя.

— И что это значит?

— Это значит, что тебе больше не будет везти. А быть невезучим на войне — хуже всего.

Номер мотеля оказался таким же уродливым, как и все здание: обшитые деревом стены, светильники, прикрепленные к потолку цепями, грубый ковер, телевизор, привинченный к стойке. Создавалось впечатление, словно помещение отделали приблизительно в 1975-м и с тех пор не обновляли. Оно напоминало Тибо о тех местах, где заставлял их останавливаться отец во время отпускных семейных поездок по юго-западу много лет назад. Они ночевали в мотелях вблизи скоростных трасс, и если отцу казалось, будто там относительно чисто, он считал, что место им подойдет. Мама не вполне разделяла его мнение, но что она могла сделать? Вряд ли через дорогу можно было найти отель сети «Времена года», а даже если и так, они не смогли бы себе этого позволить.

Заезжая в номер мотеля, Тибо следовал тому же рутинному порядку, что и его отец: он поднимал одеяло, проверяя, чистые ли простыни, изучал занавеску в ванной на предмет плесени, высматривал волосы в раковине. Несмотря на пятна ржавчины, текущий кран и прожженные дырки от сигарет, чего можно было ожидать, тут оказалось чище, чем он думал. И к тому же номер обошелся ему недорого. Тибо заплатил наличными за неделю вперед, без лишних вопросов и доплаты за собаку. В общем, выгода налицо. У Тибо не было кредитных карт, дебетовых карт, карты для использования в банкомате, официального почтового адреса, мобильного телефона. Почти все свое имущество он носил с собой. У него, однако, был счет в банке, с которого ему могли перевести деньги при необходимости. Он был зарегистрирован на корпорацию, а не на его имя. Он не был богат и не принадлежал даже к среднему классу.

Корпорация не вела никакого бизнеса. Он просто оберегал свою частную жизнь.

Тибо отправил Зевса в ванную и помыл его шампунем, который достал из рюкзака. Затем он принял душ и надел последний чистый комплект одежды, который у него оставался. Сидя на кровати, он листал телефонную книжку, но не нашел кого хотел. Он оставил себе пометку постирать вещи, когда будет время, а потом решил перекусить в маленьком ресторанчике, который только что видел на улице.

Когда Тибо пришел туда, Зевса внутрь не пустили, что несколько не удивляло. Зевс улегся у входа и уснул. Тибо съел чизбургер с картофелем фри, запил молочным шоколадным коктейлем, а потом заказал чизбургер для Зевса. Снаружи Тибо понаблюдал за тем, как Зевс проглотил еду меньше чем за двадцать секунд и вновь поднял глаза на него.

— Рад, что тебе удалось посмаковать каждый кусочек. Пойдем.

Тибо купил карту города в дежурном магазине и сел на скамейку у площади, в старомодном парке, окруженном деловыми улицами с четырех сторон. Хотя там росли большие тенистые деревья, имелась игровая площадка для детей и множество цветов, народу было немного: несколько матерей собрались группкой, а их дети съезжали с горки или рассекали воздух, катаясь на качелях. Он исследовал лица женщин, чтобы удостовериться, что ее среди них нет, а потом отвернулся и развернул карту, прежде чем они разнервничались из-за его присутствия. Матери с маленькими детьми всегда нервничают при виде одиноких мужчин, которые бесцельно околачиваются поблизости. Он их не винил: слишком много вокруг бродит всяких ненормальных.

Изучая карту, Тибо пытался сориентироваться и рассчитать следующий шаг. Он не тешил себя иллюзиями, что будет легко. В конце концов, он знал совсем немного. Все, что у него было, — это фотография. Ни имени, ни адреса. Ни сведений о работе. Ни телефонного номера. Ни даты. Ничего, кроме лица в толпе.

Но были кое-какие подсказки. Он детально изучил снимок, как уже много раз до этого, и начал с того, что ему известно. Фотографию сняли в Хэмптоне. Женщине было чуть больше двадцати, когда ее сфотографировали. Она была красива. У нее либо жила немецкая овчарка, либо она знала хозяина такой собаки. Ее имя начиналось с буквы «Э». Эмма, Элейн, Элиз, Эйлин, Эллен, Эмили, Эрин, Эрика... Это самые вероятные варианты, хотя на Юге, как ему казалось, могли найтись такие имена, как Эрдин или Элспет. Она ходила на ярмарку с человеком, которого позже отправили в Ирак. Она дала ему фотографию, а Тибо нашел ее в феврале 2003-го, а это значило, что ее сняли до этого времени. Выходит, женщине скорее всего уже ближе к тридцати. На отдалении высились три вечнозеленых дерева. Все что он знал наверняка. Факты.

А потом пошли предположения, начинавшиеся с Хэмптона. Хэмптон — весьма распространенное название. Быстрый поиск в Интернете выдал множество мест. Округа и города в Южной Каролине, Виргинии, Нью-Хемпшире, Айове, Небраске, Джорджии. Плюс другие варианты. Масса других вариантов. И конечно, Хэмптон в округе Хэмптон, Северная Каролина.

Хотя на втором фоне не было заметно особых ориентиров, как, например, изображения усадьбы «Монтичелло», обозначающей Виргинию, или плаката «Добро пожаловать в Айову», кое-какую информацию найти удалось. Буквально собрать по крупицам, но не о женщине, а о молодых парнях, стоящих в очереди на заднем плане. На обоих были футболки с логотипами. Изображение Гомера Симпсона на одной футболке ничего не дало. А слово «Дэвидсон» на второй сначала показалось совершенно бессмысленным. На первых порах он предположил, что

это сокращение от названия мотоцикла «харли-дэвидсон». Но повторный поиск в «Гугле» все прояснил: название «Дэвидсон» имел престижный колледж близ Шарлотта в Северной Каролине. С избирательным подходом к выбору слушателей, сложными предметами, уклоном в гуманитарные науки. При просмотре каталога книжного магазина этого колледжа он нашел такую же футболку.

Тибо понимал, что наличие футболки не гарантирует, что снимок был сделан в Северной Каролине. Возможно, бывший студент колледжа подарил парню футболку, возможно, он приехал учиться из другого штата, возможно, ему просто понравились цвета, возможно, он уже окончил колледж и переехал в другое место. Но поскольку зацепок больше не было, Тибо позвонил в Торговую палату Хэмптона перед отъездом из Колорадо и удостоверился, что они проводят окружную ярмарку каждое лето. Еще один хороший знак. У него наметился маршрут, хотя и не окончательный. Он просто предполагал, что это — то самое место. И все же по причине, которую не мог объяснить, он чувствовал: место выбрано правильно.

У него были и другие предположения, но к ним он обратится позднее. Первым делом требовалось найти рыночную площадь. Тибо надеялся, что окружная ярмарка из года в год проводится на том же месте; он надеялся, что человек, который укажет ему верное направление, сможет ответить и на этот вопрос. Лучше всего поискать такого человека в одной из местных фирм. Но не в антикварной или сувенирной лавке — их владельцами часто становились люди, недавно приехавшие в город с севера в поисках более спокойной жизни и более теплой погоды. Он же подумал, что стоит попытаться счастья где-то вроде магазина оборудования. Или в баре. Или в агентстве недвижимости. Он решил, что узнает подходящее место, как только оно попадется ему на глаза.

Тибо жаждал увидеть место, где сняли фотографию. Но не для того, чтобы лучше понять, кто эта женщина. Ярмарочная площадь в этом не поможет.

Он хотел узнать, стоят ли там бок о бок три дерева, высокие, вечнозеленые, с острыми кронами, какие могут расти где угодно.

Глава 3

БЕТ

Бет сидела, потягивая диетическую колу из баночки, и радовалась тому, что Бен отлично проводит время на дне рождения своего друга Зака. Она как раз подумала, что было бы здорово, если бы ему не пришлось ехать к отцу, когда вошла Мелоди и опустилась на стул рядом с ней.

— Хорошая мысль, а? Водяные пистолеты пользуются огромным успехом. — Мелоди улыбнулась. Ее отделенные зубы были слишком белыми, а кожа — слишком темной, словно она только что вернулась из солярия. Возможно, так оно и было. Мелоди гордилась своей внешностью еще со старших классов, а теперь это и вовсе превратилось в одержимость.

— Будем надеяться, что они не обольют нас.

— Лучше им этого не делать, — нахмурилась Мелоди. — Я сказала Заку, что если он посмеет так поступить, я всех отправлю домой. — Она откинулась назад, устраиваясь поудобнее. — Чем ты занимаешься этим летом? Я нигде тебя не вижу, и ты мне не перезваниваешь.

— Прости. Этим летом я отшельничаю. Мне просто тяжело управляться с Наной, школой для собак и дрессировками. Не представляю, как Нане так долго удавалось с этим совладать.

— У Наны сейчас все в порядке?

Нана была бабушкой Бет. Она воспитывала Бет с трех лет после гибели ее родителей в автокатастрофе. Бет кивнула:

— Ей становится лучше, но инсульт сильно подорвал здоровье. Левые рука и нога еще плохо двигаются. Она может кое-что делать, но гонять собак и дрессировать их выше ее сил. А ты знаешь, какая она неугомонная. Я всегда беспокоилась, что она перенапрягается.

— Я заметила, она вернулась в хор на этой неделе.

Нана состояла в церковном хоре при Первой баптистской церкви уже более тридцати лет, и Бет знала, что это одно из ее страстных увлечений.

— На прошлой неделе Нана показала там впервые после возвращения, и не думаю, что она много пела. А потом она спала целых два часа.

Мелоди кивнула.

— А что будет, когда начнется учеба в школе?

— Не знаю.

— Но ты ведь собираешься преподавать и дальше?

— Надеюсь.

— Надеешься? Разве на следующей неделе у вас не проводят собрание учителей?

Бет не желала думать об этом и уж тем более говорить, но она знала, что Мелоди не имеет в виду ничего плохого.

— Проводят, но я не уверена, что на него приду. Я знаю, что поставлю школу в затруднительное положение, но не могу оставить Нану одну надолго. Во всяком случае, пока. И кто поможет ей с собаками? Она никак не сумеет дрессировать их весь день.

— А ты не можешь нанять кого-нибудь? — предложила Мелоди.

— Пыталась. Я рассказывала тебе, что случилось в начале лета? Я наняла парня, который пришел два раза, и потом исчез, как только наступили выходные. То же самое со вторым парнем, которого я взяла. После этого никто больше не появлялся. Табличка «Требуется помощь» стала неизменным украшением окна.

— Дэвид всегда жалуется на нехватку хороших сотрудников.

— Скажи ему, чтобы снизил зарплату до минимума, вот тогда он пожалуется по-настоящему. Даже старшие школьники больше не хотят чистить клетки. Они говорят, это противно.

— Это противно. Бет засмеялась.

— Да, уж это правда, — признала она. — Но я уже опоздала. Вряд ли что-то изменится до следующей недели, а если не изменится, все равно. Бывает и хуже. Мне в самом деле нравится дрессировать собак. В половине случаев с ними легче справиться, чем с учениками.

— Как с моей?

— С твоей было легко. Поверь мне. Мелоди махнула рукой в сторону Бена:

— Он вырос, с тех пор как я видела его в последний раз.

— Почти на дюйм, — заметила Бет, подумав, как мило было со стороны Мелоди обратить на это внимание. Бен всегда отличался маленьким ростом для своих лет и на классной фотографии обычно занимал место слева в первом ряду; он был на полголовы ниже мальчика рядом с ним. Зак, сын Мелоди, сидел в противоположном углу — справа и сзади, он всегда был самым высоким в классе.

— До меня дошли слухи, что Бен не будет играть в футбол этой осенью, — призналась Мелоди.

— Он хочет попробовать что-нибудь другое.

— Что, например?

— Научиться играть на скрипке. Он собирается брать уроки у миссис Хастингс.

— Она все еще преподает? Ей, должно быть, уже девяносто.

— Зато у нее хватает терпения учить новичков. По крайней мере, так она сказала мне. И Бену она очень нравится. А это главное.

— Тем лучше для него, — заявила Мелоди. — Держу пари, он будет прекрасно играть. Но Зак расстроится.

— Так ведь они были бы в разных командах. Зак собирается играть за сборную, верно?

— Если его возьмут.

— Возьмут.

Так и будет. Зак из тех детей, что уверены в себе от природы, любят соревноваться, рано взрослеют и легко могут обойти других, менее талантливых игроков на поле. Таких, как Бен. Даже сейчас, бегая по двору с водяным пистолетом, Бен не могу гнаться за ним. Хотя у мальчика были доброе сердце и хороший характер, спортивностью он не отличался, что беспрестанно раздражало бывшего мужа Бет. В прошлом году ее бывший дежурил во время матчей у кромки поля с весьма сердитым видом; это стало еще одной причиной, почему Бен отказался играть.

— Дэвид опять будет помогать ему тренироваться?

Дэвидом звали супруга Мелоди, он был одним из двух городских педиатров.

— Он еще не решил. С тех пор как ушел Хоскинс, его вызывают намного чаще. Его это раздражает, но что он может сделать? Руководство пыталось взять на работу еще одного доктора, но это непросто. Не все жаждут работать в маленьком городе, особенно когда ближайшим больница расположена в Уилмингтоне в сорока пяти минутах пути. Так что теперь он работает намного дольше. Почти каждый день приходит домой не раньше восьми. А иногда даже позже.

Бет уловила нотки волнения в голосе Мелоди и попили, что подруга думает о романе на

стороне — в своей измене Дэвид признался прошлой зимой. Бет знала достаточно, чтобы не развивать эту тему. Она решила, когда впервые услышала сплетни, что они будут говорить об этом, только если захочет Мелоди. А если нет? Ну и прекрасно. В конце концов, это не ее дело.

— А как ты сама? Встречаешься с кем-нибудь?

Бет скорчила гримасу:

— Нет. После Адама ни с кем.

— А с ним что случилось?

— Понятия не имею.

Мелоди покачала головой:

— Не могу сказать, что я тебе завидую. Я никогда не любила встречаться.

— Да, но у тебя это хотя бы хорошо получалось. А у меня ужасно.

— Ты преувеличиваешь.

— Нисколько. Но это и не особенно важно. Не уверена, что у меня есть на это силы. Надевать стринги, брить ноги, флиртовать, притворяться, что тебе нравятся его друзья. Все это требует жутких усилий.

Мелоди наморщила нос:

— Ты что, не бреешь ноги?

— Конечно, брею, — ответила Бет. Затем, понизив голос, она добавила: — По крайней мере периодически. — Она выпрямилась. — Но ты понимаешь, к чему я клоню. Ходить на свидания — это труд. Особенно для женщины моего возраста.

— Ой, не надо! Тебе даже нет тридцати, и ты сногсшибательно выглядишь.

Бет слышала эти слова достаточно часто, но все еще не привыкла к тому, что мужчины — даже женатые — часто вытягивали шеи, когда она проходила мимо. За первые три года преподавания она только один раз встречалась с отцом ученика. Во всех остальных случаях по вызову приходили матери. Она помнила, с каким удивлением рассказала об этом Нане пару лет назад, и Нана сказала: «Они не хотят оставлять тебя наедине со своими муженьками, потому что ты красива, как сладкая тыковка». Нана всегда своеобразно выражала свои мысли.

— Ты забываешь, где мы живем, — возразила Бет подруге. — Здесь не так много одиноких мужчин моего возраста. А если они и одиноки, то не просто так.

— Это неправда.

— Быть может, в большом городе все иначе. Но здесь? В этом захолустье? Поверь мне. Я прожила здесь всю жизнь, и даже когда училась в университете, ездила домой на пригородном поезде. В тех редких случаях, когда меня приглашали на свидания, мы встречались два или три раза, а потом мне больше не звонили. Не спрашивай почему. — Она махнула рукой: — Да это и не имеет значения. У меня есть Бен и Нана. Я же не живу одна в окружении дюжины кошек.

— Нет. У тебя есть собаки.

— Не мои собаки. Собаки других людей. А это большая разница.

— О да! — фыркнула Мелоди. — Большая разница.

Во дворе Бен тащился за остальными с водяным пистолетом в руках, изо всех сил пытаясь не отставать, но вдруг поскользнулся и упал. Его очки упали в траву. Бет уже научилась не вскакивать с места и бежать проверять, все ли в порядке. В последний раз, когда она попыталась помочь, сын явно смутился. Он шарил руками по траве, пока не нашел очки, вскочил и снова побежал.

— Они так быстро растут, да? — произнесла Мелоди, перебив мысли Бет. — Я знаю, все так говорят, но это правда. Я помню, как об этом мне говорила мама, а я думала, что она не представляет, о чем вообще ведет речь. Не могла дождаться, пока Зак станет чуть старше. Еще бы, тогда у него были колики и больше месяца я спала по ночам всего пару часов. А теперь наши дети уже переходят в средние классы.

— Пока нет. Остался еще целый год.

— Знаю, но все равно нервничаю.

— Почему?

— Знаешь... это трудный возраст. Дети подходят к тому этапу, когда начинают понимать мир взрослых, но сами еще не настолько зрелые, чтобы справиться со всем, что происходит вокруг. Прибавь к этому все соблазны и то, что они перестают слушаться тебя так, как раньше, и юношеские капризы, и я первая сознаюсь в том, что отнюдь не жду этого момента. Ты же учитель. Ты знаешь.

— Вот почему я преподаю во втором классе. Правильный выбор. — Мелоди притихла. — Ты слышала про Эллиота Спенсера?

— Ничего особенного не слышала. Я же теперь отшельник, ты забыла?

— Его поймали на продаже наркотиков.

— Он ведь всего на пару лет старше Бена!

— И даже не получил еще неполное среднее образование.

— Вот теперь и я занервничала.

Мелоди закатила глаза:

— Не стоит. Если бы мой сын был хоть немного похож на Бена, я бы не видела повода нервничать. Бен — славный мальчик. Он всегда вежливый, добрый, всегда первым бросается на помощь младшим. Он умеет сочувствовать. Но мой сын все же Зак.

— Зак тоже отличный малый.

— Я знаю, что так оно и есть. Но с ним всегда было сложнее, чем с Беном. И он больше склонен подражать другим, чем Бен.

— Ты видишь, как они играют? Мне кажется, это Бен всем подражает.

— Ты понимаешь, о чем я.

И она понимала. С самого раннего возраста Бена устраивало идти своим собственным путем. И это неплохо, признавала Бет, ведь он избрал хороший путь. И пусть друзей у него было мало, зато увлечений — много, и он всегда находил чем заняться в одиночестве. И увлечения тоже были хорошими. Он не особенно интересовался видеоиграми или Интернетом. И хотя иногда смотрел телевизор, обычно сам его выключал примерно через полчаса. Вместо этого он читал или играл в шахматы (эту игру он, казалось, понимал на уровне интуиции) на электронной доске, которую получил в подарок на Рождество. Он любил читать и писать, и хотя обожал собак, которые обучались в их школе, немного сторонился их — многие беспокойно себя вели из-за долгого сидения в клетках. А днем он часто играл, кидая теннисные мячики, которые почти никогда не находились.

— Все будет хорошо.

— Надеюсь. — Мелоди отставила в сторону стакан. — Думаю, пора принести торт, да? У Зака тренировка в пять.

— Отличная идея.

Мелоди встала:

— Уверена, он захочет взять с собой водяной пистолет и облить тренера с головы до ног.

— Тебе нужна помощь?

— Нет, спасибо. Посиди здесь и отдохни. Я скоро вернусь.

Бет посмотрела на уходящую Мелоди и впервые заметила, как сильно та похудела. Ей удалось сбросить десять, быть может, даже пятнадцать фунтов, с тех пор как Бет видела ее в последний раз. Неудивительно при таком-то стрессе. Измена Дэвида сломала ее, но в отличие от Бет, когда такое произошло с ней, Мелоди твердо решила сохранить брак. И потом, у них были абсолютно разные семьи. Дэвид совершил огромную ошибку и сделал больно Мелоди, но в целом они всегда казались Бет счастливой парой. А брак Бет, напротив, потерпел фиаско с самого начала, как и предсказывала Нана. Нана умела мгновенно оценивать людей и с особенным видом пожимала плечами, когда ей кто-то не нравился. Когда Бет объявила, что беременна (и это вместо того, чтобы отправиться в университет), они с бывшим планировали пожениться, а Нана начала так часто пожимать плечами, что это напоминало нервный тик. Конечно, тогда Бет проигнорировала ее, подумав: «она не дала ему шанса. На самом деле она просто его не знает. Все получится». Как бы не так. Нана всегда была вежлива, всегда радушна в его присутствии, но продолжала пожимать плечами. Брак продлился меньше девяти месяцев; Бену было пять недель. Нана с самого начала была права. Бет разошлась с мужем десять лет назад.

Мелоди исчезла в доме и появилась пару минут спустя, за ней вышел Дэвид. Он нес бумажные тарелки и вилки, явно поглощенный какими-то мыслями, Бет заметила у него седые волосы и глубокие морщины на лбу. Когда она видела его в последний раз, морщины не были столь заметны, и она догадывалась, что это результат стресса, который ему приходится переживать.

Иногда Бет задавалась вопросом, как сложилась бы ее жизнь, будь она замужем. Не за своим экс-супругом, разумеется. От этой мысли она содрогалась. Общения с ним каждые выходные

было более чем достаточно, спасибо большое. Но если бы рядом оказался кто-то другой. Кто-то... получше. Ей казалось, это неплохая идея, по крайней мере в общем и целом. По прошествии десяти лет она привыкла к своей жизни, и хотя было бы здорово коротать с кем-то вечера после работы или время от времени наслаждаться массажем спины, ей все же нравилось проводить весь субботний день в пижаме, если ей того хотелось. И так она иногда и делала. И Бен тоже. Они называли такие дни «ленивыми». И это были самые лучшие дни на свете. Иногда они целый день бездельничали, только заказывали пиццу и смотрели кино. Божественно.

Кроме того, если даже отношения могут быть сложными, то брак еще сложнее. Ведь не только Мелоди и Дэвид боролись за счастье. Казалось, большинству пар приходилось бороться. Это было нечто само собой разумеющееся. Как всегда говорила Нана? «Посади двух разных людей с разными ожиданиями под одну крышу, и не всегда все пройдет так же славно, как креветки с гритс [5], поданные на Пасху».

Именно. Хотя она точно и не знала, откуда Нана берет такие метафоры.

Взглянув на часы, Бет вспомнила, что как только праздник закончится, ей придется нестись домой, чтобы проверить Нану. Несомненно, она найдет ее в бывшем питомнике, где теперь жили собаки, взятые на обучение, либо за столом, либо с собаками. Вот такая Инна упрямая. Разве имеет значение, что левая нога едва ее слушается? «Моя левая нога не так тверда, как раньше, но и не похожа на пчелиный воск». Или что она может упасть и что-нибудь себе повредить? «Я не коробка дорогого фарфора». Или что левой рукой она все равно почти ничего не может делать? «Пока я могу есть суп, мне она все равно не нужна».

Она уникальна, благослови ее Бог. И так было всегда.

— Эй, мам?

Увлечшись мыслями, она не заметила, как подошел Бен. Его веснушчатое лицо блестело от пота. С одежды капала вода, а на рубашке виднелись пятна от травы, которые — она знала наверняка — никогда не удастся отстирать.

— Да, малыш?

— Можно, я останусь у Зака на ночь?

— Я думала, у него тренировка.

— После тренировки. Тут куча народу остается, а его мама купила ему игру «Герой гитары» на день рождения.

Она знала, почему Бен на самом деле хочет остаться.

— Не сегодня. Тебе нельзя. Папа приедет, чтобы забрать тебя в пять.

— Ты можешь позвонить ему и спросить?

— Я попытаюсь. Но ты же знаешь...

Бен кивнул, и, как обычно, в такие моменты, ее сердце сжалось.

— Да, знаю.

Солнце сияло через ветровое стекло и нестерпимо жгло, и Бет пожалела, что не починила кондиционер. Из-за открытого окна волосы хлестали ее по лицу, так что становилось больно. Она снова напомнила себе о том, чтобы сделать стрижку покороче. Она вообразила, как говорит парикмахеру: «Отрежь это все, Терри. Сделай меня похожей на мужчину!» Но она знала, что попросит все сделать как всегда, когда подойдет время. Иногда она была трусихой.

— Казалось, вы, ребята, веселились от души.

— Так и было.

— И это все, что ты можешь сказать?

— Я просто устал, мам.

Она указала на кафе-мороженое «Дейри куин», замаячившее вдалеке:

— Хочешь заехать и поесть мороженого?

— Это для меня вредно.

— Эй, здесь я — мать. Так что эти слова должна произносить я. Просто подумала, если тебе жарко, то, возможно, ты захочешь мороженого.

— Я не голоден — только что поел торта.

— Ладно. Как знаешь. Только не обижайся на меня, если приедешь домой и поймешь, что следовало ухватиться за такую возможность.

— Не буду. — Он отвернулся и уставился в окно.

— Эй, парень, ты в порядке?

Когда Бен заговорил, его голос едва можно было услышать из-за порывов ветра.

— Почему я должен ехать к папе? Веселья там точно не будет. Он вечно заставляет меня ложиться в девять, как будто я до сих пор во втором классе или что-то вроде того. Я даже устать не успеваю. А завтра он меня заставит целый день что-то делать по дому.

— Я думала, он повезет тебя к дедушке на обед после церкви.

— Все равно не хочу ехать.

«И я не хочу, чтобы ты ехал», — подумала она. Но что она могла сделать?

— Почему бы тебе не взять с собой книгу? — предложила Бет. — Ты сможешь читать ее у себя в комнате вечером, а если заскучаешь завтра, то и у дедушки тоже.

— Ты всегда так говоришь.

«Потому что я не знаю, что еще тебе сказать», — подумала она.

— Хочешь заехать в книжный магазин?

— Нет, — ответил сын. Но она поняла, что на самом деле он не это имел в виду.

— Ладно. Как бы там ни было, пойдём со мной. Я хочу купить книжку себе.

— Хорошо.

Мне жаль, что так вышло, ты знаешь.

— Да, я знаю.

Поход в книжный магазин не особенно повысил настроение Бена. Хотя в итоге он выбрал парочку детективов о братьях Харди, она видела, с каким обречённым видом он встал в очередь в кассу. По пути домой Бен открыл одну из книг и притворился, что читает. Бет была почти уверена, что он сделал это нарочно, чтобы избавиться от её бесчисленных вопросов и не изображать, поддельную радость в преддверии ночи в доме отца. В десять лет мальчик уже удивительным образом научился предугадывать её действия.

вернуться

5

Гритс — традиционное блюдо южных штатов из грубо размолотой кукурузы, похожее на мамалыгу

Её страшно раздражало, что он не любит ездить к отцу. Она посмотрела, как он вошел в дом, зная, что он направляется в свою комнату собирать вещи. Вместо того чтобы последовать за ним, она села на ступеньках веранды и в тысячный раз пожалела о том, что не может принять волевое решение. Все еще стояла жара, и, судя по скулению, доносившемуся из питомника, собаки тоже тяжело ее переносили. Она прислушалась, надеясь уловить признаки присутствия Наны в доме. Если бы она была на кухне, когда вошел Бен, она точно услышала бы ее. Нана постоянно создавала шум. Не из-за инсульта, а потому что такова была от природы. В семьдесят шесть она вела себя как в семнадцать: громко смеялась, подбрасывала блины лопаткой, когда готовила, обожала бейсбол и включала радио на полную громкость, так что закладывало уши, когда по волне Эн-пи-ар включали что-нибудь из эры биг-бэнда [6]. «Такая музыка не растёт, как бананы, ты же знаешь». До самого инсульта она носила резиновые сапоги, комбинезоны и огромную соломенную шляпу почти каждый день, топая по двору и обучая собак идти рядом, или прибежать по зову, или оставаться на месте.

Много лет назад вместе с мужем Нана могла научить их почти всему. Вместе они разводили и дрессировали охотничьих собак, собак-поводырей для слепых, собак, умеющих искать наркотики, для полиции, и сторожевых собак для охраны дома. Теперь все было не так, она занималась подобной работой лишь изредка. Не потому что не знала, что делать, — она все равно по большей части занималась дрессурой сама. Просто на дрессировку сторожевой собаки уходило четырнадцать месяцев, и Нана, которая за три секунды могла полюбить даже белку, очень переживала, едва приходило время отдавать собаку. А когда рядом не оказалось дедушки, который говорил: «Мы уже его продали, так что у нас нет выбора», — Нана поняла, что ей проще свернуть бизнес.

И Нана открыла популярную школу послушания для собак. Люди привозили собак на пару недель — в собачий лагерь для новобранцев, как говорила Нана, — и она учила их сидеть, лежать, оставаться на месте, приходить по зову хозяина и идти рядом. Это были простые, элементарные команды, которые быстро могла усвоить любая собака. Обычно от пятнадцати до

двадцати пяти собак менялись каждые две недели, и каждой псине требовалось лишь двадцать минут занятий в день. А если заниматься чуть дольше, собаки просто могут потерять интерес. Было не так тяжело, когда у них оставалось пятнадцать «учеников», но когда их становилось двадцать пять, на уход тратилась куча времени, особенно если учесть, что каждого нужно выгулять. А ведь еще нужно их всех покормить, вычистить клетки, звонить по телефону, общаться с клиентами и оформлять документы. Большую часть лета Бет работала по двенадцать или тринадцать часов в день.

Они всегда были заняты. Дрессировать собаку нетрудно, Бет время от времени помогала в этом Нане с двенадцати лет, к тому же по этому вопросу написано множество книг. Кроме того, в ветеринарной клинике проводились уроки для собак и их хозяев по утрам каждую субботу за небольшую плату. Бет знала, что большинство хозяев могли бы в течение пары недель посвящать дрессировке собаки по двадцать минут в день. Но они не хотели. Наоборот, люди приезжали из таких далеких штатов, как Флорида или Теннесси, чтобы подбросить собаку другому человеку, который выдрессировал бы ее за них. Естественно, Нана имела прекрасную репутацию в качестве тренера, но она всего лишь учила собак сидеть, приходить по зову, идти рядом и стоять на месте. Это дело нехитрое. И все же клиенты всегда были ей благодарны. И всегда, всегда удивлены.

Бет взглянула на часы. Кит — ее бывший — скоро приедет. И хотя у нее были претензии к этому человеку — и серьезные претензии, видит Бог, — их сын находился под совместной опекой, и она пыталась использовать эту ситуацию наилучшим образом. Она любила повторять себе, что для Бена важно проводить время с отцом. Мальчикам полезно общаться с отцами, особенно в подростковые годы, и она должна признать, что Кит не был плохим парнем. Незрелым — да, но не плохим. Он мог пропустить кружку-другую пива, но алкоголиком не был, наркотиков не употреблял, никогда не поднимал руку ни на нее, ни на ребенка. Он ходил в церковь каждое воскресенье. У него была стабильная работа, и он вовремя платил алименты. Или, скорее, это делала его семья. Деньги поступали из траста, одного из многих, которые его семья создала за долгие годы. И в основном он держал своих бесконечных подружек подалеке в те выходные, когда приезжал сын. Ключевые слова здесь «в основном». В последнее время у него это получалось лучше, но Бет была абсолютно уверена: это в меньшей степени связано с усилением чувства отцовства, чем с затянувшейся сменой одной девушки на другую. Она бы и не возражала, только по возрасту его подружки, как правило, были ближе к Бену, чем к нему, и обычно имели ай-кью как у плошки с салатом. Она не злорадствовала, даже Бен это понимал. Пару месяцев назад Бену довелось помогать одной из них приготовить вторую порцию спагетти «Крафт» с сыром, после того как она провалила первую попытку следовать указаниям вроде «добавьте молока, масла, перемешайте и дайте постоять» явно было для нее чересчур сложно.

Однако не это беспокоило Бена больше всего. Девушек можно было стерпеть — они относились к нему скорее как к младшему брату, а не как к сыну. Да и домашние обязанности не так его расстраивали. Он мог поработать граблями во дворе, или убрать на кухне, или вынести мусор, к тому же ее бывший не относился к Бену как к наемному работнику. Да и сами домашние обязанности шли Бену на пользу; когда он в выходные оставался с ней, она тоже давала ему кое-какие поручения. Нет, проблема была в том, что Кит неустанно выражал свое разочарование Беном. Кит хотел видеть перед собой атлета; вместо этого он получил сына, который жаждал научиться играть на скрипке. Он желал найти в Бене напарника для охоты, а получил сына, который лучше спокойно почитает. Он ждал сына, который будет ловить мячики в бейсболе или забрасывать мячи в баскетбольные корзины, а получил обузу в виде неловкого мальчика с плохим зрением.

Он никогда не говорил об этом Бену или ей, но этого и не требовалось. Все было ясно по тому, как он презрительно морщился, наблюдая за игрой Бена в футбол. Как отказывался похвалить

мальчика за победу в последнем шахматном турнире, как постоянно заставлял его быть кем-то, кем он не был. Это сводило Бена с ума и в то же время разбивало ей сердце. Много лет Бен пытался угодить отцу, но со временем бедное дитя просто выбилось из сил. «Научись ловить бейсбольный мяч. Ведь хуже не будет, верно? Возможно, Бену это даже понравится, и он захочет играть в Малой бейсбольной лиге [7]». Когда ее бывший сделал такое предложение, показалось, будто это великолепное предложение, а Бен поначалу просто ликовал. Но потихоньку Бену стала ненавистна сама мысль об этом. Если ему удавалось поймать три мяча подряд, отец хотел, чтобы он поймал четвертый. А когда удавалось и это, нужно было ловить пятый. Когда он добился некоторых успехов, отец пожелал, чтобы он собирал все мячи. А потом, чтобы он ловил их, когда бежит вперед. И когда бежит назад. И когда скользит по земле. И когда приседает. И когда папа кидает мяч с такой силой, с какой только может. А если он уронит хоть один? Можно было подумать, что настанет конец света. Его отец был не из тех, кто говорит: «Отличная попытка, дружище!» или «Хорошо постарался!» Нет, он был из тех, кто вопит: «Давай! Хватит лажать!»

О, она говорила с ним об этом. Говорила до тошноты. В одно ухо вошло, в другое — вышло, конечно. Все та же старая история. Несмотря на свою незрелость или как раз из-за нее, Кит был упрям и самоуверен во многих вопросах, к которым относилось и воспитание Бена. Он хотел определенного сына и, видит Бог, собирался его получить. Бен, как и следовало ожидать, отреагировал на это пассивно-агрессивно, как умел только он. Он начал пропускать все мячи, которые кидал Кит, даже самые простые, игнорируя растущее отчаяние отца, да тех пор пока тот, в конце концов не бросил перчатку на землю и ринулся в дом, где горевал весь оставшийся день. Бен притворился, что ничего не заметил, присел на скамейку под ладанной сосной и читал, пока она не приехала за ним через пару часов.

вернуться

6

Эра биг-бэнда — время биг-бэндов, больших оркестров, исполнявших главным образом джаз. Расцвет музыки биг-бэндов приходится на 1930-е гг.

вернуться

7

Малая бейсбольная лига — организация, объединяющая детские бейсбольные команды.

Она воевала с бывшим не только из-за Бена, они были как огонь и лед. Где он — огонь, а она — лед. Она все еще привлекала его физически, что безмерно ее раздражало. Она не понимала, с какой стати он до сих пор верит, будто она желает иметь с ним что-то общее. Что бы она ни говорила, казалось, это несколько не мешает ему делать ей авансы. Она почти не помнила, что нашла в нем много лет назад. Бет могла перечислить причины для брака: она была молода и глупа и в придачу беременна. Но теперь, когда он разглядывал ее с ног до головы, у нее внутри все сжималось. Он совсем не в ее вкусе. И, откровенно говоря, никогда не был. Если бы всю ее жизнь снимали на видео, то брак стал бы одним из тех эпизодов, которые она бы с радостью перезаписала. Это касалось Бена, конечно.

Она пожалела, что с ней рядом нет ее младшего брата Дрейка, и, как всегда, ощутила боль, подумав о нем. Всякий раз, когда он приезжал, Бен ходил за ним, как собаки за Наной. Они

вместе бродили, пытаясь поймать бабочек, или сидели в домике на дереве, который построил дедушка. Попасть в домик можно было лишь по расшатанному мосту, переброшенному через одну из двух речушек на их участке. В отличие от ее бывшего Дрейк принимал Бена таким, каков он есть, поэтому был ему ближе, чем родной отец когда-либо. Бен обожал его, а она обожала Дрейка за то, как незаметно ему удалось воспитать в ее сыне уверенность в себе, Она вспомнила, как поблагодарила его однажды, а он лишь пожал плечами. «Мне просто нравится проводить с ним время», — ответил он.

Она знала, что нужно проверить, как дела у Наны. Поднявшись с сиденья, она увидела свет в кабинете, но засомневалась, что Нана работает бумагами. Скорее всего она в загоне за клетками, и Бет направилась туда. Хотелось верить, что Нана не додумалась повести свору собак на прогулку. Ей бы никак не удалось сохранить равновесие и тем более удержаться подопечных, если они потянут за поводки. Но из всех занятий это было ее самым любимым. Она придерживалась мнения, что большинство собак не получают достаточной физической нагрузки и что прогулки по участку прекрасно в этом помогут. Земля площадью почти в семьдесят акров могла похвастаться парой открытых полей, обрамленных девственным лесом, который пересекало полдюжины тропинок, и двумя речушками — притоками Саут-Ривер. Участок, купленный за смешные деньги пятьдесят лет назад, теперь оценивался в приличную сумму. Так сказал юрист, который пришел узнать у Наны, что она думает о возможной продаже земли.

Она точно знала, кто за этим стоит. Как и Нана, которая притворилась не вполне вменяемой во время разговора с юристом. Она таращилась на него расширенными и ничего не выражающими глазами, роняла на пол виноградники одну за другой и невнятно бормотала. Потом они с Бет часами хохотали, вспоминая об этом.

Заглянув в окно кабинета у питомника. Бет не обнаружила признаков присутствия Наны, зато услышала ее голос, доносившийся из загона:

— Стоять... ко мне. Хорошая девочка! Правильно идешь!

Обогнув угол, Бет увидела, как Нана хвалит ши-тцу трусившую по направлению к ней. Она напонила ей одну из тех заводных игрушечных собачек, которые можно купить в «Уол-марте».

— Что ты делаешь, Нана? Тебя здесь быть не должно.

— О, привет, Бет! — Теперь она почти не глотала слова, не то, что два месяца назад.

Бет уперла руки в бока.

— Тебе нельзя здесь находиться одной.

— Я взяла с собой мобильный. Решила, что позвоню, если возникнут проблемы.

— У тебя нет мобильного.

— У меня есть твой. Я стянула его из твоей сумки сегодня утром.

— Тогда кому бы ты позвонила?

Видимо, об этом она не подумала и теперь нахмурилась, когда бросила взгляд на собаку.

— Вот видишь, с чем мне приходится мириться Прешас? Я же говорила тебе, что эта девчонка умнее экскаватора. — Она выдохнула, издав звук, похожий на уханье совы.

Бет знала, что последует смена темы разговора.

— Где Бен? — спросила Нана.

— В доме, готовится к отъезду. Он отправляется к отцу.

— Держу пари, он от этого не в восторге. Уверена, что он не прячется в домике на дереве?

— Расслабься, — сказала Бет. — Кит все еще его отец.

— Ты так думаешь.

— Я в этом уверена.

— Ты точно помнишь, что больше ни с кем тогда не встречалась? Не было случайного секса с официантом, водителем грузовика или с кем-нибудь из школы? — В ее голосе почти слышалась надежда. Казалось, она всегда надеялась, когда об этом говорила.

— Точно. И я уже миллион раз тебе об этом говорила.

Она подмигнула Бет:

— Да, но Нана всегда может надеяться, что твоя память вдруг просветлеет.

— Как долго ты уже здесь, кстати?

— А который час?

— Почти четыре.

— Тогда я здесь три часа.

— На такой жаре?

— Я не больна, Бет. Со мной просто произошел неприятный случай.

— Ты пережила инсульт.

— Но несерьезный.

— Ты рукой не можешь пошевелить.

— Пока я могу есть суп, мне она все равно не нужна. А теперь дай мне повидать внука. Я хочу попрощаться с ним, пока он не уехал.

Они направились к питомнику, Прешас побежала и ними, тяжело дыша, ее хвост развевался по ветру. Милая собачка.

— Я решила, сегодня тебе захочется китайской еды, — заявила Нана. — Тебе ведь хочется китайской еды?

— Я об этом не думала.

— Так подумай.

— Да, пожалуй, можно остановиться и на китайской кухне. Только я не хочу ничего тяжелого. И жареного тоже. Для этого слишком жарко.

— Какая ты занудная.

— Зато здоровая.

— Опять то же самое. Слушай, раз ты такая здоровая, может, запрешь Прешас? Ее клетка под номером двенадцать. Я услышала новую шутку, которой хочу поделиться с Беном.

— Где ты ее услышала?

— По радио.

— Она хоть приличная?

— Конечно, приличная! Ты за кого меня принимаешь?

— За того, кто ты есть, а я тебя прекрасно знаю. Поэтому и спрашиваю. Что за шутка?

— Два каннибала едят комедианта, один поворачивается к другому и говорит: «Как на твой вкус, забавно?»

Бет хихикнула:

— Ему это понравится.

— Отлично. Бедняге не помешает взбодриться.

— Он в порядке.

— Конечно, в порядке! Я не вчера родилась, знаешь ли.

Когда они дошли до питомника, Нана продолжила путь к дому, прихрамывая сильнее, чем утром. Ей становилось лучше, но пройдет еще много времени, прежде чем она окончательно поправится.

Глава 4

ТИБО

Морская пехота зиждется ни числе «три». Этому учили в первую очередь на курсе основной подготовки. Так многое было проще понять. Три морских пехотинца составляли огневую группу, три огневые группы — отделение, три отделения — взвод, три взвода — роту, три роты — батальон, три батальона — полк. Во всяком случае, на бумаге. К моменту вторжения в Ирак их полк объединился с элементами других формирований, включая легкий бронетанковый батальон разведки, стрелковый батальон 11-го полка морской пехоты, 2-й и 3-й штурмовые батальоны-амфибии, роту Б из 1-го боевого инженерного батальона и батальон тылового обеспечения 115. Масштабно. Такое войско готово ко всему. Собралось почти шесть тысяч человек.

Шагая под небом, уже изменившим цвет в преддверии заката, Тибо вспоминал о той ночи,

которая, по сути, стала его первым сражением на вражеской территории. Его полк, а точнее, 1-й батальон 5-го полка, первым пересек границу Ирака, намереваясь захватить месторождение Румайла. Все помнили, как Саддам Хусейн приказал поджечь большинство нефтяных скважин в Кувейте при отступлении во время первой войны в Персидском заливе, и никто не хотел, чтобы это случилось снова. Короче говоря, 1-й батальон 5-го полка, помимо прочих, прибыл вовремя. Лишь семь скважин горели к тому моменту, когда им удалось занять территорию. Отделению Тибо было приказано отправиться на север от Багдада, чтобы помочь в захвате столицы. В 1-м батальоне 5-го полка было больше всего наград в корпусе за боевые заслуги, поэтому его выбрали для проведения сложнейшей атаки на вражеской территории за всю историю корпуса. Его первый срок службы в Ираке продлился немногим более четырех месяцев.

Через пять лет подробности этой первой службы он помнил туманно. Он выполнил свою задачу и в конце концов получил приказ отправляться обратно в Пендлтон. Он не говорил об этом. Он пытался не думать об этом. За исключением одного момента: Рики Мартинез и Билл Кинкейд, входившие в одну огневую группу с Тибо, стали участниками истории, которую он никогда не забудет.

Возьмите трех человек, заставьте их что-то делать вместе, и у них, несомненно, возникнут разногласия. Неудивительно. Они и на первый взгляд казались разными. Рики вырос в маленькой квартирке в Мидленде, что в Техасе, и раньше был бейсбольным игроком и фанатом тяжелой атлетики, а еще играл в младшем составе «Миннесота твинз», до того как добровольно отправился на военную службу. Билл, игравший на трубе в марширующем оркестре средней школы, был родом с севера штата Нью-Йорк и вырос на молочной ферме вместе с пятью сестрами. Рики нравились блондинки, а Биллу — брюнетки; Рики жевал табак, а Билл курил; Рики любил рэп, а Билл предпочитал кантри-вестерн. Как будто это имело значение. Они тренировались вместе, ели вместе, спали вместе. Они обсуждали спорт и политику. Они болтали ни о чем, как братья, и разыгрывали друг друга. Иногда Билл, проснувшись, обнаруживал, что у него сбрита одна бровь. На следующий день Рики просыпался без обеих бровей. Тибо научился просыпаться при малейшем шорохе и каким-то чудом сохранил свои брови. Они много месяцев над этим смеялись. Напившись как-то вечером, сделали похожие татуировки и объявили о своей верности корпусу.

Проведя столько времени вместе, они достигли того этапа, когда могли предсказать действия друг друга. Оба они по очереди спасали Тибо жизнь или по крайней мере уберегали его от серьезных ранений. Билл дернул Тибо сзади за бронезилет, как раз когда он собирался выйти на открытое пространство, через секунду снайпер ранил двух человек рядом. Во второй раз, отвлекшись, Тибо чуть не попал под колеса несущегося на огромной скорости «хаммера» под управлением собрата по оружию; тогда Рики схватил его за руку, чтобы остановить. Даже на войне люди погибают в автомобильных катастрофах. Достаточно вспомнить генерала Паттона.

Заняв месторождения, они прибыли в пригороды Багдада вместе с остальными. Город еще не сдался. Они тоже входили в конвой, трое мужчин среди сотен, все плотнее и плотнее окружавших город. Если не считать рева моторов союзных машин, все было тихо, когда они заняли отдаленную окраину города. Когда с усыпанной гравием дороги, что ответвлялась от главной, донесся гром артиллерийских снарядов, отделению Тибо было дано задание проверить, что там происходит.

Они осмотрели место действия. Двух и трехэтажные здания, слепленные вместе по обе стороны дороги, на которую смотрят амбразуры. Одинокая собака, поедающая мусор. Дымящийся остов автомобиля в сотне метров от них. Они подождали. Ничего не увидели. Подождали еще. Ничего не услышали. Наконец Тибо, Рики и Билл получили приказ перейти

улицу, они так и поступили, быстро перебежав ее и укрывшись в безопасном месте. Оттуда отделение отправилось напрямиком в неизвестность.

Когда в тот день опять послышалась стрельба, это был уже не единичный выстрел. Это был смертельный грохот дюжин, а затем и сотен пуль, выпущенных из автоматического оружия, так что их силы попали вдовушку под огнем артиллерии. Тибо, Рики и Билл, как и другие ребята из отделения на другой стороне улицы, обнаружили, что пойманы у входов в здания и спрятаться им некуда.

Перестрелка продолжалась недолго, как потом скажут. Но и этого хватило. Шквал пуль вылетал из окон над ними. Тибо и бойцы его отделения инстинктивно поднимали оружие и стреляли, потом снова стреляли. На другой стороне улицы ранили двух человек, но подкрепление не заставило себя ждать. На поле боя выкатился танк, за ним спешила пехота. Воздух задрожал, когда сверкнула пушка и верхние этажи здания рухнули, а пыль и стекло взметнулись ввысь. Тибо повсюду слышал крики и видел, как мирные жители выбегают из домов на улицы. Пальба продолжалась; бездомную собаку подстрелили, так что она перекувыркнулась. Мирные жители падали один за другим, когда им попадали в спину, истекали кровью и кричали. Еще одного морского пехотинца ранили в ногу. Тибо, Рики и Билл все еще не могли сдвинуться с места, окруженные огнем, неустанно пожиравшим стены рядом с ними. И все же все трое продолжали стрелять. Воздух вибрировал от грохота, и верхние этажи еще одного здания обвалились. Танк, двигавшийся вперед, приближался. Вдруг выстрелы врага посыпались из двух точек, а не из одной. Билл посмотрел на Тибо, а тот — на Рики. Они знали, что делать. Настало время уходить; иначе они погибнут. Тибо выпрямился первым.

В ту же секунду перед его глазами все побелело, а потом почернело.

Больше чем через пять лет после произошедшего, уже в Хэмптоне, Тибо не мог вспомнить подробностей, кроме того, что ему показалось, будто его кинули в стиральную машину. Он кувырком перелетел через улицу из-за взрыва, а в ушах у него звенело. Его друг Виктор мгновенно подоспел на помощь вместе с военно-морским санитаром. Танк продолжал палить, и постепенно улицу удалось взять под контроль.

Он узнал все это после случившегося, так же как и узнал, что взрыв возник из-за РПГ — реактивной противотанковой гранаты. Позже офицер скажет Тибо, что, вероятнее всего, она предназначалась для танка, но пролетела всего в нескольких дюймах от его башни. И словно так распорядилась сама судьба, направилась прямо к Тибо, Рики и Биллу.

Тибо положили в «хаммер» и эвакуировали с поля боя без сознания. Его раны, как ни удивительно, оказались несерьезными, и через три дня он вернулся в отделение. А Рики и Билл — нет, обоих вскоре похоронили со всеми военными почестями. Рики от двадцать второго дня рождения отделяла неделя. Биллу было двадцать лет. Они стали не первыми и не последними жертвами войны. Война продолжалась.

Тибо заставлял себя не думать о них слишком часто. Это кажется бессердечным, но на войне мозг просто не воспринимает подобные трагедии. Было тягостно думать об их смерти, размышлять о том, почему их нет, поэтому он избегал этого. Как и остальные в отделении. Вместо этого он сосредоточился на том, что остался в живых. Он сосредоточился на том, чтобы обезопасить других.

Сегодня воспоминания вдруг вновь нахлынули на него, и он ощутил горькую боль утраты, но не

стал гнать эти мысли прочь. Друзья были рядом, когда он шел по тихим улочкам, направляясь к окраине на другой стороне города. Следуя указаниям, которые получил у портье мотеля, он направлялся на восток по маршруту 54, шагая в основном по зеленой полосе вдоль дороги, не приближаясь к ней. За время своих путешествий он научился не доверять водителям. Зевс тащился позади, тяжело дыша — Тибо остановился и дал Зевсу немного воды — последнее, что оставалось в бутылке.

Предприятия располагались по обе стороны дороги. Магазин матрасов, кузовной ремонт, детский сад, заведение быстрого обслуживания, продававшее бензин и еду в пластиковых упаковках, и два ветхих фермерских домика, которые казались здесь совершенно чуждыми, как будто современный мир вырос вокруг них. А именно так и произошло, как он полагал. Он задумался, сколько еще протянут владельцы или почему всем хочется жить в доме, который выходит на шоссе и со всех сторон окружен фирмами и малыми предприятиями.

Машины с ревом сновали в обоих направлениях. Небо затянули облака, серые и пушистые. Запахло дождем, прежде чем на него упала первая капля, и не успел он сделать и пары шагов, как начался ливень. Он длился пятнадцать минут и промочил его насквозь, но тяжелые облака продолжали плыть к побережью до тех пор, пока в воздухе не осталась лишь легкая дымка. Зевс стряхнул с себя воду. Вновь послышалось пение птиц, а от влажной земли поднялся туман.

Наконец он добрался до ярмарочной площади. Она была пуста. Ничего особенного, подумал Тибо, изучая план местности. Только самое основное. Парковка на земле, усыпанной гравием, слева; пара древних сараев поодаль справа; между ними широкое, заросшее травой поле для проведения ярмарочных развлечений, окруженное цепью.

Ему не понадобилось перепрыгивать через забор, как и смотреть на фотографию. Он видел ее тысячу раз. Он прошел вперед, чтобы сориентироваться, и в итоге заметил билетную кассу. За ней располагалась арка, на которой вполне могли закрепить плакат. Подойдя к арке, он повернулся лицом к горизонту в направлении севера, пытаясь захватить взглядом кассу и арку так, как они вышли на фото. Вот с какого угла сделана фотография, на этом месте ее и сняли.

Структура морской пехоты зиждется на числе «три». Три морских пехотинца составляли огневую группу, три огневые группы — отделение, три отделения — взвод... Он отслужил три срока в Ираке. Посмотрев на часы, он обратил внимание, что пробыл в Хэмптоне три часа, и прямо перед собой точно в том месте, где и предполагал, увидел три вечнозеленых дерева, растущих бок о бок.

Тибо вернулся к шоссе, теперь он знал, что приблизился к своей цели. Пока он еще не там, где надо, но скоро будет.

Она здесь. Теперь он это знал.

Теперь ему нужно имя. Путешествуя по стране, он много думал и решил, что есть три варианта действий. Во-первых, можно попытаться найти местную ассоциацию ветеранов и спросить, служил ли кто-нибудь в Ираке. Это приведет его к человеку, который узнает ее. Во-вторых, можно отправиться в местную среднюю школу и посмотреть, нет ли там копий выпускных альбомов десяти или пятнадцатилетней давности. Он просмотрел бы все фотографии одну за другой. В-третьих, он мог опросить местных жителей, показав им фотографию.

У всех способов были свои недостатки, и ни один не давал стопроцентной гарантии. Что касается ассоциации ветеранов, Тибо не нашел подобной организации в телефонной книге.

Минус один способ. Поскольку еще продолжались летние каникулы, он сомневался, что школа открыта, а даже если и так, будет трудно получить доступ к альбомам, хранящимся в библиотеке. Минус второй, во всяком случае, пока. А это означало, что лучше всего опросить людей на тот случай, если они смогут ее узнать.

Только кого опрашивать?

В справочнике он прочитал, что в городке Хэмптон, штат Северная Каролина, живут девять тысяч человек. Еще тринадцать тысяч живут в округе Хэмптон. Слишком много. Стратегически верным решением было бы сузить круг возможных кандидатов. И он опять же начал с того, что знал.

На момент съемки девушке на вид было чуть больше двадцати, то есть сейчас ей уже хорошо за двадцать. А может, даже чуть больше тридцати. Она явно была привлекательна. Далее, если считать, что в таком небольшом городе жители равномерно делятся на возрастные группы, это значит, что там живут примерно 2 750 детей в возрасте от рождения до десяти лет, 2 750 — в возрасте от одиннадцати до двадцати лет и 5 500 человек старше двадцати — тридцати лет, то есть той категории, куда входит она. Примерно. Из них, как он предположил, пятьдесят процентов были мужчинами, а пятьдесят — женщинами. Женщины отнесутся к его затее с большим подозрением, особенно если они ее знают. Ведь он им незнаком. А незнакомцы опасны. Тибо сомневался, что они много захотят рассказать.

А вот мужчины могут и поделиться с ним, если он правильно поставит вопрос. По опыту он знал, что почти все мужчины обращают внимание на привлекательных женщин своего возраста, особенно если эти мужчины одиноки. А сколько мужчин в ее возрастной группе одиноки? Тибо допустил, что около тридцати процентов. Может, он прав, а может, и нет, но с этого определенно стоит начать. Значит, их 900 человек или около того. Из них, как он решил, восемьдесят процентов жили здесь на тот момент. Это была всего лишь догадка, но Хэмптон больше походил на город, из которого стремились уехать, а не наоборот.

Это позволило сократить число до 720. Он мог бы уменьшить его вдвое, если бы сосредоточился исключительно на одиноких мужчинах от двадцати пяти до тридцати пяти, вместо тех, которым от двадцати до сорока. Это сокращало их количество до 360. Тибо полагал, что многие из этих мужчин либо знали ее, либо знали о ней пять лет назад. Возможно, они учились вместе в средней школе или нет — он знал, что такая в городе всего одна, — но мужчины должны ее знать, если она одинока. Конечно, есть вероятность, что она не одинока. Женщины в южных городках, наверное, рано выходят замуж. Он приступит к делу исходя из этих предположений. Слова на обороте фотографии «Будь осторожен! Э.» не казались ему настолько романтическими, чтобы адресовать их своему парню или жениху. Не «Люблю тебя» или «Я буду скучать». И к тому же просто начальная буква имени. Как от подруги.

Круг опрашиваемых сузился с 22 000 до 360 меньше чем за десять минут. Неплохо. Это определенно хорошее начало. Если предположить, конечно, что она жила здесь, когда сделали фотографию. Если предположить, что она не приехала тогда к кому-то в гости.

Тибо понимал, что этой возможностью не следует пренебрегать. Но ему нужно было с чего-то начать. А он знал, что она когда-то была здесь. Так или иначе, он раскопает правду и будет действовать дальше исходя из ситуации.

Где проводят время одинокие мужчины? Одинокие мужчины, которых можно разговорить? «Я встретил ее пару лет назад, и она просила позвонить ей, если я снова приеду в город. Но я потерял бумажку с ее именем и номером».

Бары. Бильярдные клубы.

Он сомневался, что в столь маленьком городке больше трех или четырех мест, где любят отдыхать местные жители. Бары и бильярдные клубы имели преимущество в виде разрешения на продажу алкоголя, а сегодня вечер субботы. Там будет куча народу. Он решил, что получит ответ, так или иначе, в течение следующих двенадцати часов.

Тибо бросил взгляд на Зевса:

— Похоже, тебе придется побыть сегодня ночью одному. Я мог бы взять тебя с собой, но тогда пришлось бы оставить тебя на улице, а я не знаю, как долго меня не будет.

Зевс шел дальше, опустив голову и высунув язык. Усталый и разгоряченный. Зевсу было все равно.

— Я включу кондиционер, ладно?

Глава 5

КЛЕЙТОН

Девять часов вечера, и к тому же суббота, а он застрял дома, присматривая за ребенком. Прекрасно. Просто прекрасно.

Хотя как еще мог закончиться день вроде сегодняшнего? Сначала одна из девушек чуть не поймала его за съемкой, потом исчез фотоаппарат, принадлежащий управлению, а затем Логан Тай-болт спустил ему шины. Хуже того, ему пришлось объяснять потерю фотоаппарата и происшествие с шинами отцу, господину окружному шерифу. Как и следовало ожидать, его отец пришел в неопишемую ярость и почему-то не купился на историю, которую он сочинил. Наоборот, отец засыпал его вопросами. Под конец ему захотелось прибить старика. Может, отец и большая шишка для многих в округе, но с ним он не имеет права разговаривать как с идиотом. Но Клейтон продолжал повторять свою историю: ему показалось, что он увидел подозрительного типа, он отправился за ним и каким-то образом налетел на пару гвоздей. А фотоаппарат? И не спрашивайте. Он понятия не имел, был ли фотоаппарат вообще в патрульной машине, если уж на то пошло. Не блестяще, конечно, но сойдет.

— Больше похоже на дырки от складного ножа, — заметил отец, склонившись, чтобы рассмотреть шины.

— Я же сказал, что это были гвозди.

— Здесь поблизости нет стройки.

— Я тоже не знаю, как это случилось! Просто говорю, как все было.

— И где были гвозди?

— Откуда, черт возьми, мне знать? Я напоролся на них в лесу.

Старик все еще не верил, но Клейтон повторял одно и то же. Всегда придерживайся выдуманной истории. Вот когда берешь свои слова назад, тогда и начинаются проблемы. Это азы поведения на допросе.

В конце концов старик ушел, Клейтон поставил запасные колеса и поехал в гараж, где ему

залатали обычные шины. К тому времени прошло уже пару часов, и он опоздал на встречу с мистером Логаном Тай-болтом. Никому, никому не следует связываться с Китом Клейтоном, а особенно какому-то хипповатому бродяге, который решил, что сможет обвести его вокруг пальца.

Остаток дня Клейтон провел, разъезжая по улицам Ардена и опрашивая людей, которые могли его видеть. Такого парня невозможно не заметить, хотя бы потому, что он путешествует в компании вроде Куджо. Клейтон ничего не раскопал, что разозлило его еще больше, так как он понял: Тай-болт врал ему прямо в лицо, и он, Клейтон, его не раскусил.

Но он найдет этого парня. Несомненно, найдет, хотя бы ради фотоаппарата. А точнее, ради фотографий. Особенно ради других фотографий. Меньше всего он хотел, чтобы Тай-болт заявился в управление шерифа и выложил эту прелесть на стол или, того хуже, отправился прямо в редакцию местной газеты. Из двух зол управление было бы меньшим, поскольку его возглавляет отец. Даже если бы отец вышел из себя, и заставил его заниматься каким-нибудь дерьмом пару недель, он не рассказал бы об этом. Его отец особенно ни на что не годился, но для этого сошел бы.

Но газета... это совсем другая история. Конечно, дед использовал бы связи и приложил усилия, чтобы все помалкивали, но подобные сведения сложно сохранить втайне. Они слишком пикантны и разнесутся, как лесной пожар, по всему городу, даже и без газетной статьи. Клейтона и так в семье считали белой вороной, и меньше всего он хотел, чтобы на него обрушился гнев деда. А дед очень долго помнил плохое. Даже сейчас, через много лет, дед возмущался тем фактом, что Кит с Бет развелись, хотя это его не касалось. А на всех семейных сборищах он, как правило, не упускал возможности заметить, что Клейтон не учился в университете. Со своими оценками Клейтон мог бы легко это сделать, он просто не мог представить, что придется еще четыре года сидеть за партой, и пришел на работу к отцу в управление. Этого было достаточно, чтобы успокоить деда. Казалось, он полжизни провел, успокаивая деда.

Но здесь у него не было выбора. Хотя он не особенно любил деда — тот был ярим баптистом-южанином, ходил в церковь каждое воскресенье и считал, что алкоголь и танцы греховны, что всегда казалось Клейтону глупостью. Он знал, чего от него ожидает дед, и можно было сразу сказать, что съемку обнаженных студенток явно не одобрит. Как и некоторые другие фото на карте памяти, в особенности те, где Кит был запечатлен с парочкой дам в весьма компрометирующих позах. Подобное поведение, несомненно, привело бы к серьезному разочарованию, а дед не терпел тех, кто его разочаровывал, даже если это были члены семьи. Особенно если это были члены семьи.

Клейтоны жили в округе Хэмптон с 1753 года; в некотором смысле они и *были* округом Хэмптон. Среди членов семьи были судьи, юристы, доктора и землевладельцы; даже мэр женился на их родственнице, но все знали, что именно дед всегда сидел во главе стола. Дед правил этим местом, как старый мафиозный дон, и многие жители города восхваляли его и беспрестанно говорили, какими исключительными качествами он обладает. Деду нравилось верить, будто так происходит, потому что он поддерживал все — от библиотеки до театра и местной начальной школы. Но Клейтон знал: истинная причина кроется в том, что деду принадлежит почти весь бизнес в центре города, включая лесной склад, обе пристани для яхт, три автомобильных дилерских центра, три склада, единственный комплекс апартаментов в городе и большие участки сельскохозяйственной земли. И все это способствовало процветанию необычайно богатой и могущественной семьи. А поскольку Клейтон получал большую часть денег из семейных трастов, ему меньше всего хотелось, чтобы какой-то незнакомец создал ему проблемы.

Слава Богу, за короткое время брака с Бет родился Бен. У деда был пунктик насчет потомков, а так как Бена назвали в честь деда — весьма удачная мысль, как любил мысленно повторять Кит, — дед его обожал. По большей части Клейтону казалось, что дед любит Бена, своего правнука, гораздо больше, чем внука.

О, Клейтон знал, что Бен — отличный малый. Не только дед так думал, это говорили все. И он правда любил ребенка, хотя иногда парнишка и досаждал ему. Сидя на перилах на веранде, он заглянул в окно и увидел, что Бен закончил дела на кухне и вернулся на диван. Он знал, что должен присоединиться к сыну, но пока был не готов. Он не хотел сорваться и сказать что-нибудь, о чем потом пожалеет. Он работал над тем, чтобы отучиться от подобных выпадов; пару месяцев назад дед провел с ним разговор о важности спокойного поведения. Псих. Лучше бы поговорил с Беном, чтобы тот слушал отца, когда тот просит его что-то сделать, подумал Клейтон. Было бы намного полезнее. Парень уже взбесил его один раз сегодня, но он вспомнил деда и поджал губы, а потом прокрался к выходу.

Похоже, он часто злился на Бена в последнее время. Но это не его вина: он честно пытался поладить с ребенком! И сначала все шло хорошо. Они говорили о школе, ели бургеры, смотрели «Спортцентр» по И-эс-пи-эн. Все было прекрасно. А потом — о ужас! — он попросил Бена прибраться на кухне. Как будто это невыполнимая просьба, да? Клейтон не успел сделать это за последнюю пару дней, и он знал, что ребенок отлично с этим справится. В общем, Бен пообещал, что уберет, но вместо этого просто засел на кухне. Сидел и сидел. А часы тикали. Потом он еще немного посидел. В итоге Клейтон обратился к сыну еще раз, он был уверен, что сделал это вежливо. И (хотя, возможно, ему это показалось) Бен закатил глаза, когда с усталым видом принялся за дело. Это стало последней каплей. Он терпеть не мог, когда Бен закатывает глаза, и Бен это знал. Слово ребенок точно понимал, какие кнопки нажимать, и все свободное время тратил на то, чтобы разыскать новые кнопки, которые опробует на следующей встрече. Вот так Клейтон и оказался на веранде.

А все это — дело рук его мамочки, в этом Клейтон не сомневался. Она была чертовски красивая женщина, но понятия не имела, как воспитать из мальчика мужчину. Он ничего не имел против того, чтобы ребенок получал хорошие оценки. Но почему вместо игры в футбол он в этом году решил взяться за скрипку? Что это еще за дерьмо? Скрипка? Могла бы с таким же успехом нарядить мальчика в розовое и научить его ездить в дамском седле. Клейтон из кожи вон лез, чтобы пресечь эти бабские штучки, но факт оставался фактом: сын проводил у него только по полтора дня, и то через выходные. Это не его вина, что мальчик машет битой, как девчонка. Ведь ребенок слишком занят игрой в шахматы. И чтобы всем было ясно: ни за что на свете никто не увидит, как Кит скучает на скрипичном концерте.

Скрипичный концерт. Милостивый Боже! Куда катится этот мир?

Он снова подумал о Тай-болте. Ему хотелось верить, что парень уже покинул округ, но он знал: это не так. Парень путешествовал пешком и никак не смог бы добраться до дальней границы округа до наступления ночи. Что-то еще? Нечто угнетало его почти весь день, и, лишь выйдя остудить пыл на веранду, он понял, что именно. Если Тай-болт не солгал насчет Колорадо (надо сказать, что он мог, но предположим, что нет), это значило, что он идет с запада на восток. А какой следующий город по пути на восток? Уж точно не Арден. Это наверняка. Арден располагается к юго-западу от той точки, где они встретились. А вот если парень отправится на восток, то попадет напрямиком в добрый старый Хэмптон. Прямо туда, в его родной город. А это, конечно, означало, что парень может находиться в пятнадцати минутах езды от того места, где он сидит сейчас.

Но где Клейтон? Ищет этого парня? Нет, сидит с ребенком.

Он снова украдкой посмотрел на сына через окно. Он читал на диване, казалось, это единственное, что ему нравится. О да, за исключением игры на скрипке. Он покачал головой, недоумевая, передались ли ребенку хоть какие-то из его генов. Непохоже. Он маменькин сынок с головы до пят. Сынок Бет.

Бет...

Да, брак не сложился. Но между ними до сих пор что-то было. И всегда будет. Пусть она любит всех поучать и отличается самоуверенностью, он всегда будет следить за ней. Не только ради Бена, а потому, что она совершенно точно самая красивая женщина, с которой он когда-либо спал. Она была красива тогда и стала почему-то еще красивее сейчас. Даже красивее студенток, которых он сегодня видел. Странно. Как будто она достигла того возраста, который идеально ей подходил, и перестала стареть. Он знал, что это не продлится долго. Время возьмет свое. Но все же он не мог перестать думать о том, чтобы покувыркаться с ней в постели. В память о былом и чтобы помочь ему... расслабиться.

Он полагал, что мог бы позвонить Энжи. Или Кейт, если уж на то пошло. Одной было двадцать, и она работала в зоомагазине; другая была на год старше и убирала туалеты в гостинице «Стрэтфорд инн». Обе обладали прелестными маленькими фигурками и проявляли исключительную активность, когда дело доходило до небольшого... расслабления. Он знал, Бен не станет возражать, если он пригласит одну из них, но даже если и так, ему, наверное, стоит для начала поговорить с ними. Обе сильно злились на него, когда он видел каждую из них в последний раз. Ему придется извиниться и пустить в ход обаяние. А он сильно сомневался, хочется ли ему слушать, как они жуют жвачку и болтают о том, что посмотрели по Эм-ти-ви или прочитали в «Нэшнл инкуайерер». Иногда они слишком сильно его напрягали.

В общем, от этой затеи придется отказаться. Поискать Тай-болта сегодня ночью не выйдет. Поискать Тай-болта завтра опять не удастся, потому что дед хочет, чтобы все собрались за обедом после церкви. Все равно Тай-болт идет пешком, да еще и с собакой и рюкзаком на спине, значит, у него вряд ли получится уехать автостопом. Далеко ли он окажется завтра днем? Миль через двадцать? Тридцать максимум? Точно не больше, то есть он до сих пор будет бродить по окрестностям. Он позвонит в пару других управлений в близлежащих округах и попросит их быть внимательнее. Не так много дорог ведут к границе округа. И он посчитал, что если пару часов потратит на телефонные звонки в местные фирмы, что располагаются вдоль этих дорог, кто-нибудь увидит парня. Когда это произойдет, он не заставит себя долго ждать. Тай-болту не следовало связываться с Китом Клейтоном.

Углубившись в свои мысли, Клейтон не услышал, как скрипнула входная дверь.

— Эй, пап?

— Да?

— Тебя спрашивают по телефону.

— Кто?

— Тони.

— Ну конечно.

Он встал, недоумевая, что нужно Тони. Тот еще неудачник. Тощий и прыщавый, он был одним из тех прилипал, которые крутятся вокруг полицейских, изо всех сил пытаясь притвориться

одним из них. Наверное, он жаждет узнать, где был Клейтон и что он делал, ведь он ничего не должен упустить. Убожество.

Он допил пиво по пути к телефону и бросил банку в ведро, послушав, как она загремела. Он схватил телефонную трубку со стола:

— Да?

Вдалеке звучали расстроенные аккорды песни в стиле кантри-вестерн, которую проигрывал музыкальный автомат, и монотонный гул громких разговоров. Ему стало интересно, откуда звонит неудачник.

— Эй, я тут в бильярдной «Декерс пул холл», и здесь ходит один странный парень. Я думаю, тебе стоит о нем узнать.

Клейтон тут же оживился:

— С собакой? И рюкзаком? Такой немного неряшливого вида, как будто пару дней провел в лесу?

— Нет.

— Уверен?

— Да, уверен. Он играет в бильярд почти рядом. Но послушай. Я хотел сказать тебе, что у него есть фотография твоей бывшей жены.

Пойманный врасплох, Клейтон попытался изобразить равнодушие.

— И что? — спросил он.

— Я просто подумал, тебе будет интересно об этом узнать.

— Какого черта меня должно это беспокоить?

— Не знаю.

— Естественно, не знаешь. Болтун.

Он повесил трубку, решив, что у этого парня вместо мозгов — каша, и с удовольствием осмотрел кухню. Все блестело. Малыш постарался, как всегда. Он чуть не крикнул об этом с места, но, увидев Бена, опять обратил внимание, какого он маленького роста. Вероятно, по большей части это было обусловлено генетической предрасположенностью, но немаловажную роль играло здоровье. Это ведь общеизвестная истина. Хорошо питайся, занимайся спортом, отдыхай. Основы основ, то, чему все матери учат детей. Если не будешь заниматься спортом, мышцы ослабнут. А когда, думаете, человек растет? Ночью. Когда тело восстанавливается? Когда люди видят сны.

Он часто задавался вопросом, высыпается ли Бен у матери. Клейтон знал, что Бен хорошо ест: он прикончил бургер и картофель фри. Еще он знал, что ребенок активен, так что, возможно, он маленький из-за недостатка сна. А ведь ему не хочется вырасти коротышкой, правда? Конечно, нет. А вообще Клейтону нужно было немного побыть одному. Он жаждал пофантазировать, что сделает с Тай-болтом, когда увидит его в следующий раз. Кит откашлялся.

— Эй, Бен, уже поздно, тебе не кажется?

Глава 6

ТИБО

Возвращаясь из бильярдной, Тибо вспоминал свою вторую поездку в Ирак.

Все было так: Фаллуджа, весна 2004 года. 1-й и 5-й батальоны, помимо других подразделений, получили приказ остановить насилие, растущее, с тех пор как сдался Багдад год назад. Мирные жители знали, чего следует ожидать, и начали убегать из города, заполнив все дороги. Быть может, треть жителей эвакуировалась за один день. Была проведена воздушная атака, затем пришли морские пехотинцы. Они продвигались вперед от здания к зданию, от дома к дому, от комнаты к комнате в самых напряженных боях со времен вторжения. Через три дня они взяли под контроль четверть города, но число жертв среди мирного населения продолжало расти, и пришлось договориться о перемирии. Было принято решение о прекращении операции, и большая часть военных покинула территорию, включая роту Тибо.

Но не всем его товарищам по роте удалось уйти.

На второй день операции в южном конце города, где располагались промышленные предприятия, Тибо и его взводу было поручено обследовать здание, где, по слухам, находился тайный склад с оружием. Однако конкретное здание им не указали; это могло быть любое из дюжин почти развалившихся строений, что стояли тесной группкой близ заброшенной автозаправочной станции, формируя четкий полукруг. Тибо и его взвод вошли туда и направились к зданиям, обогнув автозаправку. Половина военных отправилась направо, половина — налево. Сначала все было тихо, а потом началось. Автозаправочная станция вдруг взорвалась. Языки пламени метнулись ввысь, а взрывная волна сбила половину людей с ног, так что у них полопались барабанные перепонки. Тибо оглушило, его периферийное зрение отказало, и все перед глазами смешалось. Внезапно пули градом посыпались на них из окон и с крыш и даже из-за сгоревших останков автомобилей на улицах.

Тибо очнулся, лежа на земле подле Виктора. Двое других товарищей по взводу, Мэтти Кевин — Бешеный Пес и Супермен соответственно, — были с ними, и тут пригодилось обучение на курсах основной подготовки. И помог дух товарищества. Несмотря на атаку, несмотря на страх, несмотря на почти неизбежную смерть, Виктор потянулся за винтовкой, встал на одно колено и нацелился на врага. Он стрелял и стрелял, оставаясь спокойным и сосредоточенным, не теряя самообладания. Бешеный Пес достал винтовку и сделал то же самое. Один за другим они встали; один за другим они разделились на огневые группы. Огонь. Прикрытие. Вперед. Только вот двигаться вперед они не могли. Для этого не было места. Упал первый пехотинец, затем второй. Потом третий и четвертый.

К тому времени, когда прибыло подкрепление, в живых почти никого не осталось. Бешеному Псу попали в бедренную артерию, несмотря на жгут, он истек кровью и умер за несколько минут. Кевину выстрелили в голову, и он скончался мгновенно. Еще десятерых ранили. Лишь несколькими удалось покинуть поле боя невредимыми: среди них были Тибо и Виктор.

* * *

В бильярдной один из молодых людей, с которым он пообщался, напомнил ему Бешеного Пса. Словно они братья: те же рост и вес, те же волосы, та же манера разговора. И в какой-то момент он задался вопросом, не могли ли они быть братьями, но потом сказал себе, что это просто невозможно.

Тибо знал, каковы его шансы, когда принялся за это дело. В маленьких городках к незнакомцам всегда относятся подозрительно, а к концу вечера Тибо заметил, как тощий парень с плохой кожей звонит по таксофону рядом с туалетом, нервно поглядывая при этом на него. Он и до звонка был как на иголках, и Тибо предположил, что он звонил либо женщине на фотографии, либо человеку, который близок к ней. Эти подозрения подтвердились, когда Тибо уходил. Как и следовало ожидать, парень последовал за ним к выходу, чтобы посмотреть, куда он пойдет. Поэтому Тибо зашагал в противоположном направлении, чтобы его запутать.

Заявившись в выдающую виды бильярдную, он миновал бар и направился прямо к столам. Он быстро нашел группу мужчин своего возраста, большинство из которых казались холостяками. Он спросил, можно ли к ним присоединиться, и вступил в игру с присущим этому делу ворчанием. Вел себя по-свойски, пару раз купил всем пива, проиграв в бильярд, и, разумеется, парни стали разговорчивее. Он небрежно поинтересовался жизнью города. Промахнулся в самых важных ударах. И поздравил других, когда они попали как надо.

В конце концов они принялись задавать ему вопросы. Откуда он? Что он здесь делает? Он уходил от ответа, бормоча что-то о девушке, а потом сменил тему разговора. Он лишь распалял их любопытство. Он купил еще пива и, когда его спросили снова, неохотно поделился историей: пару лет назад он ходил на ярмарку с другом и встретил девушку. Они поладили. Он повторял и повторял, как она была прекрасна и как попросила его заехать к ней, если он когда-нибудь будет в городе. Он бы и рад, только забыл ее имя, черт возьми.

— Ты не помнишь, как ее зовут? — спросили они.

— Нет, — ответил он. — У меня всегда была плохая память на имена. Мне в детстве попали в голову бейсбольным мячом, и с тех пор память меня подводит. — Он пожал плечами, зная, что они засмеются. Так и получилось. — Правда, у меня есть фотография, — добавил он так, словно это только что пришло ему в голову.

— У тебя с собой она есть?

— Да, думаю, да.

Он покопался в карманах и вытащил фото. Мужчины собрались вокруг. Через мгновение один из них покачал головой.

— Не повезло тебе, — сказал он. — Она недоступна.

— Она замужем?

— Нет, проще сказать, она ни с кем не встречается. Ее бывшему это не понравилось бы, и, поверь мне, тебе не стоит с ним связываться.

Тибо сглотнул.

— Кто она?

— Бет Грин, — ответили они. — Она работает учительницей в начальной школе Хэмптона и живет бабушкой в доме у «Собачьих питомников „Саншайн“».

Бет Грин. Или, точнее, подумал Тибо, Элизабет Грин.

Именно во время разговора Тибо понял, что один из мужчин, которым он показывал

фотографию, куда-то исчез.

— Наверное, тогда мне действительно не повезло, — сказал Тибо, забрав фотографию.

Он остался еще на полчаса, чтобы замести следы. Еще немного поболтал о том о сем. А сам наблюдал затем, как незнакомец с плохой кожей звонит по телефону, а потом увидел разочарование на его лице. Как у ребенка, который попал в беду из-за того, что наябедничал. Отлично. И все же у Тибо возникло чувство, что он еще встретит этого человека. Он купил еще пива и проиграл пару раз, периодически поглядывая на дверь, чтобы узнать, не придет ли кто-нибудь. Но никто не пришел. Через какое-то время он поднял руки вверх и сказал, что у него кончились деньги. Он собирался отправиться в путь. Это стоило ему чуть больше сотни долларов. Они заверили его, что он всегда может снова к ним присоединиться.

Тибо едва слышал их. Он мог думать лишь о том, что теперь у него было не только лицо, но и имя и что следующим шагом должна стать встреча с ней.

Глава 7

БЕТ

Воскресенье.

Предполагалось, что после похода в церковь этот день будет посвящен отдыху, когда она может восстановиться и подзарядиться энергией на всю следующую неделю. День, когда она по идее должна быть с семьей, тушить мясо на кухне и прогуливаться по берегу реки. Возможно, даже валяться с хорошей книгой на диване, потягивая вино, или отмокать в теплой пенной ванне.

Чего она не желала делать, так это тратить выходной на уборку собачьего дерьма с заросшего травой поля для дрессировки собак, или чистить клетки, или дрессировать двенадцать собак, одну за другой, или сидеть в душном кабинете в ожидании хозяев, которые придут забрать своих любимцев, в то время как те отдыхают в прохладном питомнике с кондиционером. И разумеется, она всем этим и занималась, с тех пор как пришла из церкви утром.

Двух собак уже забрали, а за четырьмя другими должны были приехать позже в течение дня. Нана оказалась настолько добра, что выложила на стол файлы, прежде чем удалиться в дом на просмотр игры. «Атланта брейвз» играли с «Мете», а Нана не только пылала к «Атланта брейвз» безудержной страстью, которая казалась Бет нелепой, но и обожала все сувениры с символикой команды. Что, конечно, объясняло, почему на столешнице на кухне стояли чашки «Атланта брейвз», на стенах висели флаги «Атланта брейвз», на рабочем столе красовался календарь «Атланта брейвз», а у окна — лампа «Атланта брейвз».

Даже с открытой дверью воздух в кабинете был удушливый. Стоял один из тех жарких и влажных летних дней, когда приятно поплавать в реке, и ничего более. Рубашка Бет намочила от пота, а поскольку на ней были шорты, то ее ноги прилипали к виниловому креслу, в котором она сидела. Каждый раз, передвигая ноги, она в награду получала противный «липкий» звук, как при отклеивании клейкой ленты от картонной коробки, это было просто отвратительно.

В то время как Нана считала обязательным содержать собак в прохладе, она так и не удосужилась установить кондиционер в кабинете. «Если тебе жарко, просто открой дверь, что ведет в питомник», — всегда говорила она, игнорируя тот факт, что большинство нормальных людей в отличие от нее не выносят постоянный собачий лай. А сегодня в питомнике как раз собралась парочка маленьких крикунов: два терьера Джека Рассела не переставали гавкать с

тех пор, как пришла Бет. Бет решила, что они пролаяли всю ночь, поскольку другие собаки тоже казались сердитыми. Время от времени остальные собаки вступали в злобный хор, повышая тональность и делая лай еще громче, будто каждая собака только и мечтала выразить свое недовольство громче предыдущей. А это означало, что она ни в коем случае не откроет дверь, чтобы охладить кабинет.

Она поразмыслила над тем, чтобы сходить в дом за очередным стаканом ледяной воды, но ее посетило странное чувство, что хозяйева самки коккер-спаниеля, отдавшие ее на обучение послушанию, вот-вот появятся. Они позвонили Бет полчаса назад и сообщили, что уже едут: «Мы будем через десять минут!» А они были из тех людей, которые очень расстроились бы, если бы их коккер-спаниелю пришлось просидеть в питомнике на минуту дольше, особенно после того, как она две недели провела вдали от дома.

И что, они уже здесь? Конечно, нет.

Бет было бы намного проще в компании Бена. Она видела его сегодня утром в церкви с отцом, и он казался хмурым, как она и ожидала. Как всегда, для него визит к отцу проходил невесело. Он позвонил ей вчера вечером перед тем, как лечь спать, и сказал, что отец провел большую часть вечера, сидя в одиночестве на веранде, пока он сам убирал кухню. «С чего бы это?» — задумалась она. Почему Кит не мог просто порадоваться, что сын рядом с ним? Или просто посидеть и поговорить с ним? Бен относился к тем детям, с которыми легко поладить, и она утверждала это не потому, что была необъективна. Так и быть, ладно, признала она, быть может, она немного необъективна. Но как учитель она проводила время с множеством разных детей и знала, о чем говорит. Бен умный. У Бена искрометное чувство юмора. Бен обладал добротой от природы. Бен вежлив. Бен — отличный мальчик, и ее сводила с ума мысль о том, что Кит слишком тупой, раз не видит этого.

Она действительно хотела бы оказаться сейчас в доме и заняться... чем-нибудь. Чем угодно. Даже стирать белье интереснее, чем сидеть здесь. Здесь у нее появилось слишком много времени для размышлений. Не только о Бене, но и о Нане. И о том, сможет ли она преподавать в этом году. И даже об удручающем состоянии ее личной жизни — это не переставало ее расстраивать. Как чудесно, думала она, было бы встретить какого-то особенного человека, с которым она могла бы вместе смеяться, который любил бы Бена так же сильно, как она! Или даже встретить мужчину, с которым она могла бы сходить на ужин или в кино. Нормального мужчину, который не забывает класть салфетку на колени в ресторане и периодически открывает перед ней дверь. В этом нет ничего сверхъестественного, правда? Она не солгала Мелоди, когда сказала, что в городе у нее небольшой выбор. Она первая была готова признать, что чересчур разборчива, но все же, если не считать Адама, она то и дело в выходные сидела дома весь прошедший год. Сорок девять из пятидесяти двух уик-эндов. Она была не настолько разборчива, это точно. Просто Адам оказался единственным мужчиной, который пригласил ее на свидание, а потом по причине, которой она до сих пор не понимала, вдруг перестал звонить. Это и положило конец ее любовным похождениям за последние годы.

Большое дело, подумаешь! Она так долго жила одна, что и теперь продержится. К тому же в основном это ее не беспокоило. И если бы сегодня день выдался не такой невыносимо жаркий, это вряд ли беспокоило бы ее сейчас. Что определенно означало: ей пора освежиться. Иначе она скорее всего начнет думать о прошлом, а его она ворошить не хотела. Нащупав пустой стакан, она решила принести еще ледяной воды. И раз уж она отправится в дом — маленькое полотенце, чтобы подложить под себя на кресло.

Поднявшись с места, она оглядела пустынную подъездную аллею, усыпанную гравием, нацарапала записку со словами, что вернется через десять минут, и прикрепила ее к входной

двери кабинета. Снаружи палило солнце, заставляя ее пробираться к дому, в котором она выросла, под тенистыми ветвями старой магнолии. Построенное около 1920 года, их жилище напоминало широкий и низкий фермерский домик, окаймленный большой верандой, с резным молдингом у крыши. Задний двор, закрытый от питомника и кабинета высокой живой изгородью, затеняли гигантские дубы, а на земле лежали настилы из досок. Поэтому обедать и ужинать там было одно удовольствие. Должно быть, когда-то давно это место отличалось великолепием, но, как и многие другие сельские дома близ Хэмптона, их дом пострадал от времени и ударов стихии. Теперь веранда просела, полы скрипели, а когда налетал достаточно сильный ветер, бумаги слетали со столов даже с закрытыми окнами. Внутри дело обстояло примерно так же: прекрасная крепкая основа, которая все же требует обновления, особенно на кухне и в ваннных комнатах. Нана знала об этом и то и дело твердила, что нужно что-то с этим делать, однако это всегда откладывалось в долгий ящик. Кроме того, Бет должна была признать, что это место до сих пор обладало своеобразным шармом. Не только задний двор (который и правда был оазисом), но и сам дом. Долгие годы Нана заходила в антикварные магазины, она отдавала предпочтение французскому искусству XIX века. Еще она часто проводила выходные на домашних распродажах, копаясь в старых картинах. Она знала толк в картинах в принципе и подружилась с владельцами не одной галереи на Юге. Картины украшали почти каждую стену в доме. Как-то раз забавы ради Бет набрала фамилии некоторых художников в «Гугле» и узнала, что другие их работы висят в Метрополитен-музее в Нью-Йорке и библиотеке Хантингтона в Сан-Марино в Калифорнии. Когда она поведала Нане о том, что обнаружила, та подмигнула ей и сказала: «Это все равно, что потягивать шампанское, правда?» За витиеватыми фразами Наны скрывалось ее природное чутье, острое как бритва.

Когда Бет дошла до веранды и открыла дверь, ее обдало потоком прохладного воздуха, который действовал так освежающе, что она задержалась на пороге, наслаждаясь этим ощущением.

— Закрой дверь! — крикнула Нана. — Ты выпускаешь воздух. — Она повернулась в кресле, окинув взглядом Бет. — Ты выглядишь так, как будто тебе жарко.

— Мне жарко.

— Полагаю, в кабинете сегодня как в печке.

— Думаешь?

— Думаю, надо было открыть дверь в питомник, как я тебе и говорила. Но это мое мнение. Что ж, заходи и охладись немного.

Бет подошла к телевизору.

— Ну, как дела у «Брейвз»?

— Как у пучка морковки.

— Это хорошо или плохо?

— А морковки умеют играть в бейсбол?

— Наверное, нет.

— Вот тебе и ответ.

Бет улыбнулась, направившись на кухню. Нана всегда раздражалась, когда «Брейвз»

проигрывали.

Из морозилки она достала форму для льда и вытряхнула из нее пару кубиков. Бросив их в стакан, она наполнила его и с удовлетворением сделала долгий глоток. Осознав, что она еще и голодна, она взяла банан из миски с фруктами и отправилась назад в гостиную. Она облокотилась о подлокотник дивана, почувствовав, как пот испаряется с кожи, оставляя приятный холодок. Она наблюдала, то за Наной, то за игрой. Ее так и подмывало спросить, сколько раз мяч коснулся земли в зоне соперника, но она знала, что Нана не оценит такую шутку. Во всяком случае, не тогда, когда «Брейвз» играют, как пучок морковки. Взглянув на часы, она вздохнула, поняв, что пора возвращаться в кабинет.

— Было приятно повидать тебя, Нана.

— Тебя тоже, дорогая. Не перегрейся.

— Постараюсь.

Бет вернулась в кабинет при питомнике, с разочарованием отметив, что на парковке нет ни одной машины, а это значило, что хозяева до сих пор не явились. Зато по дорожке шел какой-то мужчина с немецкой овчаркой. За ним поднимались клубы пыли, а собака двигалась, понуриив голову и высунув язык. Она задумалась, что они делают на улице в такой день. Сегодня даже животные нос не высовывают из дома. Вспомнив все предыдущие визиты хозяев, она поняла, что впервые видит, как кто-то пешком ведет собаку к питомнику. Не только это показалось ей странным: кто бы ни был этот человек, он не позвонил, чтобы договориться о встрече. Люди, привозившие собак на дрессировку, всегда звонили.

Подсчитав, что они дойдут до кабинета почти одновременно, она помахала рукой в знак приветствия и удивилась, когда мужчина остановился и уставился на нее. Собака сделала то же самое, наострив уши, и Бет тут же пришло в голову, что пес очень похож на Оливера — немецкую овчарку, которую Нана привела в дом, когда Бет было тринадцать. У него были такие же черно-коричневые отметины на шкуре, тот же наклон головы, та же манера принимать устрашающий вид в присутствии незнакомцев. Не то, чтобы она когда-нибудь боялась Оливера. Днем он был по большей части собакой Дрейка, а ночью всегда спал у ее кровати, успокаиваясь благодаря тому, что она рядом.

Отвлечшись на воспоминания о Дрейке и Оливере, она не сразу заметила, что мужчина до сих пор стоял не шелохнувшись. И ничего не говорил. Странно. Быть может, он ждал Нану. Поскольку его лицо было в тени, она не могла сказать точно, да и какая разница. Подойдя к двери, она сняла записку, открыла дверь и прислонилась к ней подпорку, чтобы она не закрылась. Бет подумала, что он сам зайдет в кабинет, когда захочет. Она подошла к стойке, увидела виниловое кресло и только потом осознала, что забыла полотенце. Прекрасно.

Решив подготовить документы для незнакомца, чтобы тот мог оставить собаку, она вытащила лист бумаги из шкафа и прикрепила его к планшету. Она покопалась в столе в поисках ручки и выложила все на стойку в ту самую минуту, когда незнакомец с собакой вошли. Он улыбнулся, их глаза встретились, это был один из тех редких моментов в ее жизни, когда она не знала, что сказать.

Дело было не в том, что он смотрел на нее, а как он смотрел. Как безумно это ни звучало, он разглядывал ее так, как будто узнал ее. Но Бет никогда не видела его раньше: в этом она была уверена. Она запомнила бы его хотя бы потому, что он был похож на Дрейка и так же, как он, словно заполнял всю комнату. Как и Дрейк, он был, вероятно, футов шесть ростом и худощав, с

жилистыми руками и широкими плечами. В его внешности было и что-то грубоватое, это только подчеркивали выгоревшие на солнце джинсы и футболка.

На этом сходство заканчивалось. У Дрейка глаза были карие с ореховым ободком, а у незнакомца — голубые; Дрейк всегда носил стрижку, а волосы незнакомца были длиннее. Она отметила, что хотя он пришел сюда пешком, вспотел меньше, чем она.

Вдруг Бет смутилась и отвернулась, как раз когда незнакомец сделал шаг к стойке. Краем глаза она увидела, что он слегка поднял ладонь, обращаясь в собаке. Она тысячу раз видела, как это делает Нана, и собака, приученная реагировать на малейшее движение, осталась на месте. Собака и так хорошо выдрессирована, значит, он скорее всего хочет оставить ее у них пожить на время.

— У вас красивая собака, — сказала она, подавая ему планшет. Звук ее голоса нарушил неловкую тишину. — У меня когда-то была немецкая овчарка. Как его зовут?

— Это Зевс. И спасибо.

— Привет, Зевс.

Зевс склонил голову набок.

— Нужно, чтобы вы расписались, — сказала она. — А если у вас есть копия документа с результатами осмотра ветеринара, то вообще отлично. И требуется контактная информация.

— Простите?

— Результаты осмотра ветеринара. Вы ведь хотите оставить здесь Зевса, верно?

— Нет. — Он ткнул пальцем за плечо: — На самом деле я увидел табличку в окне. Я ищу работу и подумал, вдруг у вас есть что-то подходящее.

— О! — Такого она не ожидала и попыталась быстро настроиться на другой лад. Она пожала плечами.

— Знаю, мне, вероятно, следовало позвонить. Но я все равно проходил мимо и решил зайти к вам лично и узнать, можно ли заполнить анкету. Если хотите, чтобы я заглянул завтра, я так и сделаю.

— Дело не в этом. Я просто удивлена. Редко кто приходит наниматься на работу по воскресеньям. — Вообще к ним с Наной и по другим дням не приходили, но эти подробности Бет опустила. — Где-то здесь у меня была анкета, — сказала она, повернувшись к шкафу. — Дайте мне пару секунд, чтобы найти ее. — Она выдвинула нижний ящик и принялась копаться в документах. — Как вас зовут?

— Логан Тибо.

— У вас французские корни?

— Со стороны отца.

— Я здесь вас раньше не видела.

— Я только приехал в город.

— Вот. — Она выудила анкету.

Бет сидела за стойкой напротив Тибо, держа ручку в руках. Пока он выводил печатными буквами свое имя, она наблюдала за ним и отметила, что его кожа чуть огрубела, как будто он много времени провел на солнце. Дойдя до второй строчки формы, он остановился и посмотрел на нее, их глаза встретились во второй раз. Она почувствовала, как зарделась ее шея, и постаралась скрыть это, поправив рубашку.

— Не уверен, какой нужно указывать адрес. Как и говорил, я только приехал в город и живу в «Холидей мотор корт». Я могу написать почтовый адрес мамы в Колорадо. Что бы вы предпочли?

— Колорадо?

— Да, знаю. Далековато отсюда.

— Что привело вас в Хэмптон?

«Ты, — подумал он. — Я пришел, чтобы найти тебя».

— Похоже, это милый городок, и я подумал, почему бы не остаться здесь.

— У вас нет тут родственников?

— Никаких.

— О! — произнесла она. Привлекателен он или нет, в его рассказе что-то не сходится, и она услышала, как для нее прозвенел первый тревожный звонок. Кроме того, что-то еще беспокоило ее в глубине души, и она пару секунд силилась понять, что именно. А когда поняла, сделала шаг назад от стойки, чтобы оказаться подальше от него. — Если вы только что приехали в город, как вы узнали, что в питомник требуются рабочие руки? Я не давала объявление в газету на этой неделе.

— Я увидел табличку.

— Когда? — Она скосила на него глаза. — Я видела, как вы подошли, и вы никак не могли увидеть табличку, пока не добрались до окна кабинета.

— Я видел ее сегодня с утра. Мы шли по дороге, и Зевс услышал собачий лай. Он побежал в эту сторону, а я пошел за ним и увидел табличку. Здесь никого не было, поэтому я решил заглянуть позже на тот случай, если что-то изменится.

Рассказ звучал правдоподобно, но Бет чувствовала: он либо лжет, либо что-то недоговаривает. А если он и приходил сюда раньше, что это означало? Что он здесь вынюхивал?

Он, похоже, заметил ее тревогу и отложил ручку. Из кармана он вытащил паспорт и открыл его. Когда он толкнул документ к ней через стол, она посмотрела на фотографию, затем на него. Его имя, она поняла, не было вымышленным, но тревога все равно не уходила. Никто из проезжающих через Хэмптон не оставался здесь по внезапной прихоти. В Шарлотте — да. В Роли — конечно. В Гринсборо — точно. Но в Хэмптоне? Ни в жизни.

— Понятно, — сказала она, желая поскорее закончить разговор. — Продолжайте дальше и укажите свой почтовый адрес. И опыт работы. После этого мне понадобится лишь номер, по

которому можно вам позвонить, и мы будем на связи.

Он вперил в нее пристальный взгляд:

— Но вы не собираетесь мне звонить.

А он резок, подумала она. И говорит прямо. А это означало, что она должна вести себя так же.

— Нет, не собираюсь.

Он кивнул:

— Ладно. Вероятно, вы и правда не захотели бы мне звонить, учитывая все, что сейчас услышали. Но прежде чем вы поспешите с выводами, позвольте добавить кое-что еще?

— Пожалуйста.

Она произнесла это таким тоном, чтобы стало ясно: что бы он ни рассказал, это не изменит ее решения.

— Да, я остановился в мотеле, но собираюсь найти здесь постоянное жилье. И работу, тоже здесь. — Он не отводил глаз. — Теперь обо мне. Я закончил Университет Колорадо в две тысячи втором году с дипломом по антропологии. После этого я поступил на службу в морскую пехоту и получил почетную отставку два года назад. Никогда не находился под арестом и не обвинялся в каких-либо преступлениях. Я никогда не принимал наркотики и ни разу не был уволен за некомпетентность. Я готов пройти тест на употребление наркотиков, и, если хотите, можете проверить мою биографию и найти подтверждение всему, что я сейчас сказал. Или, если для вас это проще, можете позвонить моему бывшему командиру, и он засвидетельствует, что я говорю правду. Кроме того, я не принимаю никаких лекарств. Другими словами, я не шизофреник, не маньяк и не страдаю биполярным расстройством. Я просто парень, которому нужна работа. И я все-таки видел табличку раньше.

Бет не знала, что ожидала от него услышать, но он, разумеется, застал ее врасплох.

— Понятно, — повторила она, сосредоточившись на том факте, что он был военным.

— Мне заполнять анкету дальше, или я просто потеряю время?

— Я пока не решила. — Интуиция подсказала ей, что на этот раз он не лукавит, но она полагала, что о некоторых моментах этой истории он умолчал. Она закусила губу. Ей нужно было нанять человека. Что важнее: узнать, что он скрывает, или найти нового работника?

Он встал перед ней прямо и был совершенно спокоен. Его поза говорила о непринужденной уверенности в себе. Военная выправка, отметила она, нахмурившись.

— Почему вы хотите работать здесь? — В ее словах сквозило подозрение. — Имея диплом, вы могли бы, наверное, найти работу получше.

Он указал жестом на Зевса:

— Я люблю собак.

— Здесь не так много платят.

— Много мне и не нужно.

— А рабочий день может тянуться очень долго.

— Я так и предполагал.

— Вы когда-нибудь работали в питомнике?

— Нет.

— Понятно.

Он улыбнулся:

— Вы часто это говорите.

— Да, часто, — призналась она. «Заметка для себя: прекрати это повторять». — А вы уверены, что никого не знаете в городе?

— Уверен.

— Вы только что прибыли в Хэмптон и решили остаться здесь?

— Именно.

— Где ваша машина?

— У меня ее нет.

— Так как же вы добрались сюда?

— Пешком.

Она заморгала в непонимании.

— Вы хотите сказать, что проделали путь сюда от Колорадо пешком?

— Да.

— Вам не кажется, что это звучит странно?

— Думаю, все зависит от причины.

— И какова ваша причина?

— Я люблю ходить пешком.

— Понятно. — Ей больше ничего не приходило в голову. Она потянулась за ручкой, чтобы выиграть время. — Я так понимаю, вы не женаты, — сказала она.

— Нет.

— Дети есть?

— Нет. Есть только я и Зевс. И еще моя мама, которая до сих пор живет в Колорадо.

Бет откинула взмокшую прядь волос со лба обеспокоенно и в то же время озадаченно.

— И все же не понимаю. Вы проходите через всю страну, попадаете в Хэмптон, говорите, что вам нравится это место и вы теперь хотите работать здесь?

— Да.

— Больше ничего не желаете добавить?

— Нет.

Она приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала.

— Простите, но я оставлю вас на минуту. Мне нужно кое с кем поговорить.

Понять этого человека было выше ее сил. Как ни старалась, Бет не могла вникнуть во все, что он сказал. В каком-то смысле все казалось логичным, но в целом выглядело... неубедительно. Если парень говорил правду, то он странный; если лгал, то историю выдумал весьма необычную. В любом случае это было чудно. Вот почему она, конечно, захотела побеседовать с Наной. Если кто-то мог раскусить незнакомца, то это была Нана.

К несчастью, приблизившись к дому, Бет поняла, что игра еще не закончилась. Она услышала, как комментаторы обсуждают, стоит ли «Мете» выпускать запасного питчера или что-то вроде того. Открыв дверь, она удивилась, когда увидела, что место Наны пусто.

— Нана?

Нана высунула голову из кухни:

— Я здесь. Просто собиралась налить себе стакан лимонада. Хочешь немного? Я могу сделать это одной рукой.

— Вообще-то мне нужно поговорить с тобой. Есть минутка? Я знаю, игра еще идет...

Она отмахнулась:

— О, этого с меня хватит. Пойди и выключи телевизор. «Брейвз» не могут выиграть, а я меньше всего хочу слушать их оправдания. Ненавижу оправдания. Не существует причины, по которой они должны были проиграть, и они это знают. Что случилось?

Бет вошла в кухню и стояла, облокотившись о столешницу, пока Нана наливала лимонад из кувшина.

— Ты голодна? — поинтересовалась Нана. — Могу быстренько сделать тебе бутерброд.

— Я только что съела банан.

— Этого мало. Ты тощая, как клюшка для гольфа. «Твоими бы устами да мед пить», — подумала Бет.

— Может быть, позже. Знаешь, тут один человек пришел наниматься на работу. Он сейчас здесь.

— Ты про того красавчика с немецкой овчаркой? Я сразу поняла, что он за этим пришел. И как он? Скажи, что он всегда мечтал о том, чтобы чистить клетки.

— Ты его видела?

— Разумеется.

— Откуда ты узнала, что он пришел устраиваться на работу?

— А иначе зачем бы ты захотела со мной поговорить?

Бет покачала головой. Нана всегда опережала ее на шаг.

— Как бы там ни было, тебе стоит с ним поговорить. На меня он произвел неоднозначное впечатление.

— Это как-нибудь связано с его волосами?

— Что?

— С его волосами. Из-за них он немного похож на Тарзана, не думаешь?

— На самом деле я не обратила на это внимания.

— Конечно же, обратила, дорогая. Меня не обманешь. В чем проблема?

Бет быстро пересказала ей их беседу. Когда она закончила, Нана некоторое время молчала. Потом спросила:

— Он пришел пешком из Колорадо?

— Так он утверждает.

— И ты ему веришь?

— Что касается этой части истории? — Она поколебалась. — Да, я полагаю, тут он говорит правду.

— Очень длинная прогулка.

— И я так думаю.

— Сколько же это миль?

— Понятия не имею. Много.

— Странно, тебе не кажется?

— Да, — согласилась она. — Но есть еще кое-что.

— Что?

— Он служил в морской пехоте.

Нана вздохнула:

— Почему бы тебе не подождать здесь? А я пойду перекинусь с ним парой слов.

* * *

Следующие несколько минут Бет наблюдала за ними из-за шторы, что закрывала окно гостиной. Нана не стала проводить собеседование в офисе, вместо этого она отвела парня на деревянную скамью в тени магнолии. Зевс дремал у их ног, изредка шевеля то одним, то другим ухом, чтобы согнать назойливую муху. Бет не слышала ни Тибо, ни Нану, но видела, как изредка Нана хмурилась, это позволяло предположить, что собеседование проходит не очень гладко. В конце концов, Логан Тибо и Зевс отправились обратно по усыпанной гравием подъездной аллее по направлению к главной дороге, а Нана смотрела им вслед с озабоченным выражением лица.

Бет думала, Нана вернется в дом, но она почему-то пошла по направлению к питомнику. Именно тогда Бет заметила, что по подъездной аллее катит голубой универсал «Вольво».

Кокер-спаниель. Она совершенно забыла о встрече с хозяевами, но было очевидно, что Нана возьмет это на себя. Бет воспользовалась лишней свободной минуткой, чтобы освежиться холодным полотенцем и выпить очередной стакан ледяной воды.

Из кухни она услышана, как проскрипела входная дверь, когда Нана ступила на порог.

— Как все прошло?

— Хорошо.

— И что ты думаешь?

— Это было... интересно. Он умен и вежлив, но ты права: он определенно что-то скрывает.

— И что нам делать теперь? Дать еще одно объявление в газету?

— Давай сначала посмотрим, как он будет работать.

Бет не поверила своим ушам.

— Ты хочешь сказать, мы берем его?

— Нет, я хочу сказать, что уже его наняла. Он приступает к работе в среду в восемь.

— Почему ты приняла такое решение?

— Он внушает мне доверие. — Она улыбнулась, как будто точно знала, о чем думает Бет. — Пусть он и служил в морской пехоте.

Глава 8

ТИБО

Тибо не желал возвращаться в Ирак, но в феврале 2005 года 1-й батальон 5-го полка призвали снова. На этот раз полк отправили в Рамади — столицу провинции Аль-Анбар и юго-западную точку того, что обычно называли треугольником смерти. Тибо провел там семь месяцев.

Начиненные взрывчаткой автомобили и ИВУ — импровизированные взрывные устройства —

были в порядке вещей. Простые, но страшные устройства — как правило, минометный снаряд со взрывателем, который приводился в действие звонком с мобильного телефона. И все же, впервые наткнувшись на мину на «хаммере», он знал, что все могло сложиться и хуже.

— Я рад, что услышал, как взорвалась мина, — произнес Виктор позже. Тогда Виктор и Тибо почти всегда патрулировали местность вместе. — Это значит, я еще жив.

— Ты и я, мы оба, — ответил Тибо.

— Но лучше бы нам больше на такое не наезжать.

— Тебе и мне, нам обоим.

Но мин не так-то просто было избежать. Выехав на патрулирование на следующий день, они наткнулись еще на одну. Через неделю их «хаммер» задело осколками бомбы из взорвавшегося автомобиля. «Хаммеры» подрывались один за другим чуть ли не каждый день. Большинство пехотинцев во взводе могли положить руку на сердце заявить, что пережили два или три взрыва до возвращения в Пендлтон. А некоторые уцелели после четырех или даже пяти. Их сержант пережил шесть взрывов. Просто это было такое место, и почти все слышали историю Тони Стивенса, морского пехотинца из 24-го ЭКМП — Экспедиционного корпуса морской пехоты, — который едва не погиб девять раз. В одной из крупнейших газет напечатали о нем статью «Самый везучий морской пехотинец». Его рекорд не жаждал побить никто.

А Тибо побил. К моменту отъезда из Рамади он пережил одиннадцать взрывов. Но один взрыв, который он пропустил, продолжал преследовать его.

Этот взрыв должен был стать номером восьмым. Виктор находился вместе с ним. Все та же старая история, только с худшим концом. Они ехали колонной из четырех «хаммеров», патрулируя одну из самых оживленных улиц города. В первый «хаммер» влетела РПГ, причинив незначительные повреждения, но колонна все же на время остановилась. Ржавые и полуразвалившиеся машины стояли по обе стороны дороги. Раздавались выстрелы. Тибо выпрыгнул из второго «хаммера» в колонне, чтобы получить лучший обзор места боевых действий. Виктор последовал за ним. Они добрались до укрытия и приготовили оружие. Двадцать секунд спустя взорвалась бомба в одной из машин, отбросив их в сторону и разрушив «хаммер», в котором они сидели минуту назад. Трех пехотинцев убило; Виктор потерял сознание. Тибо оттащил его обратно в одну из машин, и, собрав тела, колонна вернулась в безопасную зону.

Примерно тогда Тибо обратил внимание, что вокруг него начали шептаться. Он обнаружил, что другие пехотинцы во взводе стали вести себя с ним по-другому как будто верили, что он особенный. Как будто другие могли погибнуть, а он — нет. Хуже того, его товарищи-пехотинцы, похоже, подозревали, что пока Тибо невероятно везет, тем, кто патрулирует с ним, невероятно не везет. Он не мог не замечать, как изменилось отношение к нему товарищей по взводу. После смерти тех трех пехотинцев Тибо пробыл в Рамади еще два месяца. А когда он пережил еще пару взрывов, подозрения сослуживцев только усилились. Многие пехотинцы начали его избегать. Только Виктор, похоже, проявлял к нему то же хорошее отношение. К концу срока пребывания в Рамади, когда Тибо был на дежурстве, охраняя автозаправочную станцию, он заметил, как затряслись руки Виктора, когда тот зажег сигарету. Над ними сверкало звездами ночное небо.

— Ты как? — спросил он.

— Я готов ехать домой, — произнес Виктор. — Я сделал свое дело.

— Не собираешься завербоваться на следующий год?

Он сделал долгую затяжку.

— Мама хочет, чтобы я вернулся домой, а брат предложил мне работу. Кровельщиком. Думаешь, у меня получится?

— Да, думаю, получится. Ты станешь отличным кровельщиком.

— Моя девушка Мария ждет меня. Мы знакомы с тех пор, как мне было четырнадцать.

— Знаю. Ты рассказывал о ней.

— Я хочу на ней жениться.

— Об этом ты тоже рассказывал.

— Хочу, чтобы ты приехал на свадьбу.

Огонек сигареты Виктора позволил Тибо увидеть призрачную улыбку друга.

— Я такое не пропущу.

Виктор затянулся еще раз, они стояли молча, размышляя о будущем, которое казалось невозможно далеким.

— А как насчет тебя? — спросил Виктор. — Вернешься в армию?

Тибо покачал головой:

— Нет, с меня хватит.

— Чем займешься, когда покончишь с этим?

— Не знаю. Сначала побездельничаю, может, отправлюсь на рыбалку в Миннесоту. В какое-нибудь прохладное и зеленое место — хорошо просто посидеть в лодке и расслабиться.

Виктор вздохнул:

— Звучит прекрасно.

— Хочешь присоединиться?

— Да.

— Тогда я сообщу тебе, когда спланирую поездку, — пообещал Тибо.

Он услышал веселые нотки в голосе Виктора.

— Я буду там. — Виктор откашлялся. — Хочешь узнать кое-что?

— Только если ты сам готов мне рассказать.

— Помнишь перестрелку? Ту самую, в которой погибли Джексон и остальные, когда «хаммер» взлетел на воздух?

Тибо подобрал маленький камешек и бросил его в темноту.

— Да.

— Ты спас мне жизнь.

— Это не так. Я просто потащил тебя назад.

— Тибо, я следовал за тобой. Когда ты выпрыгнул из «хаммера», я собирался остаться, но когда увидел, что ты ушел, то понял: у меня нет выбора.

— О чем ты говоришь?

— Фотография, — перебил Виктор. — Я знаю, ты носишь ее с собой. Я последовал за твоей удачей, и она спасла меня.

Сначала Тибо не понял, но когда наконец осознал, что сказал Виктор, то недоверчиво покачал головой:

— Это всего лишь фотография, Виктор.

— Это удача, — настаивал Виктор, приблизив лицо к лицу Тибо. — И ты счастливчик. А когда закончишь службу, то, мне кажется, тебе следует найти женщину со снимка. Твоя история ждет продолжения.

— Нет...

— Она спасла меня.

— Она не спасла других. Многих других.

Все знали, что 1-й батальон 5-го полка понес в Ираке больше потерь, чем любое другое подразделение.

— Потому что она защищает тебя. А когда спрыгнул с «хаммера», я поверил, что она и меня спасет. Так же как и ты веришь, что она помогает тебе.

— Нет, не верю, — возразил Тибо.

— Тогда почему, мой друг, ты до сих пор носишь ее с собой?

Наступила пятница — третий день его работы в питомнике, и хотя Тибо старался не вспоминать о прошлом, он всегда осознавал, что в кармане у него лежит та самая фотография. И еще он всегда думал обо всех словах Виктора, которые услышал в ту ночь.

Он выгуливал мастифа на хлипком поводке далеко от окон кабинета, но на территории участка. Пес был громадным, по крайней мере, не меньше датского дога, и норовил лизнуть руку Тибо каждые десять секунд. Дружелюбный.

Тибо уже освоил рабочие обязанности, состоявшие в том, чтобы кормить и тренировать собак, убирать клетки, назначать встречи. Ничего сложного. Он был почти уверен, что Нана раздумывает над тем, чтобы доверить ему еще и дрессировку. Вчера она попросила его посмотреть, как она работает с одной из собак, и это напомнило ему занятия с Зевсом: такие

же четкие короткие простые команды, визуальные сигналы, уверенное управление поводком и щедрая похвала. Закончив, Нана попросила его пойти с ней, когда отводила собаку в питомник.

— Думаете, вы могли бы справиться с чем-то подобным? — поинтересовалась она.

— Да.

Она бросила взгляд на Зевса, который плелся за ними:

— Вы так же дрессировали Зевса?

— Да, почти.

Когда Нана проводила с Тибо собеседование, он высказал две просьбы. Во-первых, попросил разрешения брать Зевса с собой на работу. Тибо объяснил, что, после того, как они столько времени провели вместе, Зевс тяжело воспримет расставание на целый день. Слава Богу, Нана это поняла. «Я долго работала с немецкими овчарками, так что знаю, о чем вы говорите, — заявила она. — Пока он не будет причинять беспокойство, я не против его присутствия».

Зевс беспокойство не причинял. Тибо сразу же усвоил, что лучше не пускать Зевса в питомник, когда он кормит собак или чистит клетки, так как другие собаки начинали нервничать. Но если не считать этого, Зевс пришелся ко двору. Пес ходил за Тибо, когда тот тренировал собак или убирал площадку для дрессировки, и лежал на веранде у порога, когда Тибо занимался документами. Если приходили клиенты, Зевс тут же принимал состояние боевой готовности, как и был приучен. Этого оказывалось достаточно, чтобы большинство клиентов застыли прямо на месте, но быстрое «Все в порядке» тут же успокаивало его.

Вторая просьба Тибо к Нане состояла в том, чтобы ему разрешили приступить к работе в среду, так как ему требовалось время на поиски жилья. Она и на это согласилась. В воскресенье по пути домой из питомника он купил газету и изучил объявления о сдаче жилья. Просмотреть весь список оказалось несложно: в нем значилось лишь четыре дома. Он тут же исключил два варианта с большей площадью, ему просто не нужно было столько места.

По иронии судьбы два оставшихся варианта располагались в противоположных концах города. Первый дом, который он нашел, находился в более старом квартале, прямо за центром, с видом на Саут-Ривер. Хорошее состояние. Приятный район. Но не для него. Дома слишком плотно стояли друг к другу. Второй дом, однако, вполне ему подходил. Он располагался в конце грунтовой дороги примерно в двух милях от работы, в сельской местности, граничившей с национальным лесом. Он без труда мог срезать путь к питомнику, пробравшись через лес. Это не очень сокращало его путь, но позволяло Зевсу прогуляться. Дом был одноэтажным, в южном деревенском стиле и как минимум лет ста с момента постройки. Но за ним тщательно следили. Стерев грязь с окон, он заглянул внутрь. Без ремонта не обойтись, но это не мешает ему въехать. Кухня оказалась старомодной: в углу разместилась дровяная печь — только она, вероятно, и согревала дом. Пол из широких сосновых досок был ободран и покрыт пятнами, а шкафы, возможно, стояли здесь со времен постройки, но эти вещи скорее добавляли очарования характеру дома, чем отвлекали от него. Более того, меблировка включала самые основные предметы: диван и журнальные столики, лампы, даже кровать.

Тибо позвонил по номеру, указанному в объявлении, и через пару часов услышал, как к дому приближается машина. Они, как водится, немного поговорили, и выяснилось, что хозяин двадцать лет отслужил в армии, а последние семь — на базе Форт-Брэгг. Дом, как он объяснил, принадлежал его отцу, который умер два месяца назад. Это хорошо, подумал Тибо, ведь дома как машины: если их регулярно не используют, они начинают приходить в упадок с

ужасающей скоростью. Это означало, что интересовавший его дом, вероятно, до сих пор в порядке. Залоги арендная плата оказались Тибо высоковатыми, но он очень нуждался в жилье, потому заплатил за два месяца вперед и внес залог. По выражению лица парня он заключил, что тот меньше всего ожидал получить сразу столько наличных.

Тибо провел в доме ночь с понедельника на вторник, разложив спальный мешок поверх матраса; во вторник он совершил изнурительную прогулку в город и заказал новый матрас в магазине, который согласился доставить его вечером, а потом еще купил кое-какие необходимые в хозяйстве вещи. Вернулся он с рюкзаком, полным простыней, полотенец и чистящих средств. Потребовалось еще две вылазки в город, чтобы заполнить холодильник и запастись тарелками, стаканами и другой утварью, а также пятидесятифунтовым мешком еды для Зевса. К концу дня он впервые с того момента, как покинул Колорадо, пожалел, что у него нет машины. Зато он обустроил жилье, и этого было достаточно. Теперь можно было отправиться на работу.

Со среды, когда он стал трудиться в питомнике, Тибо проводил большую часть времени с Напой, досконально изучая это место. Он редко видел Бет, или Элизабет, как называл он ее про себя. По утрам она, одевшись, уезжала на работу и отсутствовала до начала вечера. Нана говорила что-то об учительских собраниях. Неудивительно, ведь школьные занятия начинались на следующей неделе. Если не считать случайных приветствий, поговорили они всего один раз, когда Бет оттащила его в сторону в самый первый день и попросила присматривать за Наной. Он знал, что она имеет в виду. Было очевидно, что Нана перенесла инсульт. После утренних дрессировок она, казалось, дышала тяжелее. А на пути к дому сильнее прихрамывала. Это беспокоило Тибо.

Ему нравилась Нана. Она умела необычно строить фразы. Это забавляло его, и он недоумевал, когда она говорит серьезно, а когда просто играет, как в театре. Эксцентричная или нет, она была умная женщина, в этом никто не сомневался. У него часто создавалось впечатление, что она оценивает его, даже когда они просто беседовали. У нее обо всем было свое мнение, и она не боялась его высказывать. Как и не колебалась перед тем, как рассказать ему о себе. За последнюю пару дней Тибо многое узнал о ней. Она поведала ему о муже и питомнике, о том, как раньше дрессировала собак, о местах, которые ей удалось посетить. Она также интересовалась его прошлым, и он отвечал на вопросы о семье и детстве. Как ни странно, она никогда не спрашивала о его службе в армии или о том, воевал ли он в Ираке, что казалось необычным. А он и не стремился делиться такими сведениями, поскольку сам не испытывал желания об этом говорить.

То, как старательно Нана избегала этой темы, не желая узнавать, чем Тибо занимался эти четыре года, позволяло предположить: она понимала причины его скрытности. И возможно, даже то, что служба в Ираке была как-то связана с его появлением здесь.

Умная женщина.

Официально его рабочий день длился с восьми утра до пяти вечера. Но Тибо появлялся в семь и обычно работал до семи. Он не любил уходить, зная, что еще остались какие-то дела. К тому же Элизабет могла видеть его, когда приходила домой после работы. Близость ведет к дружбе. А дружба приносит успокоение. А каждый раз, когда ее встречал, он вспоминал, что приехал сюда ради нее.

За исключением этого, причины его пребывания здесь представлялись не вполне ясными даже ему самому. Да, он приехал. Но зачем? Чего он от нее хотел? Расскажет ли когда-нибудь ей правду? К чему все это приведет? На пути из Колорадо, размышляя над этими вопросами, он

просто предполагал, что узнает ответ, если найдет женщину со снимка. Но теперь, когда он ее нашел, он приблизился к правде не больше, чем когда отправился в путь.

Тем временем он узнал о ней кое-что. Например, то, что у нее есть сын. Это его немного удивило: он никогда не думал, что такое возможно. Мальчика звали Бен. Похоже, он был славным парнишкой, по крайней мере насколько мог судить Тибо. Нана упоминала, что он играл в шахматы и много читал, вот, пожалуй, и все. Тибо заметил, что, с тех пор как он начал работать, Бен следил за ним, прячась за шторами или украдкой поглядывая в его сторону, когда находился с Наной. Но Бен держался от него на расстоянии. Он недоумевал, решил ли он это сам или по настоянию матери.

Вероятно, по настоянию матери.

Тибо знал, что произвел на Элизабет не самое хорошее впечатление на первой встрече. То, как он застыл на месте, когда впервые увидел ее, не сыграло ему на руку. Он знал, что она привлекательна, но выцветшее фото не передавало тепла ее улыбки или серьезности, с которой она его изучала, словно пыталась найти скрытые недостатки. Вспоминая об этом, он добрался до основной дрессировочной площадки. Мастиф громко пыхтел, и Тибо повел его к питомнику. Он приказал Зевсу сидеть на месте, затем запер мастифа в клетку. Тибо наполнил его миску водой, как и остальные, в которых воды не хватало, и взял из кабинета незамысловатый обед, что подготовил раньше. Потом он направился к речушке.

Ему нравилось там. Мутная солоноватая вода и тенистый дуб с низкими ветвями, покрытый испанским мхом, придавали пейзажу первозданный вид, которым наслаждались и он, и Зевс. Через деревья на расстоянии Тибо различил домик в ветвях и мостик из палок, связанных веревкой, который, похоже, собрал по кускам Кто-то, не вполне понимавший, что он хотел сделать. Как обычно, Зевс стоял по брюхо в воде, охлаждаясь, потом погрузил голову под воду и начал лаять. Сумасшедший пес.

— Что он делает? — раздался голос.

Тибо повернулся и увидел, что на берегу стоит Бен.

— Понятия не имею. — Он пожал плечами. — Лает на рыбу, наверное.

Мальчик приподнял очки.

— Он часто это делает?

— Каждый раз, когда мы сюда приходим.

— Странно, — заметил мальчик.

— Я знаю.

Зевс заметил Бена, удостоверился в том, что опасности для хозяина нет, и снова погрузив голову в воду, залаял. Бен продолжал стоять на берегу. Раздумывая над тем, что сказать, Тибо откусил еще один кусок от бутерброда.

— Я видел, как вы приходили сюда вчера, — произнес Бен.

— Да?

— Я шел за вами.

— Понятное дело.

— У меня там на дереве есть домик, — вдруг сказал он. — Это мое тайное укрытие.

— Хорошо, когда есть такое место, — кивнул Тибо. Он указал на бревно рядом с собой: — Хочешь присесть?

— Я не могу подходить слишком близко.

— Не можешь?

— Мама говорит, вы чужой человек.

— Это хорошо, что ты слушаешься маму.

Казалось, Бену понравился ответ Тибо, но он не был уверен, что делать дальше. Он повернулся к Зевсу, колеблясь, прежде чем решился опуститься на ствол упавшего дерева чуть поодаль, сохраняя безопасную дистанцию.

— Вы собираетесь здесь работать? — спросил он.

— Я уже здесь работаю.

— Нет. Я имею в виду: вы собираетесь уволняться?

— Не планирую. — Тибо поднял бровь: — А что?

— Просто два последних парня уволились. Им не понравилось убирать дерьмо.

— Не всем это нравится.

— А вас это раздражает?

— Не особенно.

— Мне не нравится, как оно воняет. — Бен скривился.

— Большинству людей не нравится. Я просто пытаюсь не обращать на это внимания.

Бен приподнял очки на переносице.

— Откуда взялось такое имя, Зевс?

Тибо не смог скрыть улыбку. Он и забыл, как любопытны бывают дети.

— Так его звали, когда он мне достался.

— Почему вы не дали ему другое имя, которое нравится вам?

— Не знаю. Наверное, просто об этом не думал.

— У нас была немецкая овчарка. Его звали Оливер.

— Да?

— Он умер.

— Мне жаль.

— Все нормально, — заверил его Бен. — Он был старый.

Тибо доел бутерброд, убрал пищевую пленку обратно в сумку и открыл пакетик с орехами. Он заметил, что Бен пристально на него смотрит, и указал на пакетик:

— Хочешь миндаля?

Бен покачал головой:

— Мне нельзя брать еду у чужих людей.

— Ладно. Сколько тебе лет?

— Десять. А вам?

— Двадцать восемь.

— Вы выглядите старше.

— Ты тоже.

Тут Бен улыбнулся:

— Меня зовут Бен.

— Рад познакомиться, Бен. Я — Логан Тибо.

— Вы правда пришли сюда пешком из Колорадо?

Тибо покосился на него:

— Кто тебе это сказал?

— Я слышал, как мама говорила об этом с Наной. Они считают, что любой нормальный человек поехал бы на машине.

— Они правы.

— У вас устали ноги?

— Сначала уставали. А потом я понемногу привык к ходьбе. Как и Зевс. Вообще я думаю, ему понравилось путешествовать пешком. По дороге всегда можно увидеть что-то новое, и ему удалось погоняться за миллиардом белок.

Бен шаркал ногой вперед-назад с серьезным выражением лица.

— Зевс умеет приносить палочку?

— Как чемпион. Но только пару раз. Потом ему становится скучно. Хочешь бросить ему палку?

— А можно?

Тибо сложил руки рупором и позвал Зевса; пес выпрыгнул из воды, остановился в паре футов от них и отряхнулся. Потом он уставился на Тибо.

— Ищи палку.

Зевс тут же припал носом к земле, изучая тысячи упавших веток. В конце концов, он выбрал одну маленькую палочку и потрусил к Тибо.

Тибо покачал головой.

— Побольше, — сказал он, и Зевс посмотрел на него будто бы с разочарованием, а потом отвернулся. Он бросил палку и вновь углубился в поиски. — Он входит в раж, когда играет, а если палка слишком мала, то просто перекусывает ее пополам, — объяснил Тибо. — Так бывает каждый раз.

Бен кивнул с торжественным видом.

Зевс вернулся с большей палкой и поднес ее Тибо. Тибо обломал пару оставшихся сучков, сделал ее более гладкой, а потом подал ее обратно Зевсу:

— Отнеси палку Бену.

Зевс не понял команду и склонил голову набок, наострив уши. Тибо указал на Бена.

— Бену, — сказал он. — Палку.

Зевс потрусил к Бену с папкой во рту и бросил ее у ног мальчика. Он обнюхал Бена, подошел на шаг ближе и позволил ему приласкать себя.

— Он знает, как меня зовут?

— Теперь знает.

— И запомнит навсегда?

— Вероятно. Он же тебя обнюхал.

— Он так быстро учится?

— Да. Он привык быстро усваивать новое.

Зевс подкрался еще ближе и лизнул лицо Бена, потом отстранился, переводя взгляд с мальчика на палку и обратно.

Тибо указал на палку:

— Он хочет, чтобы ты ее бросил. Он таким образом просит.

Бен схватил палку и, похоже, задумался над тем, что делать дальше.

— Можно бросить ее в воду?

— Ему это понравится.

Бен швырнул ее в медленную реку. Зевс кинулся в воду и поплыл. Он достал палку, остановился в паре футов от Бена, чтобы отряхнуться, потом подошел к мальчику и снова опустил палку на землю.

— Я приучил его отряхиваться, прежде чем подходить близко. Не люблю, когда на меня летят брызги, — сказал Тибо.

— Круто.

Тибо улыбнулся, когда Бен снова кинул палку.

— А что еще он умеет? — спросил Бен.

— Много чего. Например... он отлично играет в прятки. Если ты спрячешься, он тебя найдет.

— А можно как-нибудь нам в это поиграть?

— Когда только захочешь.

— Здорово! А нападать он умеет?

— Да. Но по большей части он дружелюбный пес. Заканчивая обед, Тибо наблюдал, как Бен кидает палку. В последний раз Зевс подобрал палку, но не приблизился к Бену. Он отошел поодаль и улегся на землю. Прижав палку одной лапой, он принялся ее грызть.

— Это значит, что с него хватит, — пояснил Тибо. — У тебя крепкая рука, кстати. Ты играешь в бейсбол?

— В прошлом году играл. Но не знаю, буду ли в этом. Хочу научиться играть на скрипке.

— Я играл на скрипке в детстве, — вставил Тибо.

— Правда? — На лице Бена отразилось удивление.

— И на пианино. Восемь лет.

Зевс приподнял голову над палкой и насторожился. Через секунду Тибо услышал чьи-то шаги, и через деревья до них долетел голос Элизабет:

— Бен?

— Я здесь, мам! — крикнул Бен.

Тибо поднял ладонь, останавливая Зевса:

— Все в порядке.

— Вот ты где, — сказала она, когда появилась в поле зрения. — Что ты здесь делаешь?

Ее лицо стало настороженным, как только она заметила Тибо, и он ясно мог прочесть вопрос в ее глазах: «Что мой сын делает в лесу с человеком, которого я едва знаю?» Тибо не счел нужным оправдываться. Он не сделал ничего плохого. Он просто кивнул в знак приветствия:

— Привет.

— Привет, — ответила она, но в ее голосе сквозила тревога. В этот момент Бен уже бежал к ней навстречу.

— Ты должна посмотреть, что умеет его собака, мам! Он суперумный. Даже умнее, чем был Оливер.

— Это замечательно. — Она приобняла его. — Ты готов идти домой? Обед на столе.

— Он знает меня и все...

— Кто?

— Пес. Зевс. Он знает, как меня зовут. Она повернулась и посмотрела на Тибо:

— Правда, знает?

Тибо кивнул:

— Да.

— Что ж... прекрасно.

— Знаешь что? Он играл на скрипке.

— Зевс?

— Нет, мам. Мистер Тибо. В детстве. Он играл на скрипке.

— Правда? — Казалось, это ее поразило.

Тибо кивнул:

— Моя мама обожала музыку. Она хотела, чтобы я освоил Шостаковича, но на это у меня не хватило таланта. Зато я прилично играл Мендельсона.

Она сдержанно улыбнулась:

— Понятно.

Несмотря на то, что Бет явно чувствовала себя не в своей тарелке, Тибо засмеялся.

— Что? — спросила она, очевидно, вспомнив их предыдущий разговор.

— Ничего.

— Что такое, мам?

— Ничего, — ответила она. — Просто надо было сказать, куда ты пошел.

— Я все время сюда прихожу.

— Знаю, — подтвердила она. — Но в следующий раз сообщи мне об этом, ладно?

«Чтобы я могла приглядывать за тобой». Этого она не добавила. «Чтобы я знала, что ты в безопасности». Тибо опять понял подтекст, даже если он и ускользнул от Бена.

— Пожалуй, мне стоит вернуться в кабинет, — сказал он, вставая с бревна и собирая остатки обеда. — Хочу проверить миску с водой у мастифа. Ему было жарко, наверняка уже все выпил. Увидимся, Бен. И с вами тоже. — Он повернулся: — Зевс! Пойдем.

Зевс спрыгнул с места и пошел бок о бок с Тибо, через мгновение они оказались уже у начала тропинки.

— Пока, мистер Тибо! — крикнул Бен.

Тибо обернулся всем корпусом и сделал пару шагов назад.

— Приятно было пообщаться с тобой, Бен! И кстати, зови меня не мистер Тибо, а просто Тибо.

С этими словами он пошел дальше, ощущая на себе внимательный взгляд Элизабет, до тех пор пока не скрылся из виду.

Глава 9

КЛЕЙТОН

Тем вечером Кит Клейтон лежал на кровати, покуривая сигарету и невольно радуясь тому, что Никки удалилась принимать душ. Ему нравилось, как она выглядит после душа с мокрыми волосами и разгоряченная. Этот образ отвлекал его от мыслей о том, что в действительности он хотел другого: чтобы она собрала вещи и пошла домой.

Это был уже четвертый раз за последние пять дней, когда Никки оставалась на ночь. Она работала кассиром в «Квикстоп», где он покупал печенье «Доритос», и весь последний месяц он размышлял, стоит или нет приглашать ее на свидание. Зубы у нее были не самые красивые, а кожа — в оспинах, зато фигура просто шикарная. А этого было более чем достаточно, учитывая, что ему требовалось снять стресс.

Встреча с Бет в прошлое воскресенье, когда она привезла Бена, его добила. В шортах и топе на лямках она вышла на веранду и помахала рукой Бену, изобразив улыбку в стиле Фарры Фосетт. Пусть она и предназначалась Бену, но это никак не умаляло тот факт, что бывшая жена хорошеет с каждым годом.

Если бы он знал, что так будет, то, возможно, не дал бы ей развод. С мыслями о том, как она прекрасна, он удалился и через пару часов оказался в постели с Никки.

Конечно, он не хотел снова сходить с Бет. Это исключалось. Во-первых, она всегда была себе на уме и к тому же норовила спорить, когда он принимал решение, которое ей не нравилось. Это он давно для себя уяснил и вспоминал каждый раз, когда ее видел. Сразу после развода ему меньше всего хотелось думать о ней, и довольно долго это удавалось. Он жил своей жизнью, развлекался со множеством разных девушек и считал, что никогда не захочет вернуться в прошлое. Ребенок не в счет, разумеется. И все же, когда Бену было три или четыре, до него дошли слухи, что она начала с кем-то встречаться, и это стало его раздражать. Одно дело, когда встречался он... но ситуация в корне менялась, если начинала встречаться она. Меньше всего Клейтон хотел, чтобы какой-нибудь парень влез в их отношения и прикинулся папочкой Бена. Более того, он понимал, что ему не нравится представлять Бет в постели с другим. Ему от этого становилось не по себе. Он знал мужчин и знал, чего они хотели, а Бет отличалась наивностью в подобных вопросах, пусть даже и потому, что он был у нее первым. Вполне вероятно, что он, Кит Клейтон, был единственным мужчиной, с которым она когда-либо спала, и это хорошо, поскольку в таком случае она могла правильно расставить

приоритеты. Она воспитывала их сына, и, несмотря на то, что Бен в чем-то походил на девчонку, у нее это неплохо получалось. Кроме того, она хороший человек и совсем не заслуживает того, чтобы какой-нибудь парень разбил ей сердце. Он всегда будет нужен ей, чтобы присмотреть за ней, если что.

Но тем вечером...

Он задумался, специально ли она подобрала столь откровенную одежду, предвидя встречу с ним. Пару месяцев назад она даже пригласила его в дом, пока Бен собирал вещи. Еще бы, на улице лило как из ведра, а Нана все время бросала на него сердитые взгляды, зато Бет вела себя очень мило, так что он почти переменил свое мнение на ее счет. У нее были физиологические потребности; у всех людей они есть. Неужели кому-то повредит, если он будет удовлетворять ее потребности время от времени? Не то чтобы раньше он никогда не видел ее голой, к тому же у них был ребенок. Как это называется в наше время? Друзья по расчету? Он представлял, как ему понравился бы такой вариант отношений с Бет. Если она, конечно, не станет слишком много болтать или предъявлять к нему массу требований. Затушив сигарету, он задался вопросом, каким образом сделать ей такое предложение.

Кит знал: в отличие от него она одинока уже долго, очень долго. Периодически рядом с ней появлялись какие-то типы, но он умел с ними справляться. Он помнил короткий разговор с Адамом пару месяцев назад. Парнем, который носил блейзер поверх футболки, словно какой-нибудь жеребчик из Голливуда. Жеребчик или нет, он побледнел как полотно, когда Клейтон подошел к дверце, остановив его машину, когда он возвращался с третьего свидания с Бет. Клейтон знал, что они распили бутылку вина за ужином, он следил за ними с другой стороны улицы. А когда Клейтон подсунил ему алкотестер с трубочкой, подстроенный нужным образом для таких случаев, тот побледнел уже не как полотно, а как мел.

— Перебрал, да? — спросил Клейтон, изобразив сомнение на лице, когда парень стал клясться, что выпил всего бокал. Защелкнув наручники, Клейтон подумал, что парень либо упадет в обморок, либо наделает в штаны, из-за чего чуть не рассмеялся вслух.

Но все же удержался. Вместо этого он оформил документы, медленно, а потом провел с ним разговор, который проводил со всеми, кто хоть сколько-нибудь интересовал Бет. О том, что когда-то они были женаты и у них общий сын и как важно понимать, что на нем, Клейтоне, лежит обязанность обеспечивать их безопасность. И что меньше всего Бет нужно встречаться с человеком, который будет отвлекать ее от воспитания сына, или связываться с мужчиной, который просто ее использует. То, что они развелись, не означает, что он перестал заботиться о ней.

Парень понял, что он имел в виду, разумеется. Все они понимали. Не благодаря семье Клейтона или его связям, а потому что Клейтон был готов потерять алкотестер и документы, если парень пообещает оставить ее в покое на какое-то время и будет молчать об этом разговоре. Ведь если бы она узнала об их краткой беседе, это могло бы повредить. И помешать общению с ребенком, ясно? А он не любил, когда кто-то мешал его общению с ребенком.

На следующий день Клейтон, конечно, сидел в патрульной машине на стоянке, когда Адам выходил с работы. Парень побелел при виде того, как Клейтон вертел в руках алкотестер. Клейтон увидел, что он понял его, и уехал. А когда он в следующий раз встретил Адама, тот шел под руку с рыжеволосой секретаршей, которая работала вместе с ним в бухгалтерской фирме, что и он. А это, естественно, означало, что Клейтон не ошибся: парень не планировал долго встречаться с Бет. Это был очередной неудачник, хотевший быстро перепихнуться.

Что ж, только не с Бет.

Бет устроила бы истерику, если бы обнаружила, чем занимается Кит, но, к счастью, ему не приходилось делать это часто. Время от времени, и пока все получалось прекрасно.

Более чем прекрасно на самом деле. Потерпевшая фиаско попытка съемки студенток не обернулась для него неприятностями. У него не было возможности поискать того хиппи утром в понедельник, потому что требовалось вручить кое-какие бумаги на территории округа. Зато он выяснил, что парень останавливался в «Холидей мотор корт». К несчастью — или к счастью, как думал Клейтон, — парень выписался из мотеля, и с тех пор его не видели. А это, скорее всего означало, что он уже давно покинул их края.

В общем, все складывалось хорошо. Очень хорошо. Ему особенно понравились его фантазии о Бет, идея о дружбе по расчету. Это будет что-то! Он сцепил руки за головой и откинулся на подушки, когда Никки вышла из ванной, завернутая в полотенце, а за ней выкатились клубы пара. Он улыбнулся:

— Иди сюда, Бет. Она застыла на месте.

— Меня зовут Никки.

— Знаю. Но сегодня я хочу называть тебя Бет.

— О чем ты?

Его глаза сверкнули.

— Просто заткнись и иди сюда, ладно?

Поколебавшись долю секунды, Никки неохотно сделала шаг вперед.

Глава 10

БЕТ

Возможно, признала Бет, она недооценила его. По крайней мере в том, что касается работы. За последние три недели Логан Тибо зарекомендовал себя как отличный работник. И даже больше. Он не только не пропустил ни дня, но и приезжал рано, чтобы успеть покормить собак — до болезни это всегда делала Нана, — и оставался допоздна, чтобы подмести полы в кабинете. Однажды она даже видела, как он моет окна «Уиндексом» и мятыми газетами. Питомник блистал чистотой, как никогда, площадка для дрессировки постригалась через день, и он даже взялся рассортировать заново дела клиентов. Дошло до того, что Бет почувствовала себя виноватой, выдавая ему чек на зарплату. Она знала: этой суммы едва хватит, чтобы свести концы с концами. Но когда она подала ему чек, он просто улыбнулся и сказал: «Спасибо. Просто здорово».

Все, что она смогла придумать, — это выдать в ответ: «Не стоит благодарности».

Если не считать этого случая, они виделись редко. Шла третья неделя учебы, и Бет все еще трудилась над тем, чтобы вновь влиться в учебный процесс. Она проводила долгие часы в маленьком домашнем кабинете, меняя планы уроков и проверяя домашние задания. Бен же, напротив, выпрыгивал из машины, как только приезжал домой, чтобы поиграть с Зевсом. Судя по наблюдениям Бет, сын считал пса новым лучшим другом, и тот, похоже, чувствовал то же

самое. Как только машина заезжала на подъездную аллею, Зевс принимался искать палку и встречать с ней Бена, когда тот распахивал дверь. Бен выпрыгивал из машины и бежал со всех ног, а сама Бет, поднимаясь на веранду по ступенькам, слышала, как он смеется, когда пес гоняется за ним по двору. Логан — ей казалось, это имя подходит ему больше, чем Тибо, несмотря на его слова на берегу, — тоже смотрел на них, а на его губах играла легкая улыбка. Потом он поворачивался и возвращался к своим делам, чем бы ни занимался.

Несмотря на первое впечатление, ей нравилась его улыбка и естественность, с которой он улыбался в обществе Бена или Наны. Она знала, что иногда война разрушает психику солдат, так что им потом сложно приспособиться к жизни в обычном мире. Но он, похоже, не страдал посттравматическим стрессовым расстройством. Он казался почти нормальным (если не считать того, что он прошел почти всю страну пешком), и это позволяло предположить, что он никогда не был по ту сторону океана. Нана клялась, что пока не задала ему этот вопрос. Что было само по себе странно, если учесть характер Наны, но это уже другая история.

И все же он вписался в их маленький семейный бизнес лучше, чем Бет могла представить. Пару дней назад, когда Логан заканчивал работу, она услышала, как Бен пробежал через дом в свою спальню, а потом вновь хлопнул входной дверью. Выглянув из окна, она увидела, что сын принес бейсбольный мяч из комнаты, чтобы поиграть с Логаном во дворе. Она смотрела, как мяч летал туда-сюда, а Зевс старательно ловил его, когда он попадал мимо, прежде чем это успевал сделать Бен.

Если бы только ее бывший видел, с какой радостью играет Бен, когда на него не давят и не обрушиваются с критикой!

Бет не удивляло, что Логан и Нана поладили. Но то, насколько часто Нана упоминала его имя после окончания рабочего дня, как неизменно хвалила его, поражало ее. «Он должен тебе понравиться», — говорила она. Или «Интересно, знал ли он Дрейка», — таким образом Нана намекала, что Бет стоит познакомиться с ним поближе. Нана даже стала позволять ему дрессировать собак, а этого она никогда не разрешала ни одному другому работнику. Периодически она рассказывала что-то интересное о его прошлом, например, как он однажды спал рядом с семьей броненосцев в Техасе. Или как когда-то мечтал участвовать в «Исследовательском проекте Куби Фора» в Кении, где занимаются изучением происхождения человека. Когда она говорила об этом, ее восхищение Логаном было очевидно.

Лучше всего было то, что постепенно суета в питомнике сошла на нет. После долгого суматошного лета, жизнь наконец потекла более или менее размеренно, что объясняло, почему Бет так мрачно уставилась на Нану, услышав последние новости за ужином.

— Как это, ты собираешься к сестре?

Нана положила еще кусочек масла в тарелку с креветками, стоявшую перед ней.

— Я не имела возможности навестить сестру после инсульта, а я хочу посмотреть, как у нее дела. Она же старше меня, ты знаешь. Ты сейчас преподаешь, Бен все время в школе, лучшего времени съездить к ней и придумать нельзя.

— А кто будет заниматься питомником?

— Тибо. Он уже всему научился, даже дрессировке. Он сказал, что будет счастлив поработать сверхурочно. А еще добавил, что отвезет меня в Гринсборо, так что об этом тоже можешь не беспокоиться. Мы обо всем договорились. Он даже вызвался привести в порядок все наши документы. — Она проткнула вилкой креветку, положила ее в рот и принялась энергично

жевать.

— А он умеет водить машину? — поинтересовалась Бет.

— Говорит, что умеет.

— Но у него нет прав.

— Он сказал, что получит их в отделе транспортных средств. Вот почему рано уехал. Я позвонила Фрэнку, и он подтвердил, что с радостью проведет для него экзамен по вождению сегодня.

— У него нет машины...

— Он ездит на моем грузовике.

— А как он туда добрался?

— Приехал на машине.

— Так у него же нет прав!

— Я думала, что все понятно объяснила. — Нана посмотрела на нее так, как будто она резко стала похожа на слабоумную.

— Как насчет хора? Ты же только туда вернулась.

— Все в порядке. Я уже сообщила музыкальному руководителю, что поеду к сестре, и она сказала: никаких проблем. На самом деле она думает, что это хорошая мысль. Конечно, я в этом хоре дольше, чем она. Так что она не могла мне отказать.

Бет покачала головой, она не хотела отклоняться от темы.

— Когда ты все это запланировала? Я имею в виду поездку.

Нана откусила еще кусочек и притворилась, что задумалась.

— Когда она позвонила и пригласила меня, естественно.

— А когда она позвонила? — напирала Бет.

— Сегодня утром.

— Сегодня утром? — Краем глаза Бет заметила, что Бен следит за их диалогом, как зритель на теннисном матче. Она бросила на него предостерегающий взгляд и вновь обратилась к Нане: — Ты уверена, что это хорошая мысль?

— Как конфетка на линкоре, — ответила Нана, давая понять, что дальнейшему обсуждению это не подлежит.

— Что это значит?

— А это значит, — сказала Нана, — что я собираюсь к сестре. Она заявила, что ей скучно и хочет меня видеть.

— Она просила меня приехать, и я согласилась. Вот так все просто.

— И долго тебя не будет? — Бет подавила охватившую ее панику.

— Наверное, около недели.

— Около недели?

Нана посмотрела на Бена:

— По-моему, у твоей мамы в ушах вата. Она повторяет все, что я говорю, как будто не слышит меня.

Бен хихикнул и закинул в рот креветку. Бет внимательно посмотрела на обоих. Иногда, подумала она, ужин с этой парочкой напоминает посиделки второклассников в кафетерии.

— А как же твои лекарства? — спросила она. Нана положила себе в тарелку еще креветок.

— Я возьму их с собой. Могу принимать таблетки где угодно так же, как и здесь.

— А вдруг с тобой что-то случится?

— Возможно, там за мной присмотрят лучше, чем здесь, тебе не кажется?

— Как ты можешь так говорить?

— Теперь, когда начались занятия в школе, тебя и Бена нет почти целый день, а я остаюсь в доме одна. Тибо даже не узнает, если со мной что-то произойдет. А в Гринсборо я буду с сестрой. И хотите — верьте, хотите — нет, а у нее есть телефон и все остальное. Она перестала использовать дымовые сигналы в прошлом году.

Бен снова хихикнул, но у него хватило ума ничего не сказать. Он просто сидел, широко улыбаясь над тарелкой.

— Но ты ведь не оставляла питомник, с тех пор как умер дедушка.

— Именно, — отрезала Нана.

— Но...

Нана потянулась через стол и погладила руку Бет:

— Послушай, я знаю, ты беспокоишься, что мои искрометные шутки какое-то время не будут улаживать твой слух, зато у тебя появится шанс лучше узнать Тибо. Он будет здесь и в выходные, чтобы помочь тебе управиться с собаками.

— В эти выходные? Когда же ты уезжаешь?

— Завтра, — ответила она.

— Завтра? — Голос Бет повысился до писка. Нана подмигнула Бену:

— Понимаешь, о чем я? Вата в ушах!

Убрав посуду, Бет удалилась на веранду, чтобы пару минут провести в одиночестве. Она знала, что Нана приняла решение, и знала, что сама слишком бурно на него отреагировала. Пережила Нана инсульт или нет, она могла о себе позаботиться, да и тетя Мими придет в восторг от встречи с ней. Тетя Мими и так уже еле ковыляла до кухни, так что, может быть, это последняя возможность для Наны провести с ней неделю.

Но грядущие перемены беспокоили ее. Ее волновала не сама поездка, а то, что стало очевидным после их маленькой схватки за столом, — новая роль, которую ей придется играть в ближайшие годы. А она не чувствовала себя к этому готовой. Было легко проявлять родительскую заботу к Бену. Ее роль и обязанности в этом случае были совершенно ясны. Но опекать Нану? Нана всегда казалась полной жизни, полной энергии, пока пару месяцев назад Бет не поняла, что отныне темп жизни Наны замедлился. И она хорошо справлялась, правда хорошо, особенно если учесть перенесенный инсульт. Но что произойдет в следующий раз, когда Нана решит сделать что-то, по мнению Бет, не отвечающее ее интересам? Что-то совершенно обычное... вроде ночной езды на автомобиле, например? Нана теперь видела не так хорошо, как раньше. И что случится через пару лет, когда Нана настоит на том, чтобы съездить в бакалейный магазин после работы?

Бет знала, что в конце концов найдет способ решить эти вопросы, когда придет время. Но она страшилась их. Ей и так едва удавалось контролировать Нану этим летом, при том, что проблемы со здоровьем были очевидны для самой бабушки. Что же будет, когда Нана откажется признавать, что они есть?

Бет отвлеклась от этих размышлений, когда увидела, что на подъездную аллею медленно въехал грузовик Наны и остановился у задней двери питомника. Оттуда выбрался Логан и обошел грузовик сзади. Она посмотрела, как он перебросил пятидесятифунтовый мешок с собачьей едой через плечо и направился внутрь. Когда он появился вновь, за ним трусил Зевс, потирая нос о его руку; Бет решила, что он, должно быть, запер Зевса в кабинете, пока был в городе.

Еще пара минут ушла у Логана на то, чтобы разгрузить остальную собачью еду. Закончив, он зашагал к дому. Солнце уже начало заходить. На расстоянии раздалось слабое эхо грома, и Бет услышала, как сверчки завели свою вечернюю песню. Она подозревала, что гроза их минует: если не считать пары редких ливней, лето выдалось очень сухим. Но ветер, дувший с океана, приносил с собой запах сосны и соли, и на нее нахлынули далекие воспоминания о семейном отдыхе на пляже. Перед ней предстали морские пауки, убежавшие от лучей фонариков, которые держали в руках она, Дрейк и дедушка; лицо мамы в мягком свете от маленького костерка, который развел папа; загоревшееся суфле Наны, которое они поджаривали на огне для сморов [8]. Это было одно из немногих ее воспоминаний о родителях, хотя она и не знала наверняка, насколько оно правдиво. Так как она была слишком мала, она подозревала, что воспоминания Наны смешались с ее собственными. Нана рассказывала ей о том вечере очень часто, вероятно, потому, что тогда они в последний раз собрались все вместе. Родители Бет погибли в автокатастрофе пару дней спустя.

— У вас все в порядке?

Погрузившись в воспоминания, Бет не заметила, что Логан уже добрался до веранды. В меркнувшем свете черты его лица казались мягче.

— Да, все в порядке. — Она выпрямилась и оправила блузку. — Я просто задумалась.

вернуться

Смор (от английского «some more» — «еще немного») — популярное американское угощение, которое часто готовят на пикниках. Состоит из двух крекеров, между которыми кладут поджаренное на огне суфле с кусочком шоколада.

— У меня ключи от грузовика, — тихо произнес он. — Я хотел отдать их перед тем, как уйду домой.

Когда он протянул ключи, она знала, что может просто поблагодарить его и попрощаться. Но (вероятно, потому что она все еще переживала из-за отъезда Наны или потому что хотела составить свое собственное мнение о Логане) Бет взяла ключи и намеренно не отвела взгляд, когда их глаза встретились.

— Спасибо, — сказала она. — Длинный денек для вас выдался, да?

Он удивился, что она выразила желание пообщаться, но не показал этого.

— Да не такой уж плохой. К тому же я много сделал.

— Вроде того, что вновь получили законную возможность водить машину?

Он лениво улыбнулся:

— Помимо всего прочего.

— С тормозами были проблемы?

— Да нет, как только я привык к скрежету.

Бет широко улыбнулась, подумав об этом:

— Держу пари, экзаменатору это понравилось.

— Уверен, что да. Это было ясно по тому, как он морщился.

Она рассмеялась, и какое-то время они постояли молча. На горизонте сверкнула молния. Лишь через мгновение до них донесся гром, и она знала, что гроза еще в нескольких милях от них. В тишине она заметила, что Логан вновь смотрит на нее с тем особым выражением лица, как будто у него возникло ощущение дежа-вю. Похоже, он понял это и быстро отвернулся. Бет посмотрела туда же, куда и он, и увидела Зевса, который бродил между деревьями. Пес встал на месте, как только на него обратили внимание, и уставился на Логана, словно хотел спросить: «Хочешь сходить на прогулку?» Чтобы выразить свое желание еще яснее, Зевс залаял, а Логан покачал головой.

— Попридержи коней! — крикнул он. Потом вновь повернулся к Элизабет: — Он какое-то время просидел в тесноте и теперь хочет побродить.

— Разве не это он делает сейчас?

— Нет. Он хочет побродить со мной. Он не упускает меня из виду.

— Никогда?

— Он не может ничего с этим поделаться. Зевс — немецкая овчарка и призван охранять овец. Он думает, что я — его стадо.

Бет приподняла бровь.

— Маленькое у вас стадо.

— Да, но оно растет. Он очень полюбил Бена и Нану.

— А меня — нет? — Она изобразила обиду. Логан пожал плечами:

— Вы же не кидали для него палку.

— А этого будет достаточно?

— Его дешево можно купить.

Бет рассмеялась. Она почему-то не ожидала, что у него есть чувство юмора. Удивив ее, он спросил:

— Не хотите пройтись с нами? Для Зевса это почти так же приятно, как и приносить палки.

— О, правда? — ответила она, пытаясь увильнуть от ответа.

— Я не создаю правил — просто их знаю. И мне не хочется, чтобы вы чувствовали себя обделенной.

Она немного поколебалась, прежде чем принять предложение, но ведь он просто пытался проявить дружелюбие. Она бросила взгляд через плечо.

— Наверное, стоит предупредить Нану и Бена, что я ушла.

— Как хотите, но прогулка будет недолгой. Зевс хочет только пойти к воде, чтобы поплескаться пару минут до ухода домой. Иначе ему будет жарко. — Логан повернулся, держа руки в карманах. — Вы готовы?

— Да, пойдёмте.

Они спустились с веранды и пошли по усыпанной гравием дорожке. Зевс трусил впереди, оглядываясь время от времени, чтобы удостовериться, что они идут следом. Они шагали рядом, но сохраняли дистанцию, чтобы случайно не прикоснуться друг к другу.

— Нана говорила, вы учитель, — заметил Логан. Бет кивнула:

— Да, преподаю во втором классе.

— Как вам ваш класс в этом году?

— Похоже, довольно милые ребяташки. По крайней мере пока. К тому же уже семь матерей записались в ряды желающих помочь, а это всегда хороший знак.

Миновав питомник, они приблизились к маленькой тропинке, ведущей к речушке. Солнце

опустилось за деревья, так что на землю легла тень. Когда они шли, вновь прогремел гром.

— Давно вы учите детей?

— Три года.

— Вам нравится?

— По большей части — да. Со мной работает много прекрасных людей, это облегчает мою задачу.

— Но?

Похоже, она не поняла вопрос. Он засунул руки в карманы и продолжил:

— Всегда есть одно «но», когда дело касается работы. Например, я люблю свою работу и мои коллеги просто замечательные, но... кое-кто из них изображает супергероев по выходным, и я недоумеваю, сумасшедшие они или нет.

Она рассмеялась:

— Нет, они правда замечательные. И мне нравится преподавать. Просто время от времени появляется ученик из семьи с несколько сомнительным прошлым. И понимаешь, что здесь ты бессильна. Иногда этого достаточно, чтобы у тебя разбилось сердце. — Бет сделала пару шагов молча. — Как насчет вас? Вам нравится работать здесь?

— Да, нравится. — Это прозвучало искренне.

— Но?

Он покачал головой:

— Никаких «но».

— Это нечестно. Я же вам о своих рассказала.

— Да, но вы разговаривали не с внучкой начальницы. Кстати, если уж зашла речь о начальнице, вы что-нибудь слышали о том, когда мы завтра выезжаем?

— Она вам не сказала?

— Нет. Я думал, что спрошу об этом, когда принесу ключи.

— Нана не говорила мне, но я уверена: она захочет, чтобы вы провели тренировку и дрессировку собак перед уходом, чтобы они не нервничали.

Показалась речушка, и Зевс рванул вперед и бросился в воду с брызгами и лаем. Логан и Бет наблюдали, как он резвится, пока Логан не шагнул к поваленному дереву. Бет присела, и он присоединился к ней, тщательно выверяя расстояние между ними.

— Далеко отсюда Гринсборо? — поинтересовался он.

— Пять часов. Туда и обратно. На федеральной дороге между двумя штатами.

— Вы знаете, когда Нана собирается домой? Бет пожала плечами:

— Она сказала, что останется там на неделю.

— О... — Казалось, Логан переваривает эту новость. Все продумано как нельзя лучше, черт возьми, подумала Бет. Логана тьма скрывала больше, чем ее.

— У меня такое впечатление, что Нана немного вам об этом рассказала.

— Только то, что она поедет, а я поведу машину, поэтому лучше бы мне получить права. Ах да, и что я работаю в эти выходные.

— Так я и думала. Послушайте, насчет этого... Я справлюсь сама, если у вас дела в выходные...

— Нет проблем, — ответил Логан. — У меня нет никаких планов. К тому же я еще не все успел. Нужно заняться кое-какими мелочами.

— Вроде того, чтобы установить кондиционер в кабинете при питомнике?

— Не совсем, вообще я собирался покрасить дверную раму и подумать, как открыть окно в кабинете.

— То самое, которое покрашено и всегда закрыто? Тогда удачи. Мой дедушка долгие годы пытался его починить. Однажды он целый день просидел над ним с бритвенным лезвием, а потом всю неделю ходил в пластырях. А окно так и не открылось.

— Ваш рассказ мне уверенности не прибавляет, — заметил Логан.

— Я просто пытаюсь вас предупредить. Это забавно, потому что именно мой дедушка его покрасил, а ведь у него весь сарай был забит всеми инструментами, которые только можно представить. Он был одним из тех мужчин, которые воображают, что могут починить любую вещь. Но получалось все далеко не так хорошо, как он планировал. Он был скорее теоретик, чем практик. Вы видели домик Бена и мостик?

— На расстоянии, — признался Логан.

— Это яркий пример. Дедушка потратил почти целое лето, чтобы построить домик, и всякий раз, когда Бен отправляется туда, я съеживаюсь от ужаса. Ума не приложу, как он до сих пор не развалился. Это пугает меня, но Бен любит там бывать, особенно когда расстраивается или нервничает по какому-то поводу. Он называет домик своим укрытием. И часто туда ходит. — Когда Бет сделала паузу, он заметил озабоченность на ее лице. Но через мгновение она вновь обратилась к нему: — Как бы там ни было, дедушка был золотым человеком. Сердечным и душевным, и благодаря ему у нас было настолько идеальное детство, насколько можно представить.

— «У нас»?

— У нас с братом. — Она посмотрела на дерево, его листья серебрились в лунном свете. — Нана рассказывала вам, что произошло с моими родителями?

Он кивнул:

— Вкратце. Мне очень жаль.

Она подождала, недоумевающая, захочет ли он добавить что-нибудь еще, но он промолчал.

— Каково это? — спросила она. — Пройти через всю страну?

Логан не спешил отвечать.

— Это было... умиротворяйте... Просто ощущение того, что я мог идти куда хотел, когда хотел и не торопиться, чтобы куда-то успеть.

— Вы говорите так, словно это была своего рода терапия.

— Полагаю, так оно и было. — Грустная улыбка промелькнула на его лице, но быстро исчезла. — В каком-то смысле.

Когда он сказал это, тусклый свет отразился в его глазах, и возникло ощущение, как будто они постепенно меняли цвет.

— Вы нашли то, что искали? — спросила она с серьезным выражением лица.

Логан выдержал паузу.

— Да, вообще-то нашел.

— И?

— Пока не знаю.

Она попыталась оценить его ответ, раздумывая, как на него отреагировать.

— И все же не поймите меня неправильно, но почему-то я не могу представить, чтобы вы надолго задержались в каком-то месте.

— Это потому, что я пришел пешком из Колорадо?

— Во многом из-за этого.

Он засмеялся, и впервые Бет осознала, насколько долго она ни с кем так не разговаривала. Так легко и непринужденно. В беседах с Адамом сквозило напряжение, словно они оба слишком сильно старались. Она до сих пор не разобралась в своем отношении к Логану, но ей казалось правильным, что они наконец подружились. Она откашлялась.

— Что ж, насчет завтрашнего дня. Я подумала, что вам двоим лучше взять мою машину, а я поеду в школу на грузовике. Я немного беспокоюсь за его тормоза.

— Должен признаться, меня они тоже заботят. Но я почти уверен, что смогу починить их. Не к завтрашнему дню, а к выходным.

— Вы и машины ремонтируете?

— Да. Тормоза — дело нехитрое. Нужно сменить колодки, а диски, я полагаю, в порядке.

— А есть что-нибудь, чего вы не умеете? — спросила Бет, искренне изумившись.

— Да.

Она засмеялась:

— Это хорошо. Ладно, я поговорю с Наной. Думаю, она не станет возражать против того, чтобы взять мою машину. Я не доверяю этим тормозам при езде на большой скорости. И еще обязательно проверю собак, когда закончу дела в школе, хорошо? Наверняка Нана вам об этом тоже не говорила. Но я это сделаю.

Он кивнул, и в этот момент Зевс выбрался из воды. Пес отряхнулся, подошел поближе к Бет и обнюхал ее, прежде чем облизать ей руки.

— Я ему понравилась.

— Возможно, он просто изучает вас.

— Забавно, — произнесла она. Что-то подобное сказал бы Дрейк, ее вновь охватило внезапное желание побыть в одиночестве. Она встала. — Наверное, мне пора возвращаться. Уверена, меня уже ищут.

Логан заметил, что облака тяжелеют.

— Да, мне тоже. Я хочу добраться домой, прежде чем разразится ливень. Гроза, похоже, подобралась совсем близко.

— Хотите, я вас подвезу?

— Спасибо, но не стоит. Я люблю ходить пешком.

— Еще бы, и как я не догадалась! — воскликнула она со слабой улыбкой.

Они направились к дому, ступая по своим следам, и когда дошли до подъездной аллеи, Бет достала руку из кармана джинсов и помахала ему.

— Спасибо за прогулку, Логан.

Она ждала, что он поправит ее так же, как и Бена, и скажет, чтобы она называла его Тибо. Но он не стал. Он просто чуть приподнял подбородок и широко улыбнулся:

— И тебе, Элизабет.

Она знала, что гроза не продлится долго, а они отчаянно ждали дождя. Лето выдалось жарким и сухим, и казалось, что жара никогда не закончится. Слушая, как последние капли дождя стучат по луженой крыше, она поймала себя на мыслях о брате.

Перед уходом Дрейк признался ей, что из всех звуков по стуку дождя по крыше он будет скучать больше всего. Ей было интересно, часто ли ему снились летние грозы северной Калифорнии в том засушливом краю, где он оказался. От этой мысли она вновь ощутила пустоту и невыносимую грусть.

Нана паковала вещи для поездки в своей комнате, пребывая в таком волнении, как никогда за многие годы. Бен же находился в подавленном настроении, а это означало: он думает о том, что ему придется провести большую часть выходных с отцом. Еще это означало, что сама Бет останется впервые выходные дома в полном одиночестве. Рядом не будет никого.

Если не считать Логана.

Теперь она понимала, почему Нану и Бена влекло к нему. Он обладал ненавязчивой уверенностью в собственных силах, которую так редко можно встретить в наши дни. Лишь вернувшись в дом, она осознала, что не узнала о нем почти ничего нового с тех пор, как состоялось собеседование. Она недоумевала, всегда ли он был таким скрытным или это началось со времен его службы в Ираке.

Он был там, решила она. Нет, этого он не сказал, но она заметила что-то в выражении его лица, когда упомянула своих родителей. Его простой ответ говорил о том, что ему приходилось переживать трагедии и что мириться с ними — неотъемлемая часть его жизни.

Она не знала, меняет ли это ее чувства к нему в худшую или в лучшую сторону. Как и Дрейк, Логан был морским пехотинцем. Но Логан был здесь, а Дрейк — уже нет, и по этой причине, и по другим, гораздо более сложным, она не была уверена, что когда-нибудь сможет относиться к Логану непредвзято.

Подняв глаза на звезды, появившиеся меж грозовых облаков, она ощутила потерю Дрейка еще острее, словно у нее вновь открылась старая рана. После смерти родителей они были неразлучны, даже целый год спали в одной кровати. Он был всего на год младше, и она отчетливо помнила, как шла в школу вместе с ним в первый из его детсадовских будней. Чтобы он перестал плакать, она пообещала, что у него появится много новых друзей, а она будет ждать его на детской площадке, чтобы отвести домой. В отличие от многих братьев и сестер они никогда не ревновали друг к другу. Она была его самой главной заводилой, а он — ее непоколебимым сторонником. В старших классах она посещала все футбольные, баскетбольные и бейсбольные матчи, в которых он играл, и помогала ему в учебе, когда он просил. Он же был единственным, кого не пугали ее глупые перепады настроения в подростковом возрасте. Они разошлись во мнениях лишь один раз, причем по поводу Кита, но в отличие от Наны Дрейк держал чувства главным образом при себе. Но она знала, что думает брат, и когда они с Китом расстались, именно к нему она обратилась за помощью, пытаясь встать на ноги теперь уже как мать-одиночка. И она знала, что именно Дрейк не давал Киту колотить в ее дверь поздно ночью многие месяцы после разрыва. Дрейк был единственным человеком, с которым Кит боялся связываться.

К тому моменту он уже возмужал. Он не только был прекрасным атлетом и преуспел почти во всех видах спорта, но и занялся боксом в двенадцать лет. К восемнадцати он трижды выигрывал «Золотую перчатку» Северной Каролины и регулярно участвовал в спаррингах с военными на базах Форт-Брэгг и Кемп-Лиджен. Долгие часы общения с ними и подтолкнули Дрейка к решению пойти в армию.

Он никогда не был хорошим студентом и протянул только год в местном колледже, прежде чем решил, что это не для него. Бет была единственной, с кем он говорил о вербовке. Она гордилась его решением служить стране, ее сердце чуть не разорвалось от любви и восхищения, когда она в первый раз увидела его в военной форме. Хотя Бет боялась, когда его отправили в Кувейт, а позже в Ирак, она никогда не переставала верить, что он вернется. Но Дрейку Грину не было суждено вернуться домой.

Она смутно помнила несколько дней после того, как узнала, что ее брат погиб, и не любила о них думать. Его смерть оставила в ее сердце пустоту, которая, она знала, никогда не заполнится. Но время ослабило боль. Лишь узнав о потере, она не верила в то, что потом будет вспоминать самые счастливые моменты, проведенные вместе с братом, хотя теперь не могла это отрицать. Даже приходя на кладбище поговорить с ним, она больше не испытывала

безысходную тоску, как когда-то. Теперь ее грусть стала менее ощутима, чем злость.

Но сейчас все вновь представлялось реальным, ибо она осознала: ее, как и Нану и Бена, тоже влечет к Тибо. Пусть даже только потому, что ей ни с кем не было так легко после потери Дрейка.

И еще это: только Дрейк называл ее полным именем. Ни родители, ни Нана, ни бабушка, никто из друзей не называл ее иначе, как Бет. И Кит тоже. Честно говоря, она сомневалась, знает ли он вообще ее настоящее имя. Лишь Дрейк звал ее Элизабет, и только когда они были одни. Это была их тайна, тайна, предназначенная для них двоих, и она не могла даже представить, как ее имя прозвучит в устах другого человека.

Но почему-то у Логана это получилось очень естественно и к месту.

Глава 11

ТИБО

Осенью 2007 года, через двенадцать месяцев после увольнения из морской пехоты, Тибо договорился о встрече с Виктором в Миннесоте, где ни тот ни другой никогда не были. Для обоих выбрать более удачный момент было нельзя. Виктор женился шесть месяцев назад, а Тибо стоял подле него в качестве шафера. Это был единственный раз, когда они встретились со времен увольнения. Тибо позвонил и предложил съездить куда-нибудь, считая, что Виктору необходимо побыть некоторое время в одиночестве.

В первый день, когда они сидели в маленькой лодке на озере, именно Виктор заговорил первым.

— Тебя не мучают кошмары? — спросил он вдруг.

Тибо покачал головой:

— Нет. А тебя?

— Мучают, — признался Виктор.

В воздухе чувствовался холод, как часто бывает осенью, а легкий утренний туман поднимался прямо над водой. На небе не было ни облачка, и Тибо знал, что скоро температура повысится и природа подарит им великолепный день.

— Так же, как и раньше? — спросил Тибо.

— Хуже, — сказал Виктор. Он намотал леску, а потом вновь забросил удочку. — Я вижу мертвых людей. — Он криво улыбнулся, а в морщинках на его лице отразилась усталость. — Как в кино с Брюсом Уиллисом, знаешь? «Шестое чувство»?

Тибо кивнул.

— Что-то вроде того. — Он замолчал, теперь уже с мрачным видом. — Во сне я заново переживаю все, через что мы прошли, только с кое-какими изменениями. В большинстве снов в меня попадает пуля, я зову на помощь, но никто не приходит, и я осознаю, что всех остальных тоже подстрелили. И я чувствую, как потихоньку умираю. — Он потер глаза и продолжил: — Как бы это ни было трудно, все становится еще хуже, когда я вижу их днем. Я

имею в виду тех, кто умер. К примеру, стою в магазине и вижу их, они заполняют весь проход. Или лежат на земле, истекая кровью, пока над ними суетятся санитары. Но они никогда не издадут ни звука. Единственное, что они делают, — это смотрят на меня, как будто это я виноват, что их ранили, или я виноват, что они умирают. А потом я моргаю, делаю глубокий вздох, и они исчезают. — Он замолчал. — После такого мне кажется, что я схожу с ума.

— Ты с кем-нибудь об этом говорил? — спросил Тибо.

— Ни с кем. То есть кроме жены. Но когда я рассказываю ей об этом, она пугается и начинает плакать. Так что я больше не поднимаю эту тему.

Тибо промолчал.

— Знаешь, она беременна, — признался Виктор.

Тибо улыбнулся, ухватившись за этот лучик надежды:

— Поздравляю.

— Спасибо. Это мальчик. Я назову его Логан.

Тибо выпрямил спину и кивнул Виктору:

— Я польщен.

— Меня иногда это пугает. Мысль о сыне. Я беспокоюсь, что буду плохим отцом. — Его взгляд блуждал над зеркалом воды.

— Ты станешь прекрасным отцом, — заверил его Тибо.

— Возможно.

Тибо молчал. Виктор продолжил:

— У меня не хватает терпения. Много меня раздражает. Всякие мелочи, детали, которые не должны ничего значить, но почему-то значат. И хотя я пытаюсь загнать злость глубоко внутрь, иногда она все равно прорывается. Пока у меня не возникало из-за этого проблем, но я и сам не знаю, как долго смогу держать ее в себе, пока она не выльется наружу. — Он поправил леску удочкой. — С тобой такое тоже происходит?

— Иногда, — тихо ответил Тибо.

— Но не часто?

— Нет.

— Я забыл, что для тебя все иначе. То есть благодаря фотографии.

Тибо покачал головой:

— Это неправда. Мне тоже было нелегко. Я не мог пройти по улице, чтобы не оглянуться или осмотреть все окна и удостовериться; никто не нацелил на меня ружье. И очень часто я не могу завязать с людьми обычный разговор. Меня не волнуют их заботы. Кто где работает и сколько получает, или что идет по телевизору, или кто с кем встречается. Мне так и хочется

спросить: какая разница?

— Ты никогда не умел вести светские разговоры, — фыркнул Виктор.

— Спасибо.

— А насчет оглядки... Это нормально. Я тоже так делаю.

— Да?

— Но пока никаких ружей не видел.

Тибо рассмеялся:

— А ведь это хорошо, да? — Потом, желая сменить тему, он спросил: — Как тебе кровельные работы?

— Летом жарковато.

— Как в Ираке?

— Нет. Нигде не может быть так жарко, как в Ираке. Но достаточно жарко. — Он улыбнулся: — Меня повесили. Я теперь бригадир.

— Тем лучше для тебя. Как Мария?

— Растет вширь, но рада этому. Она — вся моя жизнь. Мне так повезло, что я женился на ней. — Он задумчиво покачал головой.

— Я рад за тебя.

— Нет ничего, подобного любви. Тебе стоит попробовать, каково это.

Тибо пожал плечами:

— Быть может, когда-нибудь.

Элизабет.

Тибо видел, как что-то промелькнуло в ее глазах, когда он назвал ее Элизабет, какое-то чувство, которое он не мог распознать. Полное имя намного точнее отражало ее суть, чем простое и обыденное «Бет». В нем была некая элегантность, соответствовавшая грации ее движений. И хотя он не собирался так ее называть, имя само слетело у него с языка.

По пути домой он обнаружил, что вновь и вновь прокручивает в уме их разговор и вспоминает, как непринужденно сидел рядом с ней. Она была спокойнее, чем он ожидал, но он ощущал, что она, как и Нана, не знает, что о нем думать. Позже ночью, глядя в потолок, он недоумевал, какого она о нем мнения.

В пятницу утром Тибо удостоверился, что позаботился обо всем, прежде чем повезти Нану в Гринсборо на машине Элизабет. Зевс ехал на заднем сиденье и большую часть путешествия провел, высунув голову в окно и подставив уши под порывы ветра. Пес был заинтригован постоянной сменой запахов и пейзажа. Тибо не ожидал, что Нана позволит Зевсу поехать с

ними, но она сама поманила пса к машине.

— Бет не будет возражать. К тому же мой чемодан влезет и в багажник.

Поездка обратно в Хэмптон прошла быстрее, и, остановившись, он порадовался, когда увидел возле дома Бена, который подбрасывал в воздух мяч. Зевс, исполненный счастливого ожидания, рванул к нему, а Бен запустил мяч подальше. Зевс метнулся за ним, прижав уши к голове и высунув язык. Подойдя, Тибо увидел, как на веранду вышла Элизабет, и его вдруг охватила внезапная уверенность в том, что она одна из самых красивых женщин, которых он когда-либо видел. В летней блузке и шортах, открывавших стройные ноги, она по-дружески замахала рукой, увидев его. И единственное, что он смог сделать, — это перестать тарашиться на нее.

— Привет, Тибо! — крикнул Бен со двора. Он гонялся за Зевсом, который подпрыгивал с мячиком во рту, гордясь тем, что всегда опережает Бена на пару шагов, как бы быстро тот ни бежал.

— Привет, Бен! Как школа?

— Скучно! — прокричал он. — Как работа?

— Интересно!

Бен продолжал носиться.

— Да, верно!

Как только Бен начал ходить в школу, они обменивались этими фразами каждый день. С веранды спустилась Элизабет.

— Здравствуй, Логан.

— Здравствуй, Элизабет.

Она облокотилась о перила, на ее губах играла легкая улыбка.

— Как поездка?

— Не слишком плохо.

— Должно быть, это было несколько странно.

— Почему?

— Когда ты в последний раз был за рулем пять часов подряд?

Он потер шею.

— Не знаю. Давно.

— Нана сказала, ты немного дергался, когда вел машину, как будто не мог расслабиться. — Она указала рукой через плечо: — Я только что говорила с ней. Она звонила уже два раза.

— Заскучала?

— Нет, первый раз она хотела пообщаться с Беном. Спросить, как прошел день в школе.

— И?

— Он признался ей, что было скучно.

— По крайней мере в этом он проявляет последовательность.

— Конечно, но лучше бы он сказал что-то другое. Вроде «Я узнал много нового, и мне так весело всем этим заниматься». — Она улыбнулась. — Мечта каждой матери, да?

— Поверю тебе в этом на слово.

— Хочешь пить? — спросила она. — Нана оставила немного лимонада в кувшине. Она приготовила его сегодня утром до отъезда.

— Не откажусь. Но сначала, наверное, нужно проверить, есть ли у собак вода.

— Уже сделано. — Бет повернулась и пошла к двери. Она придержала ее для него. — Заходи. Я вернусь через минутку, ладно?

Он поднялся по лестнице, остановился, чтобы вытереть ноги, и вошел в дом. Осматривая комнату, он заметил антикварную мебель и подлинники картин, висевшие на стенах. «Словно деревенский салон», — подумал он. Он представлял себе их жилище иначе.

— У вас тут красиво! — крикнул он.

— Спасибо! — Она высунула голову из кухни. — Ты раньше здесь не бывал?

— Нет.

— Я просто предположила, что бывал. Чувствуй себя как дома.

Она исчезла из виду, и Тибо побродил по комнате. Он обратил внимание на коллекцию статуэток Хаммель [9] на полках шкафа в столовой. Он улыбнулся. Ему всегда нравились такие вещи.

На подоконнике он обнаружил ряд фотографий и подошел, чтобы изучить их. На двух или трех был изображен Бен, причем на одной без пары передних зубов. Рядом находился милый снимок Элизабет в платье и кепке, она стояла подле дедушки с бабушкой, и портрет Наны вместе с супругом. В углу он заметил портрет молодого морского пехотинца в форме в непринужденной позе.

«Тот самый молодой пехотинец, который потерял фото в Ираке?»

— Это Дрейк, — произнесла она, подойдя сзади. — Мой брат.

Тибо повернулся:

— Младший или старший?

— На год младше меня.

Она подала Тибо стакан лимонада, не сказав больше ни слова, и он почувствовал, что тема

закрыта. Она шагнула к входной двери:

— Давай посидим на веранде. Я весь день дома, к тому же хочу присмотреть за Беном. У него есть склонность к тому, чтобы бродить где попало.

Элизабет села на ступеньки снаружи. Солнце пробивалось сквозь облака, но тень от веранды защищала их. Элизабет заправила прядь волос за ухо.

— Жаль, но это лучшее, что я могу придумать. Пыталась уговорить Нану установить на веранде садовые качели, но она утверждает, что это выглядит по-деревенски.

Вдалеке Бен с Зевсом бегали по траве. Бен смеялся, пытаясь выхватить палку из пасти Зевса. Элизабет улыбнулась:

— Я рада, что он хоть как-то выпускает энергию. У него сегодня состоялся первый урок игры на скрипке, так что после школы он не успел это сделать.

— Ему понравилось?

— Понравилось. Или по крайней мере он так сказал. — Она повернулась к нему: — А тебе это доставляло удовольствие в детстве?

— В основном да. Во всяком случае, пока я не вырос.

— Дай угадаю. Потом ты заинтересовался девушками и спортом?

— Не забывай о машинах.

— Типичный случай, — простила она. — Зато нормальный. Я просто так взволнована, потому что он сам это выбрал. Он всегда увлекался музыкой, а его учительница — настоящее сокровище. У нее ангельское терпение.

— Это хорошо. И это будет хорошо для него. Она притворилась, что пристально его изучает.

— Не знаю почему, но ты больше похож на электрогитариста, чем на человека, игравшего на скрипке.

— Потому что я пришел пешком из Колорадо?

— Не забывай о своей прическе.

— Я много лет ходил бритый.

— А потом машинка для стрижки устроила забастовку, да?

— Вроде того.

Она улыбнулась и потянулась за стаканом. В тишине Тибо любовался видом. Напротив во дворе жаворонки стайкой сорвались с деревьев и синхронно перелетели на противоположную сторону. Пушистые облака проплывали мимо, меняя форму под дуновением легкого дневного бриза. Он почувствовал, что Элизабет наблюдает за ним.

— Думаю, у тебя нет потребности говорить постоянно, — заметила она.

Он улыбнулся:

— Нет.

— Многие не умеют ценить тишину. Они трещат без умолку.

— Я разговариваю. Но главное, чтоб было что сказать.

— Тебе тяжело придется в Хэмптоне. Многие местные болтают либо о близких, либо о соседях, о погоде, о перспективах получить чемпионский титул у футбольной команды средней школы.

— Да?

— Это надоедает.

Он кивнул:

— Понимаю. — Он сделал еще глоток и опустошил стакан. — И какая в этом году собралась команда?

Элизабет рассмеялась:

— Именно так. — Она потянулась за его стаканом. — Еще хочешь?

— Нет, мне хватит. Спасибо. Очень освежает. Она поставила его стакан рядом со своим.

— Домашний. Нана сама выжимала сок из лимонов.

Он кивнул:

— Я заметил, что у нее руки как у моряка Папая [10].

Она провела пальцем по краю стакана, отметив, что ей нравится его чувство юмора.

— Что ж, похоже, мы останемся в эти выходные вдвоем.

— А как же Бен?

— Завтра поедет к отцу. Он гостит у него через выходные.

— Да?

Она вздохнула:

— Но Бен не хочет ехать. Он никогда не хочет. Тибо кивнул, рассматривая мальчика, игравшего в отдалении.

— Ничего не хочешь сказать? — подтолкнула она.

— Не уверен, что я должен что-то говорить.

— Но если бы тебе пришлось что-то сказать...

— Тогда я сказал бы, что у Бена наверняка есть на то веская причина.

— А я бы ответила, что ты прав.

— Вы с его отцом не ладите? — осторожно поинтересовался Тибо.

— Вообще у нас нормальные отношения. Не отличные, разумеется. Но нормальные. А вот Бен и его отец не ладят. У моего бывшего проблемы с Беном, — сказала она. — Думаю, он хотел другого ребенка.

— Зачем ты тогда отпускаешь Бена к нему? — Он был явно удивлен.

— Потому что у меня нет выбора.

— Выбор есть всегда.

— Не в этом случае. Тут выбора нет. — Она склонилась и сорвала цветок календулы рядом с лестницей. — У нас совместная опека, и если я попытаюсь поругаться с ним по этому поводу, суд, вероятнее всего, примет решение в его пользу. Случись такое, возможно, Бену придется еще чаще к нему ездить, чем сейчас.

— Несправедливо.

— Так и есть. Но на данный момент я не могу ничего с этим поделать, кроме как сказать Бену, чтоб он извлек из этого максимум пользы.

— У меня такое чувство, что в этой истории есть еще кое-что.

Она усмехнулась:

— Ты и не представляешь, насколько прав.

— Хочешь об этом поговорить?

— Не особенно.

Как бы Тибо ни желал надавить на нее, он удержался, увидев Бена, который шагал к крыльцу. Мальчик весь взмок от пота, лицо его покраснело. Оправа очков чуть помялась, Зевс тащился позади, тяжело дыша.

— Привет, мам!

— Здравствуй, солнышко. Хорошо повеселился? Зевс приласкался к Бену, покрутившись у его руки, а потом рухнул у ног мальчика.

— Зевс потрясающий! Ты видела, как мы играли в догонялки?

— Конечно, — ответила она, притянув к себе сына. Она провела рукой по его волосам. — Похоже, тебе жарко. Пойди попей воды.

— Сейчас. А Тибо с Зевсом останутся на ужин?

— Мы это еще не обсуждали.

Бен поднял очки на нос, забыв, что они перекошились.

— Сегодня у нас будет тако, — объявил он Тибо. — Они потрясающие. Мама сама делает сальсу и все остальное.

— Не сомневаюсь, — не раздумывая кивнул Тибо.

— Мы поговорим об этом, ладно? — Она стряхнула траву с его рубашки. — А теперь иди. Попей воды. И не забудь помыться.

— Я хочу поиграть в прятки с Зевсом, — захныкал Бен. — Тибо разрешил.

— Я же сказала, мы об этом поговорим, — повторила Элизабет.

— А Зевс может пойти со мной в дом? Он тоже хочет пить.

— Давай он останется здесь, хорошо? Мы принесем ему воды. Что с твоими очками?

вернуться

9

Статуэтки Хаммель — керамические фигурки, первоначально созданные по эскизам монахини Марии Хаммель.

вернуться

10

Моряк Папай — герой комиксов.

Несмотря на возражения Бена, она сняла его очки.

— Всего на секунду. — Элизабет выгнула оправу, посмотрела на свою работу и согнула их еще раз, прежде чем вернуть Бену. Затем откинулась назад, чтобы лучше видеть сына. — Идеально, — сказала она.

— Ладно, — уступил Бен. Он взбежал по лестнице, распахнул затянутую сеткой от насекомых дверь и громко ее захлопнул. Когда он ушел, Элизабет повернулась к Тибо:

— Я смутила его.

— Так делают все матери.

— Спасибо, — сказала она, не скрывая сарказма. — А что это еще за новость про Зевса и прятки?

— О, я рассказал ему об этом, когда мы сидели у реки. Он интересовался, что умеет Зевс, и я упомянул об этом. Но не обязательно играть сегодня.

— Нет, все в порядке, — сказала Элизабет, потянувшись за стаканом лимонада. Она погремела кубиками льда, размышляя, а потом наконец повернулась к нему: — Хочешь остаться на ужин?

Их глаза встретились.

— Да, — ответил он. — С огромным удовольствием.

— Но будет всего лишь тако, — уточнила она.

— Я слышал. И благодарю — «такое» звучит заманчиво. — Он улыбнулся и встал. — А пока позволь я дам этому парню немного воды. К тому же он наверняка проголодался. Не возражаешь, если я дам ему еды из питомника?

— Конечно, нет. Там ее полно. Кое-кто привез вчера кучу пакетов.

— Кто бы это мог быть?

— Не знаю. Какой-то длинноволосый скиталец, наверное.

— А я думал, ветеран с университетским образованием.

— Это одно и то же. — Подобрал очки, она тоже поднялась. — Пойду удостоверюсь, что Бен помылся. Он часто забывает об этом. Увидимся через пару минут.

В питомнике Тибо наполнил миски Зевса водой и едой, а потом присел на одну из пустых клеток. Зевс не торопясь попил, потом пожевал, то и дело бросая взгляд на Тибо, словно хотел спросить: «Почему ты за мной следишь?» Тибо не произносил ни слова: он знал, что любой его комментарий еще больше затормозит Зевса.

Зато он, хоть Элизабет и сказала, что уже сделала это, проверил другие клетки, чтобы убедиться: у собак хватает воды. Они вели себя спокойно. Прекрасно. Он выключил свет в кабинете и запер дверь, прежде чем вернуться в дом. Зевс тащился за ним, обнюхивая землю.

У двери Тибо приказал Зевсу лечь, а потом открыл затянутую сеткой дверь.

— Эй?

— Входи. Я на кухне.

Тибо ступил на порог и прошел на кухню. Элизабет в фартуке стояла у плиты, поджаривая на огне пропущенную через мясорубку говядину. На рабочей поверхности подле нее стояла открытая бутылка пива «Микелоб лайт».

— Где Бен? — спросил Тибо.

— В душе. Появится через пару минут. — Она добавила в говядину немного приправы для тако из пакетика и воды, а потом ополоснула руки. Вытерев их о передник, она потянулась за пивом. — Хочешь бутылочку? Я всегда пью пиво по вечерам, когда у нас тако.

— Не откажусь.

Она достала из холодильника бутылку и подала ему.

— Легкое. Это все, что у меня есть.

— Спасибо!

Он облокотился о столешницу и осмотрел кухню. Чем-то она напоминала кухню дома, который он снял: шкафы, оставшиеся со времен постройки, раковина из нержавеющей стали, старая

техника и маленький обеденный гарнитур, приютившийся у окна. Только эта кухня была в лучшем состоянии, и в ней чувствовалось присутствие женщин: цветы в вазе, тарелка с фруктами, украшения на окнах. Все по-домашнему.

Из холодильника Элизабет достала немного салата латука и кусок сыра чеддер и положила их на рабочую поверхность. Затем она добавила зеленого перца и лука, потом перенесла все продукты на разделочную доску, достала нож и терку для сыра из ящика. Она принялась резать кубиками лук, быстро и проворно.

— Помощь не требуется?

Она скептически посмотрела на него:

— Только не говори, что, помимо дрессировки собак, ремонта машин и игры на музыкальных инструментах, ты еще и эксперт в готовке.

— Так далеко я пока не зашел. Но я знаю, как обращаться с кухонной утварью. Я каждый вечер готовлю себе ужин.

— О, правда? Что ты ел прошлым вечером?

— Бутерброд с индейкой на белом хлебе. С маринованным огурцом.

— А позапрошлым вечером?

— Бутерброд с индейкой на белом хлебе. Без огурца. Она хихикнула.

— Когда ты в последний раз готовил что-то горячее?

Он притворился, что вспоминает.

— А... фасоль с говяжьими сосисками... В понедельник.

Она изобразила удивление:

— Признаю, что ошиблась. А как у тебя с тем, чтобы натереть сыр?

— А в этом я бы и правда мог назвать себя экспертом.

— Ладно, — сдалась она. — Там в посудном шкафу есть миска под блендером. И не нужно тереть весь сыр. Бен обычно ест два блинчика, а я только один. Все остальное достанется тебе.

Тибо поставил пиво на столешницу и вытащил миску из шкафа. Потом он прошел к раковине, чтобы вымыть руки, и развернул кусок сыра. Он исподволь бросал взгляды на Элизабет, когда работал. Закончив с луком, она сразу перешла к зеленому перцу. Дальше настал черед помидора. Нож уверенно танцевал в ее руках, все движения были точными.

— Ты так быстро это делаешь.

Она ответила, не нарушая ритма движений:

— Когда-то я мечтала открыть собственный ресторан.

— Когда это было?

— В пятнадцать лет. На день рождения я даже попросила подарить мне нож «Гинсу».

— Ты имеешь в виду тот самый, который рекламировали вечером по телевизору? Парень в рекламе еще резал им консервную банку.

Она кивнула:

— Да, именно такой.

— И тебе его подарили?

— Сейчас он у меня в руках.

Он улыбнулся:

— Не встречал ни одного человека, который признался бы, что купил его.

— Теперь встретил, — сказала Бет и быстро окинула его взглядом. — Я мечтала открыть процветающее предприятие в Чарлстоне или Саванне и писать свои собственные кулинарные книги и вести телешоу. Безумие, я знаю. Но все же я провела целое лето, практикуясь в нарезке кубиками. Я резала все, что могла, так быстро, как только могла, пока у меня не стало получаться так же быстро, как у парня в рекламе. Все миски «Тапперваре» были наполнены цукини, морковками и тыквой, которые я собирала в саду. Нана очень злилась, потому что это означало: мы каждый день будем есть летнюю мешанку.

— Что такое «летняя мешанка»?

— Что угодно, перемешанное и подходящее к лапше или рису.

Он улыбнулся, подвигая к ней горку тертого сыра.

— А что произошло потом?

— Лето подошло к концу, и наш запас овощей иссяк.

— А, — произнес он, недоумевая, как можно настолько хорошо выглядеть в фартуке.

— Ладно, — сказала она, доставая еще одну миску из-под плиты. — Дай-ка мне взбить сальсу.

Она вылила в миску большую банку томатного соуса, добавила лук, зеленый перец и немного «Табаско» со щепоткой соли и перца. Она все перемешала и поставила на средний огонь.

— Это твой собственный рецепт?

— Нет, Наны. Бен не любит слишком острые блюда, поэтому она предложила такой вариант.

Закончив с сыром, Тибо вновь завернул его.

— Что-нибудь еще?

— Да почти ничего не осталось. Нужно порезать немного салата, и все. Ох да, и подогреть блинчики в духовке. А я пока немного прогрею мясо и сальсу.

— Как насчет того, чтобы я занялся блинчиками? Она подала ему противень и включила

духовку.

— Растяни их немного. Три для нас и сколько угодно для себя. Но пока не ставь их в духовку. У нас еще есть пара минут. Бен любит, когда блинчики подаются с пылу, с жару.

Тибо сделал так, как она просила, а она дорезала салат. На столешницу она поставила три тарелки. Снова взяв пиво, она шагнула к двери.

— Пойдем со мной. Я хочу кое-что тебе показать.

Тибо последовал за ней и замер, как только перед ним предстал вид с задней крытой веранды. Обрамленный живой изгородью участок испещряли многочисленные мощенные булыжником тропинки, петлявшие вокруг нескольких круглых кирпичных кадок, в каждой из которых росло кизиловое дерево. В середине двора, выступая как центральный элемент композиции, высился трехъярусный фонтан, который питал большой пруд с золотыми рыбками.

— Ух, ты, — пробормотал он. — Великолепное зрелище.

— А ты ведь даже не подозревал об этом? Выглядит впечатляюще, но тебе стоит посмотреть на это весной. Каждый год мы с Наной сажаем тысячи тюльпанов, нарциссов и лилий, так что они начинают цвести сразу после азалий и кизила. С марта по июль этот сад превращается в одно из прекраснейших мест на земле. А вон там... где ограда пониже... — она указала направо, — располагается наш знаменитый огород, где растут овощи и травы.

— Нана никогда не упоминала о том, что садовничает.

— Она и не стала бы. Любовь к цветам объединяла их с дедушкой, вроде маленького секрета. Поскольку питомник находился рядом, они хотели превратить это подобие оазиса в место, где можно спрятаться от утомительных дел, собак, их хозяев... даже от собственных сотрудников. Конечно, мы с Дрейком, а потом мы с Беном норовили туда ворваться, но по большей части это был их уголок. Это был единственный проект, в котором дедушка действительно преуспел. После его смерти Нана решила поддерживать здесь такой же порядок в память о нем.

— Это невероятно, — заметил он.

— Невероятно, правда? Это не вызывало столь положительных эмоций, когда мы были детьми. Если только мы не сажали цветочные луковицы, нам не разрешали там играть. Все наши дни рождения проходили на лужайке, которая отделяет дом от питомника. А это означало, что за два дня до праздника нам приходилось собирать все следы собачьей жизнедеятельности, чтобы никто случайно не наступил в кучку.

— Представляю, как это могло бы испортить вечеринку...

— Эй! — прозвенел голос на кухне. — Где вы, ребята?

Элизабет обернулась, услышав голос Бена:

— Мы здесь, солнышко. Я показываю мистеру Тибо задний дворик.

Бен вышел из дома, одетый в черную футболку и камуфляжные штаны.

— Где Зевс? Я готов спрятаться, чтобы он меня искал.

— Давай сначала поедим. А этим займемся после ужина.

— Мама...

— В темноте все равно будет лучше, — вставил Тибо. — Так ты сможешь спрятаться по-настоящему. Да и Зевсу будет интереснее.

— А до этого что мы будем делать?

— Нана сказала, ты играешь в шахматы. Бен отнесся к этому скептически.

— Вы умеете играть в шахматы?

— Возможно, не так хорошо, как ты, но я знаю, как играть.

— Ладно. — Он почесал руку. — Эй, а где, вы сказали, сейчас Зевс?

— На веранде у главного входа.

— Можно пойти с ним поиграть?

— Сначала придется накрыть на стол, — заявила ему Элизабет. — И у тебя останется лишь пара минут. Ужин почти готов.

— Ладно, — сказал он, поворачиваясь. — Спасибо! Когда мальчик сорвался с места, она, сложив руки рупором, крикнула:

— Не забудь про стол!

Бен притормозил и остановился. Он открыл ящик и выхватил три вилки, затем швырнул их на стол, как крупье в Вегасе, рядом с тарелками, которые туда раньше поставила Элизабет. Он потратил на «сервировку» не больше десяти секунд — это было ясно по виду стола — и исчез из виду. Когда мальчик испарился, Элизабет покачала головой:

— Пока здесь не появился Зевс, Бен был тихим, спокойным ребенком, когда возвращался из школы. Он читал и занимался, а теперь хочет только гонять твою собаку.

Тибо принял виноватый вид:

— Прошу прощения.

— Не стоит. Конечно, мне нравится... когда ребенок спокоен, как и любой матери, но здорово видеть его таким взволнованным.

— Почему ты не заведешь ему собаку?

— Заведу. Со временем. Когда пойму, как дела у Наны. — Она отхлебнула пива и кивнула на дом: — Пойдем проверим ужин. Думаю, духовка уже разогрелась.

Уже на кухне Элизабет вставила противень в духовку и еще немного потомила на огне мясо и сальсу, прежде чем разложить их по тарелкам. Когда она принесла все на стол со стопкой бумажных салфеток, Тибо выровнял серебряные приборы и тарелки и принес сыр, салат и помидоры. Когда Элизабет ставила пиво на стол, Тибо вновь поразился ее красоте.

— Хочешь позвать Бена или это сделать мне? Он заставил себя отвернуться.

— Я позову Бена, — сказал он.

Бен сидел на крыльце, поглаживая тяжело дышащего Зевса с головы до хвоста.

— Ты утомил его, — заметил Тибо.

— Я довольно быстро бежал, — согласился Бен.

— Готов идти есть? Ужин на столе. Бен встал, а Зевс поднял голову.

— Лежи здесь, — приказал Тибо.

Зевс прижал уши к голове, как будто его наказали. А потом он вновь опустил голову на лапы, когда Бен с Тибо скрылись в доме.

Элизабет уже сидела за столом. Как только Бен и Тибо заняли места, Бен тут же принялся набивать тако приправленной говядиной.

— Я хочу узнать больше о твоей прогулке через всю страну, — сказала Элизабет.

— Да, я тоже, — заявил Бен, накладывая ложкой сальсу.

Тибо потянулся за салфеткой и расправил ее на коленях.

— Что вы хотели бы узнать?

— Почему бы не поведать нам всю историю с самого начала? — предложила Элизабет.

Тибо подумал было рассказать правду: как все началось с фотографии в пустыне Кувейта. Но он не мог с ними этим поделиться прямо сейчас. Поэтому пустился в описание холодного мартовского утра, когда закинул рюкзак на плечи и отправился в путь по обочине дороги. Он поведал им о том, что видел. Чтобы доставить удовольствие Бену, тщательно описал всех животных и птиц, что видел в пути, и остановился на самых ярких людях, которых ему довелось повстречать. Элизабет, похоже, поняла, что он не привык так много говорить о себе, поэтому задавала ему наводящие вопросы, когда возникало ощущение, будто ему больше нечего сказать. Потом она еще немного поспрашивала его об университете и позабавилась, когда Бен узнал, что человек, сидящий с ним за столом, действительно выкапывал из земли самые настоящие скелеты. Бен тоже задал пару вопросов. «У вас есть братья или сестры?» — «Нет». — «Вы занимались спортом?» — «Да, но в этом я добился средних результатов, не блестящих». — «Какая ваша любимая футбольная команда?» — «„Денвер Бронкос“, разумеется». Пока Бен и Тибо болтали, Элизабет следила за их репликами с приятным удивлением и интересом.

По мере того, как приближалась ночь, косые солнечные лучи, пробивавшиеся через окно, меняли направление и тускнели. Когда закончили есть, извинившись, Бен вновь отправился к Зевсу на крыльцо. Тибо помог Элизабет убрать со стола, завернув оставшуюся еду и сложив тарелки и столовое серебро в посудомоечную машину. Нарушив свое собственное правило, Элизабет открыла вторую бутылку пива и предложила еще одну Тибо, прежде чем они вышли из жаркой кухни на улицу.

На крыльце воздух казался заметно прохладнее, а под дуновением легкого бриза листья на деревьях покачивались в танце. Бен с Зевсом опять играли, и смех Бена будто повис в воздухе. Элизабет облокотилась о перила, наблюдая за сыном, а Тибо безуспешно пытался не смотреть

на нее. Ни один из них не ощущал потребности говорить, и Тибо сделал большой глоток пива, недоумевая, к чему все это приведет.

Глава 12

БЕТ

Когда наступил поздний вечер, Бет стояла на задней веранде дома, наблюдая, как Логан сосредоточенно рассматривает шахматную доску. «Он мне нравится», — подумала она. И когда эта мысль пришла ей в голову, открытие представилось ей неожиданным и естественным одновременно.

Бен с Логаном играли уже вторую партию, и Логан не торопился делать следующий ход. Бен ловко обыграл его в первой партии, и она прочла на лице Логана изумление. Он хорошо это воспринял, даже поинтересовался у Бена, что он сделал не так. Они расставили все фигуры на доске, как раньше, и Бен показал Логану ряд ошибок, которые тот допустил, сходяв сначала ладьей и ферзем, а затем, в конце концов и королем.

— Что ж, я все учту, — сказал Логан. Он улыбнулся Бену. — Отличная игра.

Бет и представить не могла, как отреагировал бы Кит на проигрыш. На самом деле ей и не нужно было представлять. Они играли как-то раз пару лет назад, и когда Бен обошел Кита, тот буквально разломал доску, прежде чем метнулся прочь из комнаты. Через несколько минут, когда Бен еще собирал фигуры, рассыпавшиеся на полу, Кит вернулся. Вместо извинения он заявил, что шахматы — это потеря времени и что Бену лучше бы заняться чем-нибудь поважнее, например, подготовить уроки к школе или потренироваться ударять битой по бейсбольному мячу, ведь он «бьет как слепой».

Ей иногда действительно хотелось придушить этого человека.

С Логаном же все было иначе. Партия у него опять не заладилась. Бет поняла это не по расположению фигур на доске: в тонкостях, позволявших отличить хорошего игрока от отличного, она не разбиралась. Но всякий раз, когда Бен принимался разглядывать соперника, а не свои фигуры, она думала: конец близок. Пусть даже Логан пока этого не осознавал.

Что в этой ситуации нравилось ей больше всего, так это, что, несмотря на напряжение, которого требовала игра, Логан и Бен все же умудрялись... разговаривать. О школе, об учителях Бена и о том, каким Зевс был щенком. Так как создавалось впечатление, что Логана все действительно интересует, Бен открыл ему пару секретов, и это удивило ее. Он говорил о том, что один из его одноклассников отбирал у него обед пару раз и что ему нравится девочка по имени Сиси. Логан не стал давать мальчику совет, напротив, он спросил Бена, что он должен сделать, по своему мнению. Насколько она знала мужчин, большинство из них полагали, что когда делишься с ними проблемами или задачами, которые трудно решить, они должны высказать свое мнение, даже если ты хочешь, чтобы они тебя только послушали.

Вообще казалось, что благодаря природной сдержанности Логана Бен может выразить себя. Было очевидно, что Логан прекрасно себя чувствует тем, кем он есть. Он не пытался произвести впечатление на Бена или на нее, изображая, как хорошо общается с Беном.

Хотя Бет мало встречалась с мужчинами за прошедшие годы, она обнаружила, что большинство поклонников либо делали вид, что Бена не существует, и удостаивали его всего парой слов, либо слишком усердствовали в разговоре с ним, пытаясь доказать, какие они чудесные, раз так дружелюбны к ее сыну. С раннего возраста Бен научился тут же

распознавать представителей обоих типов. Как и она. И как правило, этого было достаточно, чтобы у нее пропало желание продолжать отношения. Когда, конечно, они сами не прерывали отношения с ней.

Бену, очевидно, нравилось проводить время с Логаном, более того, у нее появилось чувство, что Логану нравилось общаться с Беном. Вот и сейчас Логан продолжал напряженно смотреть на доску. На мгновение задержав палец на коне, он все же взялся за пешку, Бен чуть приподнял брови. Она не знала, кажется ли Бену ход, над которым размышляет Логан, хорошим или плохим, но Логан решил его сделать и подвинул пешку вперед.

Бен тут же отреагировал, а это, как она поняла, был плохой знак для Логана. Через пару минут Логан, похоже, осознал, что, какой бы ход он ни сделал, его королю уцелеть не удастся. Он покачал головой:

— Ты меня запер.

— Да, — признался Бен. — Запер.

— Я думал, что на этот раз играл лучше.

— Да, действительно, — сказал Бен.

— До тех пор пока...

— До тех пор пока не сделали второй ход. Логан рассмеялся:

— Это шахматный юмор?

— У нас много подобных шуток, — заметил Бен, явно гордясь собой. Он махнул рукой на двор:

— Уже достаточно темно?

— Да. Думаю, да. Ты готов поиграть с Зевсом? Зевс наострил уши. Когда Логан и Бен встали, Зевс тоже поднялся.

— Ты идешь, мам? Бет встала со стула.

— Я иду прямо за тобой, — кивнула Бет.

Они в темноте пробрались к парадному входу, и Бет остановилась у лестницы.

— Может, стоит захватить фонарик?

— Это нечестно! — пожаловался Бен.

— Не для собаки. Для тебя. Чтобы ты не потерялся.

— Он не потеряется, — заверил ее Логан. — Зевс найдет его.

— Легко говорить, когда это не твой сын.

— Все будет хорошо, — добавил Бен.

Она перевела взгляд с Бена на Логана и покачала головой. Она немного волновалась из-за этой затеи, но Логана, казалось, ничего не беспокоило.

— Ладно, — произнесла она со вздохом. — Тогда я возьму его для себя. Это вас устроит?

— Хорошо, — согласился Бен. — Что мне делать?

— Прячься, — сказал Тибо. — А я пошлю Зевса тебя искать.

— Где угодно?

— Почему бы тебе не спрятаться там? — предложил Логан, указав на лесистый участок к западу от речки, на противоположной стороне подъездной аллеи, ведущей к питомнику. — Я бы не хотел, чтобы ты случайно упал в речку. Кроме того, если пойдешь в этом направлении, запах дольше останется свежим. Помни: вы уже играли примерно также перед ужином. Когда Зевс найдет тебя, просто иди за ним, ладно? Тогда ты не потеряешься.

Бен вглядывался в лес.

— Хорошо. Как я узнаю, что он не видел, куда я направился?

— Я заведу его в дом и досчитаю до ста, прежде чем отпущу.

— И ты не разрешишь ему подглядывать?

— Обещаю. — Логан сосредоточился на Зевсе. — Пойдем, — сказал он. Он подошел к двери и открыл ее, а потом остановился. — Можно его впустить?

Бет кивнула:

— Да, все в порядке.

Логан жестом указал Зевсу, чтобы тот прошел внутрь и лег, затем закрыл дверь.

— Хорошо, будем считать, что ты готов.

Бен побежал в лес, а Логан начал считать вслух. На полпути Бен крикнул, обернувшись:

— Считайте медленнее!

Его силуэт постепенно слился с темнотой, и, даже не добежав до леса, он исчез из виду. Бет скрестила руки на груди.

— Должна сказать, мне все это не очень нравится.

— Почему нет?

— Мой сын прячется ночью в лесу, а ты еще спрашиваешь!

— Все будет в порядке. Зевс найдет его через две или три минуты, не больше.

— Ты веришь в свою собаку так, что это просто поражает.

Логан улыбнулся, и они немного постояли на веранде, наслаждаясь вечером. Воздух, теплый и влажный, но уже не раскаленный, пах землей, отдавая одновременно дубом, сосной и почвой. Этот запах никогда не переставал напоминать Бет, что, пусть мир постоянно меняется, это место всегда остается таким же.

Она осознавала, что Логан наблюдает за ней весь вечер, хоть и пытается не глядеть в открытую. И она знала, что сама ведет себя также по отношению к нему. Она понимала, что ей нравится ощущение, которое посещает ее при взглядах Логана. Ей импонировало то, что Логан находил ее привлекательной, и в то же время нравилось, что в его внимании не было навязчивости или неприкрытого желания, которое часто сквозило во взглядах мужчин, смотревших на нее. Ему же, казалось, было достаточно просто стоять рядом с ней, и по какой-то причине именно этого хотелось и ей.

— Я рада, что ты остался на ужин, — начала она, не зная, что еще сказать. — Бен отлично проводит время.

— Я тоже рад.

— Ты так хорошо к нему отнесся. Я имею в виду: поиграл в шахматы.

— Это несложно.

— Кто бы мог подумать, правда? Он поколебался.

— Мы опять вернулись к теме твоего бывшего?

— Мои мысли настолько очевидны? — Она облокотилась о столбик у лестницы. — Хотя ты прав. Я говорю о своем бывшем. Об этом тупице.

Он облокотился о столбик напротив, повернувшись к ней лицом.

— И?

— И я просто хотела бы, чтобы все было иначе. Он колебался, и она поняла, что он раздумывает, стоит или нет говорить что-то еще. В конце концов он промолчал.

— Тебе он не понравился бы, — начала она. — На самом деле я думаю, что и ты ему не понравился бы.

— Нет?

— Нет. И считай, что тебе повезло. Ничего интересного ты не пропустишь.

Он пристально на нее смотрел, не произнося ни слова. Вспоминая о том, как она обрывала его раньше, решила она. Она откинула пару прядей волос, которые упали ей на глаза, недоумевая, стоит ли продолжать.

— Хочешь об этом услышать?

— Только если ты хочешь мне рассказать, — ответил он.

Она почувствовала, как ее мысли перетекают из настоящего в прошлое, и вздохнула:

— Это история стара как мир... Я была скучной ученицей выпускного класса, а он — парнем на пару лет старше меня. Мы ходили в одну церковь, сколько я себя помню, так что я точно знала, кто он такой. Мы начали встречаться за пару месяцев до того, как я должна была окончить школу. У него очень обеспеченная семья, и он всегда встречался с самыми популярными девушками. Наверное, я просто не могла поверить в то, что он обратил на меня внимание. Я закрывала глаза на его явные недостатки, придумывала оправдания для других, и потом,

знаешь, я вдруг узнала, что беременна. Ни с того ни с сего моя жизнь просто... изменилась, понимаешь? Я уже не могла поступать в университет осенью и даже не представляла, каково это — быть матерью, и уж тем более матерью-одиночкой. Меньше всего я ожидала, что он сделает мне предложение. Но по какой бы то ни было причине он его сделал, и я согласилась. Мне очень хотелось верить, что у нас все получится, и я убеждала Нану: «Я знаю, что делаю». Но мне кажется, мы оба поняли, что совершили ошибку, прежде чем на свидетельстве о браке успели высохнуть чернила. У нас не было практически ничего общего. В итоге мы постоянно спорили и разошлись, как только родился Бен. А потом я просто растерялась.

Логан сложил ладони вместе.

— Но это не помешало тебе.

— Не помешало в чем?

— В том, чтобы в конце концов поступить в университет и стать преподавателем. И научиться быть матерью-одиночкой. Он широко улыбнулся: — И как-то справиться со всем, несмотря на трудности.

Она благодарно ему улыбнулась:

— С помощью Наны.

— Как бы там ни было. — Он положил ногу на ногу и изучающе посмотрел на нее, прежде чем хитро ухмыльнуться. — Скучная, значит?

— В старших классах? О да, я определенно была скучной.

— Верится с трудом.

— Верь во что хочешь.

— Так как же ты выкрутилась с университетом?

— Ты хочешь сказать — с Беном на руках? Это было нелегко. Но кое-какие предметы мне зачли при поступлении после их углубленного изучения в школе, и это стало хорошим началом. Потом я посещала занятия в местном колледже, когда Бен еще носил подгузники. Я ходила на занятия только два или три раза в неделю, пока Нана сидела с Беном, а потом я приходила домой и училась, когда не выполняла роль мамы. Так же было и когда я перевелась в Университет Северной Каролины в Уилмингтоне, который находился достаточно близко, чтобы туда добираться и возвращаться ночью. Мне потребовалось шесть лет, чтобы получить степень и диплом, но я не хотела перегружать Нану и давать шанс своему бывшему получить полную опеку. А тогда он мог попытаться ее получить, просто потому что имел такую возможность.

— Просто волшебник, судя по твоему рассказу. Она скорчила гримасу:

— Даже не представляешь насколько.

— Хочешь, чтобы я его побил? Она рассмеялась:

— Забавно. Были времена, когда я с радостью согласилась бы на это, но теперь — нет. Он просто... еще не повзрослел. Он считает, что каждая женщина, с которой он знакомится, сходит по нему с ума, раздражается по мелочам и винит других, когда что-то идет не так. В

тридцать один он ведет себя как в шестнадцать, если ты меня понимаешь. — Сбоку она ощущала на себе взгляд Логана. — Но довольно о нем. Расскажи что-нибудь о себе.

— Что, например?

— Что угодно. Не знаю. Почему ты решил специализироваться на антропологии.

Он задумался над ее вопросом.

— Наверное, ради собственного развития.

— Что это значит?

— Я понимал, что не хочу специализироваться на практических предметах вроде бизнес-управления или инженерного дела, и к концу первого курса начал склоняться к гуманитарным наукам. Самый интересный курс для специализации был предложен кафедрой антропологии. Я хотел стать интересным человеком.

— Ты шутишь.

— Нисколько. Вот почему я посетил вводное занятие. А после этого я понял, что антропология — невероятная смесь исторических фактов, гипотез и тайн, а это все притягивало меня.

— Как насчет студенческих вечеринок?

— Это не мое.

— А футбольные матчи?

— Тоже нет.

— Ты когда-нибудь думал о том, что веселая студенческая жизнь прошла мимо тебя?

— Нет.

— Я тоже, — согласилась она. — С тех пор как появился Бен, во всяком случае.

Он кивнул и указал рукой на лес:

— Мм... думаешь, пора отправить Зевса на поиски Бена?

— О Боже! — вскрикнула она, в ее голосе зазвучала паника. — Да. Он ведь может его найти? Сколько времени уже прошло?

— Немного. Минут пять, наверное. Дай-ка я схожу за Зевсом. И не волнуйся. Он сделает все быстро.

Логан подошел к двери и открыл ее. Зевс шагнул на крыльцо, помахивая хвостом, и неспешно спустился по лестнице. Он тут же поднял ногу сбоку от крыльца, а потом потрусил к Логану.

— Где Бен? — спросил Логан.

Зевс наострил уши. Логан указал направление, в котором убежал Бен:

— Найди Бена.

Зевс повернулся и помчался огромными скачками, обнюхивая землю. За считанные секунды он напал на след и растаял в темноте.

— Стоит пойти за ним? — спросила Бет.

— А ты хочешь?

— Да.

— Тогда пойдём.

Они едва дошли до первых деревьев, как услышали игривый лай Зевса. Сразу после этого раздался восторженный визг Бена. Когда Бет повернулась к Логану, он молча пожал плечами.

— А ты не соврал, да? — спросила она. — Сколько времени прошло? Две минуты?

— Для Зевса это было несложно. Я знал, что Бен все равно далеко не уйдет.

— А сколько длились самые долгие поиски, когда он шел по следу?

— Он шел за оленем, не знаю, миль восемь или около того. В любом случае не меньше. Он бы и дальше пошел, только уперся в чей-то забор. Это было в Теннесси.

— Зачем вы искали оленя?

— Чтобы потренироваться. Зевс — умный пес. Он любит учиться и любит применять свои навыки. — В это мгновение пес спокойно вышел из-за деревьев, Бен отставал от него на шаг. — Вот почему для него это так же весело, как и для Бена.

— Это потрясающе! — крикнул Бен. — Он подбежал прямо ко мне. Я не издал ни звука!

— Хочешь поиграть снова? — спросил Логан.

— А можно? — умоляюще спросил Бен.

— Если мама разрешит.

Бен повернулся к матери, и она подняла руки:

— Вперед.

— Ладно, заприте его в доме снова. А я на этот раз спрячусь по-настоящему, — объявил Бен.

— Договорились, — сказал Логан.

Во второй раз Зевс нашел Бена на дереве. В третий раз, когда Бен запутал следы, чтобы сбить Зевса с толку, пес обнаружил его в четверти мили от их жилища, в домике на дереве у реки. Бет не порадовалась его последнему выбору: шаткий мостик и платформа всегда казались ей опасными.

Логан проводил их до дома. Попрощавшись с усталым Беном, он повернулся к Бет и откашлялся.

— Я хотел поблагодарить тебя за прекрасный вечер, но, наверное, мне пора домой, — сказал

он.

Несмотря на то, что время приближалось к десяти часам, в глубине души Бет не хотелось пока его отпускать.

— Хочешь, я тебя подвезу? — предложила она. — Бен уснет через пару минут, и я с удовольствием доставлю тебя домой.

— Большое спасибо за предложение, но мы и так справимся. Я люблю ходить.

— Знаю. Мне не так уж много о тебе известно, но это я знаю наверняка. — Она улыбнулась. — Увидимся завтра, верно?

— Я буду здесь в семь.

— Я могу сама покормить собак, если ты хочешь прийти попозже.

— Это для меня не проблема. Кроме того, мне бы хотелось увидеться с Беном до того, как он уйдет. Да и Зевсу тоже, я уверен. Бедняга, наверное, и не придумает, чем заняться в отсутствие Бена, который бы его погонял.

— Ну, тогда ладно... — Она скрестила руки на груди, внезапно испытав разочарование, оттого что Логан уходит.

— Можно мне завтра взять грузовик? Нужно съездить в город купить кое-что для починки тормозов. Если нет, я могу сходить пешком.

Она улыбнулась:

— Не сомневаюсь. Но я здесь не вижу проблемы. Мне нужно подвезти Бена и выполнить кое-какие дела, но если мы не увидимся, я просто положу ключи под коврик со стороны водителя.

— Отлично, — сказал он и посмотрел ей прямо в глаза. — Спокойной ночи, Элизабет.

— Спокойной ночи, Логан.

Когда он ушел, Бет заглянула к Бену и еще раз поцеловала его в щеку, прежде чем отправиться к себе в спальню. Она перебрала в памяти все события вечера, раздеваясь и размышляя о загадке Логана Тибо.

Он отличался от всех мужчин, которых она когда-либо встречала, думала она. А потом тут же побранила себя за столь поспешный вывод. Конечно, он другой, говорила она себе. Он же для нее новый знакомый. Она никогда не проводила с ним столько времени. И все же она считала себя достаточно зрелой для того, чтобы разбираться в мужчинах.

Логан был другим. Видит Бог, Кит ни в чем не походил на него. Как и, по сути, все, с кем она встречалась после развода. Большинство этих мужчин можно было читать как раскрытую книгу. Как бы вежливы и очаровательны или грубы и невоспитанны они ни были, все их действия следовало расценивать, как недвусмысленные попытки затащить ее в постель. «Дерьмовые кавалеры», — говорила Нана. А Нана, как ей было известно, не ошибалась.

Но с Логаном... что ж, в том-то и было дело. Она не понимала, чего он хочет. Она знала, что он находит ее привлекательной и, казалось, получает удовольствие от общения с ней. Но, помимо этого, она и понятия не имела, каковы могут быть его намерения, ведь он, похоже, и

компанией Бена наслаждался не меньше. В каком-то смысле, подумала она, относится к ней как некоторые ее знакомые женатые мужчины: «Ты красива и интересна, но я уже занят».

Тут ей пришло в голову, что, возможно, он действительно занят. Быть может, у него осталась девушка в Колорадо, или, быть может, он только что расстался с любовью всей своей жизни и до сих пор не может это пережить. Размышляя об этом, она пришла к выводу, что хотя он и описал все, что видел и делал во время путешествия по стране, она все равно не поняла, почему он вообще отправился в путь и почему решил остаться в Хэмптоне. В его истории было не столько тайны, сколько недосказанности, что казалось странным. Если она что-то узнала о мужчинах, так это то, что они любят говорить о себе: о своей работе, своих хобби, бывших достижениях и мотивах поведения. Логан же ничего подобного не делал. Это озадачивало.

Она покачала головой, подумав, что слишком много размышляет на эту тему. В конце концов, у них ведь было не свидание. А скорее, дружеская встреча за тако, шахматами и разговорами. Семейное событие.

Бет надела пижаму и взяла журнал с прикроватного столика. Она с отсутствующим видом полистала страницы, прежде чем выключить свет. Закрыв глаза, она представляла, как поднимаются уголки его губ, когда какие-то ее слова кажутся ему смешными, или как он сводит брови, сосредотачиваясь. Она еще долго крутилась и ворочалась и не могла уснуть, недоумевая, возможно ли, что Логан тоже не спит и думает о ней.

Глава 13

ТИБО

Тибо наблюдал, как Виктор забросил удочку в прохладную воду озера в Миннесоте. Стояло безоблачное субботнее утро. Воздух был неподвижен, а в озере отражалось чистейшее небо. Они рано отправились на озеро, желая порыбачить, прежде чем здесь появятся полчища водных мотоциклов и скоростных катеров. Наступил последний день отдыха; завтра оба собирались вылететь домой. В этот заключительный вечер они планировали сходить в местный стейк-хаус, который, по слухам, был лучшим в городе.

— Я думаю, тебе удастся найти эту женщину, — заявил Виктор ни с того ни с сего.

Тибо наматывал леску.

— Какую?

— Женщину на фотографии, которая приносит тебе удачу.

Тибо скосил глаза на друга:

— О чем ты говоришь?

— Когда ты начнешь ее искать. Думаю, ты сможешь ее найти.

Тибо внимательно осмотрел крючок и снова забросил удочку.

— Я не буду ее искать.

— Это ты сейчас так говоришь. А на самом деле будешь.

Тибо покачал головой:

— Нет, не буду. А даже если и хотел бы, то не представляю, как это сделать.

— Ты найдешь способ. — Виктор выглядел самодовольно, когда утверждал это с такой уверенностью.

Тибо уставился на него:

— Почему мы вообще это обсуждаем?

— Потому что, — произнес Виктор, — дело еще не завершено.

— Поверь мне, завершено.

— Я знаю, ты так думаешь. Но это неправда. Тибо давно усвоил, что если уж Виктор поднимает какую-то тему, то будет муссировать ее, пока не убедится, что донес смысл сказанного до слушателя. Поскольку Тибо не хотел проводить их последний день таким образом, он решил, что вполне может разрешить этот вопрос раз и навсегда.

— Ладно, — сказал он, вздохнув. — Почему дело не завершено?

Виктор пожал плечами:

— Потому что баланс не восстановился.

— Баланс не восстановился, — уныло повторил Тибо.

— Да, — подтвердил Виктор. — Именно. Понимаешь?

— Нет.

Виктор застонал от такой тупости.

— Скажем, кто-то приходит починить крышу твоего дома. Человек усердно работает и в конце концов получает деньги. Только тогда все окончено. Но в этом случае, с фотографией, ощущение такое, будто бы крышу починили, а хозяин не заплатил. Пока плата не будет получена, не восстановится и баланс.

— Ты хочешь сказать, что я должен этой женщине? — скептически произнес Тибо.

— Да. Фотография сохранила тебя целым и невредимым и принесла тебе удачу. Но пока ты с этой женщиной не рассчитаешься, дело не закончено.

Тибо потянулся к переносному холодильнику за содовой. Он подал одну банку Виктору.

— Ты хоть осознаешь, что говоришь как умалишенный?

Виктор принял банку, кивнув:

— Для некоторых — возможно. Но, в конце концов ты отправишься на ее поиски. Во всем этом есть высшая цель. Это твоя судьба.

— Моя судьба?

— Да.

— Что это значит?

— Не знаю, но ты поймешь, когда доберешься до нее.

Тибо молчал, жалея о том, что Виктор вообще завел этот разговор. В тишине Виктор внимательно разглядывал друга.

— Может быть, — продолжал он, — вам суждено быть вместе.

— Я не влюблен в нее, Виктор.

— Нет?

— Нет, — подтвердил он.

— И все же, — заметил Виктор, — ты часто о ней думаешь.

На это Тибо ничего не ответил, потому что ему было нечего сказать.

В субботнее утро Тибо приехал рано и отправился напрямик в питомник, чтобы, как всегда, почистить клетки, покормить и подрессировать собак. Пока он работал, Бен играл с Зевсом, а потом Элизабет позвала его в дом готовиться к отъезду. Она помахала Тибо с веранды, но даже на расстоянии он заметил, что она выглядит растерянной.

Бет уже вернулась в дом к тому времени, когда он вывел собак: он обычно выгуливал их группами по три, а Зевс бежал следом. Удалившись от дома, Тибо спускал собак с поводка, но они все равно норовили держаться рядом, какой бы путь он ни выбрал. Он любил менять маршрут, это не позволяло собакам уходить от него далеко. Как и люди, собаки начинали скучать, если ежедневно приходилось делать одно и то же. Обычно на выгул каждой группы уходило около тридцати минут. Закончив с третьей группой, он заметил, что машина Элизабет исчезла, и предположил, что она повезла Бена к отцу.

Ему не нравился отец Бена главным образом потому, что Бену и Элизабет он не нравился. Похоже, парень был тот еще фрукт, но Тибо не мог ничего с этим поделать, кроме как слушать, когда Элизабет говорит о нем. Он многого не знал, чтобы лезть с советами, а если бы и знал, она их не просила. В любом случае это было не его дело.

А что тогда было его делом? Почему он здесь? Несмотря на сомнения, его мысли вновь и вновь возвращались к той беседе с Виктором, и он знал, что он здесь из-за того, что сказал Виктор тем утром на озере. И конечно, из-за того, что случилось позже.

Он прогнал эти воспоминания. Он не будет думать об этом. Больше не будет.

Позвав собак, Тибо повернулся и направился к питомнику. Заперев собак, он отправился осмотреть сарай. Он включил свет и в изумлении уставился на стены и полки. У деда Элизабет было не просто несколько инструментов, это место напоминало забитый доверху оборудованием магазин. Он шагнул внутрь, осматривая стеллажи и ящики для инструментов, закрытые на замочки, и груды вещей на верстаке. В конце концов он выбрал набор торцовых гаечных ключей, пару разводных и универсальных ключей и домкрат и отнес все это в грузовик. Как и обещала, Элизабет положила ключи под коврик. Тибо выехал на подъездную аллею, направляясь в магазин автозапчастей, который, как он смутно припоминал, видел где-то недалеко от центра города.

Все нужное оказалось в наличии: новые колодки, С-образная струбцина и высокотемпературная смазка. И Тибо вернулся к дому меньше чем через полчаса. Он установил домкрат под машину и поднял ее, затем снял первое колесо. Струбциной вдавил поршень, удалил старую колодку, проверил диск на предмет износа и установил новую колодку, а потом заново привинтил первое колесо и повторил то же самое со вторым.

Он заканчивал с третьей тормозной колодкой, когда услышал, что к дому приближается машина Элизабет, она остановилась рядом с грузовиком. Он бросил взгляд через плечо, когда она вышла из автомобиля, и вдруг понял, что ее не было много часов.

— Как продвигается работа? — поинтересовалась она.

— Почти все готово.

— Правда? — Ее голос прозвучал удивленно.

— Это всего лишь тормозные колодки. Ничего сложного.

— Уверена, то же самое сказал бы хирург. Это всего лишь аппендикс.

— Хочешь научиться? — спросил Тибо, поднимая глаза на ее силуэт, четко вычерченный на фоне неба.

— А сколько времени это займет?

— Немного. — Он пожал плечами. — Минут десять.

— Правда? — повторила она. — Ладно. Только позволь я сначала отнесу домой продукты.

— Помощь нужна?

— Нет, там всего пара пакетов.

Он накрутил третье колесо и закончил затягивать зажимные гайки, прежде чем перейти к последнему колесу. Он как раз развинтил гайки, когда сбоку подошла Элизабет. Когда она присела на корточки рядом с ним, он уловил легкий аромат кокосового лосьона, который она нанесла на тело сегодня утром.

— Сначала снимаешь колесо... — начал он и методично провел ее через весь процесс, удостоверившись, что она усвоила каждый шаг. Когда он опустил домкрат и начал собирать инструменты, она покачала головой:

— Кажется, даже слишком легко. Думаю, и я справилась бы.

— Вполне вероятно.

— Тогда почему мастера столько берут за эту работу?

— Не знаю.

— У меня такое не очень хорошо получается, — сказала она, поднявшись и собрав волосы в нетугой хвост. — Но спасибо, что помог. Я уже давно хотела их заменить.

— Нет проблем.

— Ты хочешь есть? Я купила свежей индейки для бутербродов. И чуть-чуть маринованных огурцов.

— Звучит соблазнительно.

Они пообедали на задней веранде с видом на сад. Элизабет до сих пор имела растерянный вид, но они немного поболтали о том, каково взрослеть в маленьком южном городке, где все знают все о каждом из соседей. Некоторые истории были забавными, но Тибо честно признался, что предпочитал жизнь более уединенную.

— И почему я не удивлена? — спросила она. Потом Тибо вернулся к работе, а Элизабет провела день за уборкой дома. В отличие от ее деда Тибо сумел открыть закрашенное окно в кабинете, хотя это оказалось сложнее, чем ремонт тормозов. Но даже после этого оно не стало легче открываться или закрываться, как усердно Тибо его ни полировал. Потом он покрасил раму.

Далее день продолжался как обычно. К тому времени, как Тибо закончил свои обычные дела в питомнике, время подошло к пяти. И хотя мог запросто отправиться домой, он опять принялся работать с бумагами, желая создать задел на завтра. Он остался еще на пару часов, добившись, по его мнению, некоторого прогресса (хотя кто знает?), и не слышал, как приблизилась Элизабет. Зато заметил, что Зевс вскочил и бросился к двери.

— Я удивилась, что ты все еще здесь, — произнесла она, стоя на пороге. — Увидела свет и подумала, что ты забыл его выключить.

— Я бы не забыл.

Она указала на кипы бумаг на столе:

— Не могу передать, как я рада, что ты этим занялся. Нана пыталась уговорить меня рассортировать документы летом, но мне хитрым образом удавалось это откладывать несколько раз.

— Повезло же мне, — протянул он.

— Нет, повезло мне. Я уже почти чувствую себя виноватой.

— Я почти тебе верю, только смущает эта твоя ухмылочка. Есть новости от Бена или Наны?

— От обоих, — ответила Бет. — Нана всем довольна, а Бен огорчен. Хотя он не особенно распространялся на эту тему. Но все было ясно по его голосу.

— Жаль, что так вышло, — сказал он совершенно серьезно.

Она напряженно пожала плечами, а потом потянулась к дверной ручке, как будто ее интересовал механизм. В конце концов она вздохнула.

— Хочешь помочь мне приготовить мороженое?

— Что, прости? — Он отложил счета, которые раскладывал.

— Я люблю домашнее мороженое. Нет ничего лучше, когда жарко, но совсем не весело его готовить, когда не с кем поделиться.

— Не знаю, доводилось ли мне когда-нибудь пробовать домашнее мороженое...

— Тогда ты даже не представляешь, как много ты упустил. Ну что, согласен?

Ее энтузиазм оказался заразительным.

— Ну ладно, — сдался он, — Думаю, это будет весело.

— Дай я только сбегаю в магазин и куплю все, что нужно. Я вернусь через пару минут.

— Разве не проще просто купить мороженого?

Ее глаза загорелись от восторга.

— Но это не то же самое! Вот увидишь. Я вернусь через пару минут, хорошо?

Все произошло в точности как она обещала. Тибо как раз успел привести в порядок рабочий стол и проверить собак в последний раз, а потом услышал, как по подъездной аллее она едет из магазина. Он встретил ее, когда она выходила из машины.

— Не сможешь принести пакет колотого льда? — спросила Бет. — Он на заднем сиденье.

Он последовал за ней на кухню с пакетом льда, а она шагнула к морозилке, поставив кварту молока, перемешанного со сливками, на столешницу.

— Можешь достать мороженицу? Она в кладовке. На верхней полке слева.

Тибо появился из кладовки с мороженицей с механической рукояткой, которой было не меньше пятидесяти лет.

— Это она?

— Да.

— Она все еще работает? — изумился он.

— Как часы. Удивительно, правда? Нана получила ее в подарок на свадьбу, и мы до сих пор пользуемся ею время от времени. Получается очень вкусное мороженое.

Он поднес мороженицу к столешнице и встал рядом.

— Чем еще я могу помочь?

— Если ты согласишься крутить ручку, то я займусь перемешиванием ингредиентов.

— Справедливо, — заметил он.

Бет выудила из шкафа электрический миксер с миской вместе с мерным стаканчиком. С полки со специями она взяла сахар, муку и экстракт ванили. Она добавила три стакана сахара и стакан муки в миску и перемешала все вручную, а потом включила миксер. Затем она вбила в массу три яйца, вылила всю смесь сливок с молоком и положила три чайных ложки экстракта ванили и снова включила миксер. Наконец она плеснула туда еще немного молока и вылила все в емкость для крема, поставила ее в мороженицу и окружила колотым льдом и каменной солью.

— Готово, — объявила она, подавая ему все это. Она собрала оставшийся лед и каменную соль. — А теперь мы отправляемся на крыльцо. Тебе придется отнести это туда, иначе у нас не получится особенное мороженое, будет как в магазине.

— Ах! — произнес он.

Она села подле него на крыльце, на этот раз чуть ближе, чем вчера. Поставив мороженицу между ног, Тибо принялся вращать рукоятку, удивляясь, как легко она поворачивается.

— Спасибо, что согласился помочь, — сказала она. — Мне правда нужно мороженое. Сегодня выдался один из тех самых дней.

— Да?

Она повернулась к нему, на ее губах играла легкая улыбка.

— Тебе это очень хорошо удается.

— Что?

— Говорить «Да?», когда кто-то рассказывает о чем-то. Этого достаточно, чтобы человек продолжал говорить и у него не создавалось впечатление, как будто ты лезешь в его личную жизнь и проявляешь назойливость.

— Да?

У нее вырвался смешок.

— «Да?» — изобразила она. — Но большинство людей сказали бы что-то вроде: «Что произошло?» Или: «Почему?»

— Ладно. Так что произошло? Почему у тебя выдался «один из тех самых дней»?

Она презрительно фыркнула:

— Просто Бен ужасно ворчал, когда собирался сегодня утром. В итоге я прикрикнула, чтобы он поторапливался, ведь он так долго копался. Его отец обычно не любит, когда он опаздывает, но сегодня... сегодня создалось такое впечатление, как будто он забыл, что приезжает Бен. Должно быть, я несколько минут стучала в дверь, прежде чем он наконец открыл ее. И по его виду сразу было ясно, что он только что встал. Если бы я знала, что он спит, я бы не стала так давить на Бена. В общем, я до сих пор чувствую себя виноватой. И конечно, не успела я отъехать, как увидела, что Бен уже выносит мусор, потому что его дорогой и любимый папочка слишком обленился для такой работы. А потом, разумеется, я провожу весь день за уборкой, которая не кажется таким уж плохим времяпрепровождением первые пару часов. Но к концу дня мне просто необходимо мороженое.

— Не похоже на спокойный субботний денек.

— А он таким и не был, — пробормотала Бет, и Тибо понял, что она колеблется, стоит ли говорить дальше. Было что-то еще, что ее беспокоило, и она сделала глубокий вдох, а потом выпустила воздух. — Сегодня день рождения моего брата, — сказала она, ее голос немного задрожал. — Я отвозила цветы на кладбище. Вот куда я поехала сегодня, после того как доставила Бена к отцу.

Тибо ощутил, как к горлу подступил комок, когда он вспомнил фотографию на подоконнике. Хотя он подозревал, что ее брат погиб, впервые Элизабет подтвердила это. Он тут же понял, почему сегодня вечером ей не хотелось оставаться одной.

— Мне жаль, — искренне произнес он.

— И мне, — сказала она. — Тебе он понравился бы. Он всем нравился.

— Не сомневаюсь.

Она переплела пальцы, положив руки на колени.

— У Наны это вылетело из головы. Конечно, днем она вспомнила обо всем и позвонила, чтобы сказать, как жалеет, что не может приехать. Она практически рыдала, но я сказала, что все в порядке.

— Я понимаю: он был твоим братом, и тебе его не хватает.

Задумчивая улыбка промелькнула на ее лице, а потом исчезла.

— Ты мне его напоминаешь, — призналась она тихо. — Не столько внешне, сколько по поведению. Я заметила это, когда ты впервые вошел в кабинет устраиваться на работу. Как будто вы оба из одного теста. Наверное, это такая особенность морских пехотинцев, да?

— Возможно, — ответил он.

— Тебе это нравилось? Служить в пехоте?

— Иногда.

— Но не все время?

— Нет.

— Дрейк обожал службу. На самом деле ему в ней нравилось все. — Хотя казалось, будто она поглощена вращением рукоятки, Тибо видел, что она с головой ушла в воспоминания. — Я помню, когда началось вторжение. Когда до Кемп-Лиджен менее часа езды, новости распространяются быстро. Я испугалась за него, особенно когда услышала разговоры о применении химического оружия и смертниках, но знаешь, о чем он беспокоился? До вторжения, я имею в виду?

— О чем?

— О фотографии. О дурацкой старой фотографии. Ты можешь в это поверить?

При этих словах, которые Тибо не ожидал услышать, его сердце чуть не выпрыгнуло из груди, но он заставил себя изобразить спокойствие.

— Он снял меня на фотоаппарат, когда мы впервые приехали на ярмарку в том году, — продолжила она. — Это был последний выходной, который мы провели вместе, прежде чем он отправился на службу. После того как обошли всю ярмарку, мы удалились в сторонку, чтобы побыть наедине. Я помню, как сидела рядом с ним около гигантской сосны. Мы долго разговаривали и смотрели на колесо обозрения. Оно было большое и все в огнях, мы слышали, как охали и ахали дети, когда оно крутилось и крутилось на фоне прекрасного летнего неба.

Мы говорили о маме с папой и размышляли, какими они были бы сейчас, появились бы у них седые волосы или остались бы они в Хэмптоне или переехали бы. И я помню, как смотрела на небо. Вдруг я увидела падающую звезду и подумала о том, что они каким-то образом нас услышали. — Она замолчала, углубившись в мысли, а потом опять продолжила: — Он заламинировал фотографию и носил ее с собой, когда проходил курс основной подготовки. По приезде в Ирак он отправил мне e-мэйл и сообщил, что потерял ее. Он спрашивал, могу ли я прислать еще одну. Мне это казалось глупым, но меня там не было, и я не знала, что ему приходится переживать, так что согласилась. Но я не успела отправить ее сразу же. И не спрашивай почему. Как будто у меня в голове включился какой-то тормоз. То есть я положила пленку в сумочку и каждый раз, когда проходила мимо магазина, просто забывала ее распечатать. Не успела я оглянуться, как началось вторжение. У меня наконец дошли руки отправить снимок, но письмо вернулось нераспечатанным. Дрейк погиб в первую же неделю боевых действий.

Она вперила в него взгляд, положив подбородок на колени.

— Пять дней. Ровно столько он протянул. А я так и не отправила ему единственное, что он у меня просил. Знаешь, как я себя из-за этого чувствую?

Тибо ощутил легкую тошноту.

— Не представляю, что и сказать.

— Тут нечего говорить, — сказала она. — Это одно из ужасных, невыносимо грустных событий. И теперь... сегодня я не могу перестать думать о том, что брат просто тихо исчезает из нашей жизни. Нана забыла, Бен забыл. По крайней мере, что касается Бена, я еще могу это понять. Ему не было и пяти, когда Дрейк погиб, а ты знаешь, какова память у детей. Остается совсем немного воспоминаний. Но Дрейк так хорошо к нему относился, потому что ему действительно нравилось проводить с ним время. — Она пожала плечами. — Примерно как тебе.

Тибо пожалел, что она это сказала. Он не принадлежал к их семье...

— Я не хотела брать тебя на работу, — продолжала она, не замечая волнения Тибо. — Ты знал об этом?

— Да.

— Но не потому, что ты пришел пешком из Колорадо. Отчасти и поэтому тоже, но главная причина крылась в том, что ты служил в морской пехоте.

Он кивнул, и в тишине Бет потянулась к мороженице.

— Вероятно, стоит добавить льда, — заметила она. Она открыла крышку, добавила льда и вновь подвинула аппарат к нему. — Почему ты здесь? — наконец спросила она.

Хотя он знал, что она имеет в виду, он притворился, будто не понял.

— Потому что ты попросила меня остаться.

— Я имею в виду: почему ты здесь, в Хэмптоне? И на этот раз я хочу услышать правду.

Он судорожно принялся искать правдоподобное объяснение.

— Мне показалось, что это милое местечко, и пока мое мнение на этот счет не изменилось.

По выражению ее лица он понял, что она знает: за его словами скрывается что-то еще. Она подождала немного. Когда он ничего не добавил, она нахмурилась:

— Это как-то связано со службой в Ираке, правда?

Молчание его выдало.

— И долго ты там был? — поинтересовалась она. Он поерзал на месте, не желая об этом разговаривать, но понимая, что выбора нет.

— В который раз?

— А сколько раз ты там был?

— Три.

— Ты участвовал во многих сражениях?

— Да.

— Но ты выжил.

— Да.

Он поджала губы и вдруг приняла такой вид, словно вот-вот разразится слезами.

— Почему ты, а не мой брат?

Он повернул рукоятку четыре раза, прежде чем ответил, как он знал, откровенной ложью:

— Не знаю.

Когда Элизабет поднялась, чтобы принести тарелки и ложки для мороженого, у Тибо возникло желание позвать Зевса и просто уйти, прямо сейчас, пока он не успел передумать, и вернуться в Колорадо.

Он не мог перестать думать о фотографии у себя в кармане, фотографии, которую потерял Дрейк. Тибо нашел ее, Дрейк умер, и вот теперь он здесь, в доме, где вырос Дрейк, проводит время с сестрой, которую оставил Дрейк.

На первый взгляд все казалось невероятным, но, пытаясь избавиться от внезапной сухости во рту, он сосредоточился на том, что знал наверняка. Фотография была всего лишь изображением Элизабет, которое запечатлел на пленку ее брат. Таких вещей, как талисманы, не существует. Тибо выжил в Ираке, как и подавляющее большинство морских пехотинцев, которых туда отправили. Как и многие в его взводе, включая Виктора. Но некоторые морские пехотинцы погибли, в том числе Дрейк, и, как ни трагично, это все же не имело отношения к фотографии. Виновата война. Что касается его, он был здесь, потому что принял решение найти женщину на фотографии. Это не было связано с судьбой или колдовством.

Но он отправился на поиски из-за Виктора...

Он напомнил себе, что не верил ни в одно из предсказаний Виктора.

То, о чем говорил Виктор, называлось суеверием. Это не могло быть правдой. По крайней мере на все сто процентов.

От Зевса, казалось, не укрылась его внутренняя борьба: пес поднял голову и уставился на него. Навострив уши, он тихо заскулил и подошел к лестнице, а потом лизнул руку Тибо. Тибо приподнял к себе морду Зевса, и пес обнюхал его лицо.

— Что я здесь делаю? — прошептал Тибо. — Зачем я приехал?

Пока он сидел в ожидании ответа, который так и не последовал, он услышал, как за его спиной хлопнула затянута сеткой дверь.

— Ты разговариваешь с собой или со своей собакой? — поинтересовалась Элизабет.

— И то и другое, — ответил он.

Она села рядом с ним и подала ему ложку.

— Что ты говорил?

— Ничего важного, — сказал он. Он жестом приказал Зевсу лечь, и пес плюхнулся на нижнюю ступеньку, пытаясь пристроиться как можно ближе к ним обоим.

Элизабет открыла мороженицу и положила мороженое в каждую тарелку.

— Надеюсь, тебе понравится, — сказала она, подавая ему тарелку.

Она погрузила ложку в мороженое и попробовала немного, а потом повернулась к нему с серьезным выражением лица.

— Я хочу извиниться, — заявила она.

— За что?

— За то, что сказала раньше... Когда спросила, почему ты выжил, а мой брат — нет.

— Это справедливый вопрос. — Он кивнул, чувствуя себя неуютно под ее пристальным взглядом.

— Нет, — не согласилась она. — И я была не права, когда спросила тебя об этом. Поэтому прости меня.

— Все в порядке, — ответил он.

Она съела еще одну ложку, поколебавшись, прежде чем продолжить.

— Помнишь, я сказала, что не хотела тебя нанимать из-за того, что ты служил в морской пехоте?

Он молча кивнул.

— Это не то, что ты мог бы подумать. Я не хотела тебя брать не потому, что ты напомнил мне

Дрейка. А из-за того, как Дрейк погиб. — Она постучала ложкой о тарелку. — Дрейка подстрелили свои же.

Тибо отвернулся, когда она продолжила:

— Разумеется, сначала я этого не знала. Мы получали уклончивые ответы вроде «Расследование продолжается» или «Мы занимаемся этим вопросом». Что-то вроде того. Ушли месяцы на то, чтобы выяснить, как Дрейк был убит, и даже после этого мы не узнали, кто понес за это наказание. — Она подбирала нужные слова. — Просто казалось, что... это неправильно, понимаешь? То есть я знаю: это был несчастный случай. Кто бы его ни подстрелил, он не желал ему смерти. Но если бы нечто подобное произошло здесь, в Штатах, кому-то было бы предъявлено обвинение в убийстве. А если такое случается в Ираке, никто не хочет, чтобы выплыла правда. И она никогда и не выплывает.

— Почему ты рассказываешь об этом мне? — тихо спросил Тибо.

— Потому что это истинная причина, по которой я не хотела брать тебя на работу. После того как узнала, что произошло, каждый раз, когда видела морского пехотинца, я словно спрашивала себя: не он ли убил Дрейка? Или не прикрывает ли он того, кто его убил? Я знала, что это несправедливо, знала, что это неправильно, но ничего не могла с собой поделать. Через некоторое время эта злость прочно обосновалась в моей душе, как будто это был для меня единственный способ жить с этим горем. Мне не нравилось то, кем я стала, но я не могла вырваться из этого ужасного порочного круга вопросов и обвинений. А потом, как гром среди ясного неба ты вошел в кабинет и попросил взять тебя на работу. И Нана, которая знала, что я чувствую, а может, именно потому, что знала, решила тебя принять. — Она отставила тарелку в сторону. — Вот почему мне особенно нечего было тебе сказать первые пару педель. Я не знала, что говорить. Я подумала, что, может, и не надо ничего говорить, потому что, вероятнее всего, ты уволишься через пару дней, как и другие. Но ты остался. Напротив, ты работаешь изо всех сил, задерживаешься допоздна, прекрасно относишься к Нане и моему сыну... и ни с того ни с сего ты представляешься мне не столько морским пехотинцем, сколько просто хорошим человеком. — Она умолкла, словно потеряв нить, а потом толкнула его коленом: — И не только это. Ко всему прочему ты еще и мужчина, который позволяет эмоциональным женщинам болтать, не прерывая их на полуслове.

Он толкнул ее в ответ, чтобы показать, что все в порядке.

— Сегодня день рождения Дрейка.

— Да, правда. — Она подняла тарелку. — За моего младшего брата Дрейка, — сказала она.

Тибо чокнулся с ней своей тарелкой.

— За Дрейка, — повторил он.

Зевс заскулил и взволнованно уставился на них. Несмотря на напряжение, она протянула руку и погладила его по шерсти.

— Тебе не надо произносить тост. Это момент Дрейка.

Пес озадаченно склонил голову набок, и она рассмеялась:

— Бла-бла-бла! Он не понимает ни слова из того, что я говорю.

— Это так, но он видит, что ты расстроена. Поэтому он от тебя не отходит.

— Он удивительный. Думаю, я никогда не видела собаку с такой развитой интуицией и настолько хорошо выдрессированную. Нана сказала то же самое, а, поверь мне, это много значит.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Это хорошая родословная.

— Ладно, — сказала она. — Теперь твоя очередь разговаривать. Ты знаешь почти все, что можно обо мне знать.

— Что тебя интересует?

Она взяла тарелку, положила в рот еще мороженого и спросила:

— Ты когда-нибудь влюблялся?

Когда он поднял брови, удивившись небрежному тону, которым был задан вопрос, она отмахнулась:

— Даже не думай, что я лезу в твою личную жизнь. После всего, что я тебе рассказала... Сознавайся.

— Однажды, — признался он.

— Недавно?

— Нет. Много лет назад. В университете.

— Какая она была?

Казалось, он ищет подходящее слово.

— Приземленная, — сказал он.

Бет ничего не ответила, но по выражению ее лица стало ясно, что она ждет большего.

— Ладно, — продолжил он. — Она специализировалась на исследовании проблем женщин, предпочитала ортопедические сандалии «Биркеншток» и крестьянские юбки. Она презирала косметику. Она писала статьи для студенческой газеты и поддерживала почти каждую социальную группу, за исключением белых мужчин и богатых. О, еще она была вегетарианкой. Бет внимательно посмотрела на него:

— Почему-то я не могу представить тебя с таким человеком.

— Я тоже не смог. Как и она. Во всяком случае, надолго. Но какое-то время нам с удивительной легкостью удавалось закрывать глаза на явные различия между нами. Что мы и делали.

— И долго это продлилось?

— Немногим больше года.

— Ты хоть раз получал от нее весточку с тех пор?

Он покачал головой:

— Никогда.

— И все?

— За исключением пары увлечений в средней школе, все. Но имей в виду, что последние пять лет не располагали к началу новых отношений.

— Да, вполне понятно.

Зевс встал и уставился на подъездную аллею, его уши подергивались. Он насторожился. Через мгновение Тибо услышал слабый шум мотора, и на расстоянии за ветвями деревьев показался широкий луч рассеянного света, который постепенно начал сужаться. Кто-то ехал по подъездной аллее. Элизабет озадаченно хмурилась, пока седан медленно огибал угол и подъезжал к дому. Хотя фонари с веранды не освещали подъездную аллею, Тибо узнал автомобиль и выпрямился. Это был либо шериф, либо один из его полицейских.

Элизабет тоже узнала машину.

— Это не есть хорошо, — пробормотала она.

— Как ты думаешь, что им нужно?

Она встала с лестницы, ведущей к веранде.

— Это не они. Это он. Мой бывший муж. — Она спустилась по ступенькам и махнула ему рукой. — Просто подожди здесь. Я сама со всем разберусь.

Тибо жестом приказал Зевсу лежать на месте, когда машина остановилась рядом с машиной Элизабет у дальнего конца дома. Через кусты он увидел, как открылась пассажирская дверь и из машины вылез Бен, волоча за собой рюкзак. Он направился к матери, опустив голову. Когда открылась дверь водителя, из машины выбрался полицейский Кит Клейтон.

Зевс издал угрожающий грудной рык, он был готов наброситься на этого парня. Элизабет удивленно смотрела на Зевса, пока Бен не вышел на свет. Тибо заметил, что у него нет очков, а один глаз окружают черно-синие кровоподтеки в тот же самый момент, что и Элизабет.

— Что случилось?! — воскликнула она, бросившись к сыну. Она присела на корточки, чтобы ей было лучше видно. — Что ты с ним сделал?

— Ничего, — ответил Клейтон, приблизившись к ним. — Это всего лишь синяк.

Бен отвернулся, не желая, чтобы она смотрела на него.

— А что с его очками? — пожелала знать Элизабет, все еще пытаясь понять, что произошло. — Ты его ударил?

— Нет, не ударил. О Боже! Я не поднял бы на него руку. Ты за кого меня принимаешь?

Элизабет, казалось, не слышала его и обратила все свое внимание на сына.

— Как ты? Что случилось, солнышко? Твои очки разбились?

Она знала, что сын ничего не скажет, до тех пор пока не уйдет Клейтон. Приподняв подбородок Бена, она увидела, что у него в глазу лопнули сосуды.

— С какой силой ты бросил мяч? — требовательно спросила она с выражением ужаса на лице.

— Не сильно. И это просто синяк. Его глаз в порядке, и мы даже склеили скотчем очки, так что они как новые.

— Это не просто синяк! — Элизабет повысила голос, едва контролируя себя.

— Перестань вести себя так, как будто я виноват! — рявкнул Клейтон.

— Ты виноват!

— Это он не поймал мяч! Мы просто играли в бейсбол. Произошел несчастный случай, видит Бог! Разве не так, Бен? Нам было весело, правда?

Бен уставился в землю.

— Да, — пробормотал он.

— Расскажи ей, как все произошло. Скажи, что я не виноват. Давай же.

Бен переминался с ноги на ногу.

— Мы тренировались ловить бейсбольные мячи. Я не поймал мяч, и он попал мне в глаз. — Он показал очки, грубо замотанные скотчем в районе дужки, одно стекло было подклеено изолентой. — Папа починил мне очки.

Клейтон поднял руки:

— Вот видишь? Ничего страшного. Такое часто бывает во время игры.

— Когда это случилось? — требовательно спросила Элизабет.

— Пару часов назад.

— И ты мне не позвонил?

— Нет. Я возил Бена в отделение экстренной помощи.

— В отделение экстренной помощи?

— А куда мне еще было его везти? Я знал, что нельзя привозить его сюда без осмотра врача, поэтому сделал это. Я поступил как любой сознательный отец, так же как и ты, когда он упал с качелей и сломал руку. И если помнишь, я не устраивал тебе по этому поводу истерику. Как и не устраиваю из-за того, что ты позволяешь ему играть в этом домике на дереве. Это же смертельная ловушка.

Казалось, Бет слишком потрясена, чтобы говорить, и Клейтон с отвращением покачал головой:

— В любом случае он хотел домой.

— Ладно, — произнесла она, все еще борясь с собой. На ее скулах выступили желваки. Она

отмахнулась от бывшего мужа: — Да все равно. Просто уходи. Я займусь им.

Обняв Бена одной рукой, она повела его прочь, и в ту же секунду Клейтон заметил Тибо на лестнице у веранды и уставился на него. Глаза Клейтона расширились, а потом налились злобой. Он зашагал к веранде.

— Что вы здесь делаете? — взревел он.

Тибо просто смотрел на него не шелохнувшись. Зевс зарычал еще более грозно.

— Что он здесь делает, Бет?

— Уходи, Кит. Мы поговорим об этом завтра. — Она отвернулась.

— Нет. — Он сплюнул, схватив ее за руку. — Я задал тебе вопрос.

Тут Зевс громко зарычал, его задние ноги задрожали. Клейтон, похоже, впервые обратил внимание на собаку, пес обнажил зубы, его шерсть на загривке встала дыбом.

— На вашем месте я бы отпустил ее руку, — сказал Тибо. Он говорил ровно и спокойно, скорее предлагая, чем требуя. — Прямо сейчас.

Клейтон, смерив собаку взглядом, тут же отпустил Элизабет. Когда Элизабет с Беном поспешили к веранде, Клейтон свирепо уставился на Тибо. Зевс рвался вперед, продолжая рычать.

— Я думаю, вам лучше уйти, — тихо произнес Тибо. Долю секунды Клейтон колебался, потом сделал шаг назад и повернулся. Тибо услышал, как он ругается, едва переводя дух, по пути к машине. Потом он открыл дверцу и с силой захлопнул ее за собой. Тибо протянул руку погладить Зевса.

— Хороший мальчик, — прошептал он.

Клейтон нажал на газ, выполнил небрежный разворот в три приема и рванул вперед по подъездной аллее, так что гравий полетел из-под колес. Задние фары исчезли из виду, и только тогда шерсть на спине Зевса снова легла ровно. Он завилял хвостом при приближении Бена.

— Привет, Зевс, — сказал мальчик.

Зевс посмотрел на Тибо, спрашивая разрешения.

— Все в порядке, — сказал Тибо, отпуская его. Зевс подскочил к Бену, словно хотел сказать: «Я так рад, что ты дома». Он обнюхал Бена, и мальчик принялся ласкать его.

— Ты скучал по мне, да? — произнес Бен с довольным видом. — Я тоже по тебе скучал...

— Иди сюда, солнышко, — позвала Элизабет, чтобы он поторопился. — Пойдем в дом и приложим лед к твоему глазу. И я хочу посмотреть на него на свету.

Когда они открыли дверь, Тибо встал.

— Привет, Тибо, — сказал Бен, помахав ему рукой.

— Привет, Бен.

— Можно мне завтра поиграть с Зевсом?

— Если твоя мама не против, то и я тоже. — По виду Элизабет Тибо понял, что она хочет побыть с сыном наедине. — Наверное, мне лучше пойти домой, — сказал он, поднимаясь. — Уже поздно, а мне рано вставать.

— Спасибо, — сказала она. — Я очень тебе благодарна. И прошу за все это прощения.

— Здесь не за что извиняться.

Он спустился к подъездной аллее, потом повернул и прошел мимо дома. Он различил легкое движение за занавесками в гостиной.

Глядя на два силуэта в окне, Тибо впервые почувствовал, что начинает понимать, зачем сюда приехал.

Глава 14

КЛЕЙТОН

Поразительно, но парень обнаружился не где-то, а именно дома у Бет. Каковы были шансы на это? Чертовски малы, это наверняка.

Он ненавидел этого парня. Нет, больше того. Он хотел уничтожить этого парня. Не из-за всей этой аферы с кражей фотоаппарата и спущенными шинами, а потому, что он явно был достоин встречи в камере с парочкой жестоких амфетаминовых наркоманов. И не потому, что Тай-болт обвел его вокруг пальца с фотоаппаратом. А потому, что из-за этого парня, того самого парня, который обдурил его как-то раз, он предстал дрожащей медузой перед Бет.

Фразы «На вашем месте я бы отпустил ее руку» было достаточно. А потом? О, вот где парень совершил серьезную ошибку! «Прямо сейчас... Я думаю, вам лучше уйти...» И все таким спокойным тоном типа «не надо меня бесить», которым сам Клейтон часто разговаривал с преступниками. И он действительно послушался, сбежав прочь с поджатым хвостом, как бездомная собака, что делало всю ситуацию еще хуже.

При других обстоятельствах он ни за что бы такое не стерпел, даже в присутствии Бет и Бена. Никто не смел ему приказывать, так чтобы потом это сошло человеку с рук, и он бы ясно дал понять этому парню, что тот совершил страшнейшую ошибку в своей жизни. Но он не мог! Вот в чем дело. Не мог. Только не перед Куджо, плившимся на его промежность так, словно это закуска на воскресном шведском столе. В темноте это чудовище походило на бешеного волка, и единственное, что Кит мог вспомнить, — это истории, которые Кении Мур рассказывал ему о Пэнтер.

Какого черта этот парень делал там с Бет в любом случае? Как такое стало возможным? Как будто вступил в силу некий вселенский заговор, призванный испортить и без того дерьмовый день. Все началось с того, что днем приехал угрюмый, недовольный Бен и тут же принялся жаловаться, что ему приходится выносить мусор.

Клейтон был терпеливым человеком, но устал от капризов ребенка. Действительно устал, вот почему не позволил Бену бездельничать. Он заставил мальчика вычистить кухню, и туалеты тоже, решив, что покажет ему, по каким правилам живут в реальном мире, где мало-мальски приличное поведение в самом деле имеет значение. Сила позитивного настроения и все такое. Кроме того, все знают: в то время как мамы балуют детей, отцы учат их, что ничто в жизни не

достаётся бесплатно, верно? А мальчик прекрасно справился с уборкой, как и всегда, так что для Клейтона это был вопрос решенный. Настало время отдохнуть, и он вывел Бена во двор поиграть в бейсбол. Почему бы ребенку не захотеть поиграть с ним в мяч этим прекрасным субботним днем?

Потому что он Бен. Вот почему.

«Я устал. Так жарко, пап. Нам обязательно играть?» Одна глупая жалоба за другой, пока они наконец не вышли на воздух, а потом мальчик просто заткнулся и не говорил ни слова. Хуже того, сколько раз Клейтон ни говорил ему следить за чертовым мячиком, сын пропускал его, потому что даже не старался. Он делал это специально, несомненно. И разве он побежал бы за мячиком, который пролетел мимо? Конечно, нет. Только не его сын. Его сын слишком занят меланхолическими размышлениями о несправедливости всего сущего, играя в бейсбол, как слепой.

В конце концов, это вывело его из себя. Он хотел хорошо провести время с сыном, но сын работал против него. Что ж, ладно, быть может, в последний раз он и бросил мяч чуть сильнее, чем обычно. Но в том, что произошло потом, нет его вины. Если бы парень был внимательнее, мячик не отскочил бы от его перчатки и Бен не стал бы вопить, как младенец, будто умирает или что-то вроде того. Как будто он единственный ребенок в мировой истории, которому засветили мячом во время игры.

Но все это не так важно. Парнишка пострадал. Ничего серьезного, синяки сойдут через пару недель. Через год Бен забудет об этом или даже будет хвастать друзьям, как когда-то заработал «фонарь» от удара мячом.

Бет же никогда не забудет. Она будет носить обиду в себе очень долго, пусть в этом больше вины Бена, чем его. Она не понимала того простого факта, что все мальчики вспоминают спортивные травмы с гордостью.

Он знал, что сегодня Бет слишком бурно на все отреагирует, но ни в коем случае не осуждал ее за это. Так поступают все матери, и Клейтон был к этому готов. Он думал, что неплохо со всем справился до самого конца, пока не увидел парня с собакой на веранде, который сидел там как хозяин.

Логан Тай-болт.

Разумеется, Клейтон помнил, как пишется его имя. Он пару дней безуспешно искал этого типа и почти отказался от поисков, когда решил, что тот уже уехал из города. Не может быть, чтобы парня с собакой никто не заметил, верно? Поэтому он в итоге перестал опрашивать людей, видели ли они такую парочку.

Глупо.

Но что делать теперь? Как он поступит ввиду этого... нового поворота событий?

Он разберется с Логаном Тай-болтом, это наверняка, и наглецу больше не удастся застать его врасплох. А это означало, что прежде, чем что-то делать, ему понадобится информация. Где этот тип жил, где работал, где любит проводить свободное время. Где можно встретить его в одиночестве.

Как бы сложно это ни казалось, особенно учитывая наличие собаки. У него возникло странное чувство, как будто Тай-болт и собака очень редко, если вообще разлучаются. Но он придумает,

как поступить и с этим.

Ему точно нужно узнать, что происходит между Бет и Тай-болтом. Он не слышал, чтобы она с кем-то встречалась со времен дурака Адама. Ему с трудом верилось, что Бет может встречаться с Тай-болтом, учитывая тот факт, что он всегда знал, что замышляет Бет. Откровенно говоря, он и представить не мог, что она могла найти в Тай-болте, если уж на то пошло. Она училась в университете, меньше всего ей был нужен какой-то бродяга, приехавший в город. У парня даже не было машины.

Но Тай-болт проводил с ней субботний вечер, а это, очевидно, что-то значило. Что-то где-то не сходилось. Он подумал об этом, размышляя, мог ли парень работать там... В любом случае он все выяснит, а когда это произойдет, он разберется с этим, и мистер Логан Тай-болт возненавидит тот день, когда впервые появился в городе Клейтона.

Глава 15

БЕТ

Воскресенье стало самым жарким днем лета, с повышенной влажностью и температурой, зашкалившей за отметку из трех цифр [11]. В Пидмонте начали высыхать озера, жители Роли принялись экономить воду, а в восточной части штата урожай стал засыхать от непрекращающейся жары. За последние три недели леса превратились в сплошной трут, готовый вспыхнуть от одного небрежно брошенного окурка или удара молнии, а то и другое представлялось неизбежным. Вопрос состоял лишь в том, когда и где разразится пожар.

Всякое время, когда собаки не сидели в питомнике, они чувствовали себя несчастными, и даже на Логане сказывалась жара. Он сократил каждый урок дрессировки на пять минут, а когда выгуливал собак, всегда ходил к речке, где они могли поплескаться и освежиться. Зевс забегал в воду и выбирался обратно на берег уже дюжину раз, и хотя Бен пытался поиграть с ним в палочку, как только вернулся из церкви, Зевс не проявил особого интереса. Поэтому Бен установил напольный вентилятор на передней веранде дома, направив его на Зевса, и сел рядом с собакой, читая «Убийство Роджера Экройда» — одну из нескольких книг Агаты Кристи, которые ему еще предстояло закончить. Он на мгновение прервался, чтобы перемолвиться парой случайных слов с Логаном, а потом вновь погрузился в чтение.

Стоял один из тех праздных воскресных дней, которые обычно нравились Бет, если не считать того, что каждый раз при виде синяка на лице Бена и его грубо замотанных скотчем очков она злилась на Кита за его поступок. В понедельник ей придется сходить с Беном в оптику, чтобы починить очки. Несмотря на слова Кита, было понятно, что он слишком сильно бросил мяч, и она задавалась вопросом, какой отец мог так повести себя с десятилетним мальчиком.

Такой, как Кит Клейтон, очевидно.

Одно дело — совершить ошибку, выйдя за него замуж, и совсем другое — постоянно расплачиваться за эту ошибку всю оставшуюся жизнь. Отношения Бена с отцом, похоже, ухудшались, а не наоборот. Конечно, в жизни Бена должен быть взрослый мужчина, и Кит — его отец, но...

Она покачала головой. В глубине души ей хотелось забрать Бена и просто переехать. Обосноваться в другой части страны и начать все заново. Было легко воображать, что если у нее всего лишь хватит духу сделать это, всем ее бедам придет конец. Но это было не так. Духу у нее хватало, а вот все остальное делало такой вариант невозможным. Даже если бы Нана была вполне здорова, чтобы справиться со всем самостоятельно (а она не была), Кит нашел бы ее,

куда бы она ни отправилась. Его дед настоял бы на этом, и судебные власти, включая судью Клейтона, вмешались бы в ситуацию. Вероятнее всего, в ее отсутствие Киту удалось бы добиться единоличной опеки. Дядя Кита мог бы все устроить; ей скрыто угрожали этим после развода, и в этом округе такая угроза вполне могла осуществиться. Возможно, она подала бы на апелляцию, но сколько времени это потребовало бы? Двенадцать месяцев? Восемнадцать месяцев? Она не собиралась рисковать тем, чтобы потерять Бена так надолго. И меньше всего она хотела, чтобы Бен проводил больше времени с Китом.

Правда была в том, что Кит жаждал получить единоличную опеку не больше, чем этого хотела она, и за долгие годы они пришли к негласному решению: Кит будет принимать у себя Бена как можно реже, недостаточно часто для того, чтобы дед был счастлив. Ни с ее, ни с его стороны было несправедливо делать Бена заложником ситуации, но что она могла сделать? Она не хотела рисковать потерей Бена. Кит сделает все необходимое, чтобы они и дальше получали деньги, дед же хотел периодически видеть Бена.

Людям нравится воображать, будто они вольны выбирать, как им жить, но Бет усвоила, что иногда возможность выбора — лишь иллюзия. По крайней мере в Хэмптоне, где Клейтоны заправляли почти всем. Дед всегда вел себя вежливо, когда они сталкивались в церкви, и, хотя долгие годы мечтал купить землю Наны, не мешал их спокойной жизни. Пока. Но в черно-белом мире не было даже сомнений в том, что семья Клейтона, включая деда, обладала здесь огромной властью, которую они могли использовать при любом удобном случае. Каждый из них вырос с мыслью о собственной значимости, даже избранности, вот почему она удивилась, что Клейтон так легко уступил и покинул их дом вчера ночью.

Бет была рада, что рядом оказался Логан с Зевсом. Логан прекрасно себя повел в этой ситуации, и она была благодарна ему, что он не стал околачиваться поблизости после произошедшего... Он знал, что она хочет побыть наедине с Беном, и принял это так же легко, как развернул домой Кита.

Логан спокоен и постоянен во всем, подумала она. Когда она говорила о Дрейке, он не переводил разговор на себя и не пытался рассказать, какие чувства это вызывает у него, как и не предлагал советов. По этой причине, помимо прочих, она доверяла ему и в итоге выдала так много о себе. Она была немного не в себе из-за дня рождения Дрейка, но, по правде говоря все же понимала, что делает. Ведь именно она попросила его остаться, и она подозревала, что в душе ей хотелось поделиться с ним этими тайнами.

— Мам!

Бет повернулась к Бену. Его глаз все еще выглядел ужасно, но она притворилась, что этого не замечает.

— Что такое, милый?

— У нас есть мешки для мусора? И соломинки для коктейля?

— Конечно, есть. А что?

— Тибо сказал, что покажет, как делать воздушного змея, и мы запустим его, после того как смастерим.

— Думаю, это будет весело.

вернуться

Имеется ввиду температура по шкале Фаренгейта.

— Он сказал, что мастерил такие в детстве и что они отлично летают.

Она улыбнулась:

— Это все, что нужно? Мешки для мусора и соломинки?

— Удочку я уже нашел. И изоленту. Они были у дедушки в гараже.

Через двор она увидела, как к ним направляется Логан. Бен заметил его в тот же момент.

— Эй, Тибо! — крикнул он. — Вы готовы мастерить змея?

— А я как раз собирался спросить, готов ли ты! — крикнул Логан в ответ.

— Почти. Осталось только раздобыть соломинки и мешки для мусора.

Логан махнул рукой в знак согласия. Когда он подошел ближе, Бет обратила внимание на линию его плеч и накачанный пресс. Она не впервые смотрела на его тело, но сегодня возникло такое ощущение, что она... тарасится. Она отвернулась, положив руку на плечо Бена, вдруг почувствовав себя глупо.

— Пакеты для мусора под раковиной, а соломинки в буфете рядом с печеньем. Сам все принесешь, или мне сходить?

— Я сам, — заявил он. А потом обратился к Логану: — Вернусь через пару секунд.

Логан подошел к лестнице, когда Бен исчез за дверью.

— Будете мастерить воздушного змея? — спросила она удивленно.

— Он сказал, что ему скучно.

— Ты и правда знаешь, как это делается?

— Это не так сложно, как кажется. Хочешь помочь нам?

— Нет, — ответила она. Вблизи она заметила, как намочшая от пота футболка прилипла к его груди, и быстро отвела взгляд. — Я оставлю это вам двоим. Это скорее мужское дело. Зато я принесу лимонад. А потом, если ты голоден, можешь остаться на ужин. Только ничего особенного не ожидается: Бен пожелал хот-догов и макарон с сыром.

Логан кивнул:

— Я бы с удовольствием.

Бен вышел из дома с пакетами в одной руке и соломинками в другой. Его лицо, несмотря на синяки и перекошенные очки, казалось веселым.

— Принес! — воскликнул он. — Вы готовы?

Логан смотрел в глаза Бет дольше, чем следует. Она почувствовала, как ее лицо зарделось, и быстро отвернулась. Логан улыбнулся Бену:

— Можем начать.

Бет поймала себя на мысли, что разглядывает Логана, пока они с Беном мастерят воздушного змея. Они сидели за столиком для пикника у большого дуба, у их ног лежал Зевс, а их голоса то и дело долетали до нее с порывами ветра. Логан объяснял Бену, что делать дальше, или Бен спрашивал, правильно ли он что-то сделал. Было очевидно, что им нравится заниматься: Бен трещал без умолку, периодически что-то делая не так, а Логан терпеливо исправлял его ошибки.

Когда она в последний раз краснела, ощущая на себе мужской взгляд? Бет задалась вопросом, насколько ее вновь обретенная застенчивость связана с отъездом Наны. Пару последних вечеров она почти чувствовала себя так, словно впервые в жизни действительно осталась одна. В конце концов, она переезжала только из дома Наны в дом Кита, а потом обратно к Нане и жила там с тех пор. И хотя ей нравилось общество Наны и стабильность, она представляла, что ее взрослая жизнь сложится несколько иначе. Она когда-то мечтала о собственном доме, но для этого так и не настал подходящий момент. После Кита ей понадобилась помощь Наны с Беном; когда Бен подрос, умерли ее брат и дедушка, и Бет понадобилась поддержка Наны, так же как и Нане поддержка Бет. А потом? Как раз когда она подумала, что наконец готова найти собственный дом, у Наны случился инсульт, а она никогда не бросила бы женщину, которая ее воспитала.

Но в это мгновение она неожиданно увидела, какой была бы ее жизнь при других обстоятельствах. Пока жаворонки перелетали с дерева на дерево, она сидела на веранде, наблюдая за сценой, благодаря которой хотелось верить: в этом мире все может быть хорошо. Даже на расстоянии она видела, как сосредоточенно следовал Бен указаниям Логана, когда тот демонстрировал ему пару последних штрихов в создании воздушного змея. То и дело Логан склонялся к нему и предлагал помощь, в его поведении чувствовалось спокойствие и терпение, и при этом Бен получал огромное удовольствие от их совместного занятия. За то, что Логан просто работал над этим маленьким проектом, исправляя ошибки Бена без всякого разочарования или злости, она испытывала к нему благодарность и симпатию. Она все еще поражалась необычности всего происходящего, когда увидела, что они направляются к центру двора. Логан держал змея над головой, а Бен распутывал леску. Когда Бен побежал, Логан ринулся за ним, чтобы змея подхватили порывы ветра и он взлетел. Логан остановился и устремил взгляд в небо, когда змей взмыл над ними ввысь, и захлопал в ладоши, заметив неприкрытую радость на лице Бена. И ее поразила правда того, что иногда самое обычное занятие может стать удивительным, если разделить его со стоящим человеком.

Вечером позвонила Нана и сообщила, что ее нужно забрать на машине в следующую среду. В ее отсутствие Логан ужинал с Бет и Беном каждый вечер. В основном именно Бен упрасивал Логана остаться, но к среде Бет стало очевидно, что Логану приятно не только проводить с ними время: он был более чем рад позволять Бену всем командовать. Вероятно, время от времени думала она, у Логана не больше опыта в интимных отношениях, чем у нее.

После ужина они обычно отправлялись на прогулку. Бен с Зевсом наперегонки бежали по тропинке, ведущей к речушке, а они с Логаном шли следом. Однажды они направились в город, в банк на Саут-Ривер, и там примостились на скамейке под мостом, который пересекал реку. Иногда они говорили о том о сем, обсуждая, произошло ли что-нибудь интересное на работе или как Логан преуспел в систематизации документов. А иногда, казалось, ему

достаточно просто шагать рядом с ней, не произнося ни слова. Поскольку Логана устраивало и молчание, как ни удивительно, оно приносило успокоение и ей.

Но между ними что-то происходило, и она знала об этом. Ее тянуло к нему. В школе, когда вокруг нее толпились второклассники, она то и дело ловила себя на мысли, что думает, чем он занимается в данный момент. Она постепенно призналась себе, что ждет возвращения домой, потому что это означает: скоро она увидит его.

Вечером в четверг они все забрались в грузовик Наны и отправились в город за пиццей. Зевс ехал сзади, свесив голову набок и прижав уши к голове. Как ни удивительно, у Бет возникло странное чувство, как будто это почти свидание, правда, под надзором десятилетней дуэньи.

«Пицца Луиджи» располагалась на одной из тихих поперечных улиц в центре города между антикварными лавками и адвокатской конторой. С потертыми кирпичными полами, столиками для пикника и обшитыми панелями стенами это место казалось уютным и знакомым отчасти потому, что Луиджи не менял декор, с тех пор как Бет была маленькой девочкой. Некоторые видеоигры, в которые предлагал поиграть Луиджи в задней части ресторана, были сделаны еще в начале 1980-х: «Миз Пак-Мэн», «Многоножка» и «Астероиды». Игры пользовались такой же популярностью, как и годы назад, вероятно, благодаря тому, что в городе не было ни одного зала автоматов для видеоигр.

Бет любила это место. Луиджи и его жена Мария, которым уже было за шестьдесят, не только работали семь дней в неделю, но и жили в квартире над рестораном. Не имея собственных детей, они становились «суррогатными» родителями почти для каждого подростка в городе и принимали всех с неким безусловным радушием, так что в пиццерии всегда было множество посетителей.

Сегодня здесь, как всегда, собралась разношерстная публика: семьи с детьми, пара мужчин, одетых так, словно они только что закончили работу в адвокатской конторе по соседству, несколько пожилых пар и группки подростков, разбросанные по всему залу. Мария засияла, увидев на пороге Бет и Бена. Она оказалась маленькой и круглой женщиной с темными волосами и теплой искренней улыбкой. Она направилась к ним, по пути прихватив с собой меню.

— Привет, Бет. Привет, Бен. — Поравнявшись с кухней, она на минуту заглянула туда и крикнула: — Луиджи! Выходи. Приехали Бет с Беном!

Так Мария поступала всегда, когда в пиццерии появлялась Бет, и хотя Бет не сомневалась, что она всех встречаете не меньшей теплотой, ей все равно казалось, что к ним относятся по-особому.

Луиджи выскочил из кухни. Как всегда, его фартук был усыпан мукой и туго натянут на широкой груди. Поскольку он до сих пор готовил пиццу, а ресторан всегда был переполнен, у него не оставалось времени на большее, чем просто помахать рукой.

— Очень приятно вас видеть! — прокричал он. — Спасибо, что пришли!

Мария нежно прикоснулась к плечу Бена:

— Ты стал таким высоким, Бен! Ты теперь просто молодой мужчина. А ты прекрасна, как весенний цветок, Бет.

— Спасибо, Мария, — поблагодарила Бет. — Как вы?

— Все также. Куча работы, как всегда. А ты? Ты все еще преподаешь, да?

— Все еще преподаю, — подтвердила она. Через мгновение лицо Марии вдруг стало серьезным, так что Бет смогла предугадать ее следующий вопрос. В маленьких городах не утаишь ничего.

— А как Нана?

— Ей уже лучше. Она уже ходит и даже кое-что делает.

— Да, я слышала, она поехала к сестре.

— Как вы узнали? — Бет не смогла скрыть изумления.

— Сама не знаю. — Она пожала плечами. — Люди говорят, я слышу. — Тут Мария впервые заметила Логана: — А это кто?

— Это мой друг Логан Тибо, — ответила Бет, надеясь, что на этот раз не покраснеет.

— Вы здесь недавно? Я вас раньше не видела. — Мария оглядела его с головы до ног с откровенным любопытством.

— Я только что переехал в город.

— Что ж, вы пришли с двумя моими любимыми клиентами. — Она поманила их за собой: — Пойдемте. Я найду вам местечко в одной из кабинок.

Мария провела их по залу и положила на стол меню, когда они проскользнули на свои места.

— Выпьете сладкого чаю?

— Это было бы здорово, Мария, — согласилась Бет. Как только Мария поспешила на кухню, она повернулась к Логану: — Она делает самый лучший сладкий чай в округе. Надеюсь, ты не против.

— По мне, так звучит отлично.

— Дашь мне пару четвертаков? — попросил Бен. — Хочу немного поиграть в видеоигры.

— Я так и думала, — сказала Бет, заглядывая в сумку. — Я кое-что прихватила из банки с мелочью перед уходом. Веселись, — сказала она. — И не уходи никуда с незнакомыми людьми.

— Мне уже десять, — сердито буркнул он, — а не пять.

Она посмотрела, как Бен направляется к автоматам, он рассмешил ее своим ответом. Иногда он говорил так, как будто уже учился в старших классах.

— В этом месте чувствуется самобытность, — заметил Логан.

— И еда здесь потрясающая. Они готовят просто неземную пиццу в чикагском стиле, на глубоких тарелках с толстым слоем теста. С чем бы ты хотел пиццу?

Он почесал подбородок.

— Мм... много чеснока, побольше анчоусов.

Она наморщила нос:

— Правда?

— Шучу. Заказывай то, что берешь обычно. Я не привередлив.

— Бен любит с пепперони.

— Тогда пусть будет с пепперони. Она бросила на него игривый взгляд:

— Тебе когда-нибудь кто-то говорил, что у тебя хороший характер?

— В последнее время нет, — сказал он. — Но опять же, я мало с кем разговаривал, пока шел по дороге через всю страну.

— Тебе было одиноко?

— В компании Зевса — нет. Он хороший слушатель.

— Но он не может поддержать разговор.

— Не может. Зато он не устраивал нытья из-за долгих переходов. А большинство людей обязательно заныли бы.

— Я бы не стала ныть. — Бет отбросила прядь волос за плечо.

Логан промолчал.

— Серьезно, — возразила она. — Я легко могла бы пройти через всю страну.

Логан промолчал.

— Ну ладно, ты прав. Возможно, я поныла бы раз или два.

Он рассмеялся, а потом осмотрелся вокруг:

— Сколько людей ты здесь знаешь?

Окинув взглядом зал, она задумалась.

— За многие годы я видела большинство из них в городе, но скольких я знаю лично? Быть может, около тридцати.

Он посчитал, что это больше половины клиентов.

— И каково это?

— Ты имеешь в виду, когда все знают всех? Думаю, это зависит от того, сколько крупных ошибок ты совершил, потому что об этом люди и разговаривают. Романы, увольнение с работы, злоупотребление наркотиками и алкоголем, автокатастрофы. Но если ты, как я, чист, как девственный снег, то ничего сложного здесь нет.

Он ухмыльнулся:

— Должно быть, это здорово — быть тобой.

— О да! Поверь мне. Будем считать, что тебе крупно повезло, раз ты сидишь со мной за одним столом.

— А в этом, — сказал он, — я и не сомневаюсь. Мария принесла чай. Уходя, она приподняла брови, так что Бет поняла: внешне ей понравился Логан, и она жаждет узнать позже, что между ними происходит, если происходит.

Бет сделала глоток чаю, как и Логан.

— Что думаешь?

— Он определенно сладкий, — заметил Логан, — но вкусный.

Бет кивнула, вытирая конденсат снаружи стакана бумажной салфеткой. Она скомкала ее и отложила в сторону.

— И надолго ты останешься в Хэмптоне? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не из здешних мест, у тебя университетское образование, ты делаешь то, что возненавидели бы большинство людей, и получаешь за свою работу ничтожное жалование. Думаю, это закономерный вопрос.

— Я не планирую уходить, — сказал он.

— Я спросила не об этом. Я спросила, надолго ли ты останешься в Хэмптоне. Только честно.

Она произнесла это тоном, не допускающим отговорок, и Логан легко представил, как она наводит порядок в рядах беспокойных школьников.

— Честно? Не знаю. И я говорю так, потому что за последние пять лет научился ничего не принимать как само собой разумеющееся.

— Возможно, это и правда, но опять же это не ответ на мой вопрос.

Похоже, он уловил нотки разочарования в ее голосе и поколебался, прежде чем ответить.

— Как насчет этого? — наконец сказал он. — Пока мне здесь нравится. Мне нравится моя работа, я думаю, что Нана потрясающая, я люблю проводить время с Беном, и я не собираюсь уезжать из Хэмптона в обозримом будущем. Это может служить ответом на твой вопрос?

Бет ощутила желание подтолкнуть его в нужном направлении, услышав эти слова и заметив, как он блуждал глазами по ее лицу, пока говорил. Она наклонилась вперед:

— Я думаю, ты упустил нечто важное из списка того, что тебе нравится.

— Правда?

— Да. Меня. — Она изучала его лицо, пытаясь понять, как он отреагирует, ее губы изогнулись в шаловливой улыбке.

— Возможно, я забыл, — ответил он, едва улыбнувшись.

— Я так не думаю.

— А может, я стесняюсь?

— Сделай вторую попытку.

Он покачал головой:

— У меня больше нет вариантов.

Она ему подмигнула:

— Даю тебе шанс подумать об этом, и, может быть, тебе придет что-то на ум. Тогда мы сможем поговорить об этом позже.

— Хорошо. Когда?

Она обхватила стакан руками, внезапно разволновавшись из-за того, что собиралась сказать дальше.

— Ты свободен вечером в субботу?

Если он и удивился такому вопросу, то не подал виду.

— Ладно, в субботу. — Он поднял стакан холодного чаю и сделал долгий глоток, не отводя от нее глаз.

Ни он, ни она не заметили, как к столу вернулся Бен:

— Вы уже заказали пиццу?

Лежа в постели той ночью, Бет смотрела в потолок и спрашивала себя: «О чем я только думала?»

Существовала масса причин, по которым следовало избегать того, что она сделала. Она ведь не знала многого о нем или его прошлом. Он до сих пор скрывал причину, по которой приехал в Хэмптон, а это означало не только то, что он ей не доверял, но и то, что она не могла полностью доверять ему. Кроме того, он работал в питомнике у Наны и прямо перед их домом. Что случится, если ничего не выйдет? Что, если у него есть... требования, которым она не захочет соответствовать? Появится ли он в понедельник? Или Нана останется одна? Придется ли ей оставить работу учителем и вернуться к тому, чтобы помогать Нане с питомником?

С этим было связано множество потенциальных проблем, и чем больше она об этом думала, тем больше убеждалась в том, что совершила ужасную ошибку. И все же... она устала от одиночества. Она любила Бена и любила Нану, но после того как провела пару последних дней с Логаном, поняла, что теряет. Ей нравились их прогулки после ужина, ей нравилось, как он на нее смотрел, и особенно нравилось, как он ведет себя с Беном.

Более того, ей удивительно легко удалось представить себе жизнь с Логаном. Она знала, что недостаточно долго знакома с ним, чтобы судить о нем в таких вопросах, но интуиция подсказывала ей обратное.

Быть может, он Тот единственный?

Так далеко она не пойдет. Они даже еще не ходили на свидание. Легко идеализировать человека, которого едва знаешь.

Сев в кровати, она пару раз взбила подушку, а потом снова легла. Что ж, они встретятся один раз и посмотрят, что произойдет дальше. Она питала надежды на его счет, в этом не было сомнения, но на этом все и заканчивалось. Он испытывала к нему симпатию, но, конечно, не любовь. Во всяком случае, пока.

Глава 16

ТИБО

Субботним вечером Тибо сидел на диване, недоумевая, правильно ли себя ведет.

В другое время в другом месте он и не стал бы об этом раздумывать. Его, разумеется, привлекала Элизабет. Ему нравились ее открытость и ум вкупе с прекрасным чувством юмора и, разумеется, ее внешность. Он и представить не мог, почему она так долго оставалась одна.

Но все происходило здесь и сейчас, и это было ненормально. Он носил с собой ее фотографию более пяти лет. Он искал ее по всей стране. Он приехал в Хэмптон и устроился на работу, чтобы быть ближе к ней. Он подружился с ее бабушкой, сыном, а затем и с ней. А теперь лишь пара минут отделяет их от первого свидания.

Он приехал сюда не просто так, а по какой-то причине. Он свыкся с этой мыслью, как только покинул Колорадо. Он свыкся с тем, что Виктор был прав. Однако он до сих пор не знал наверняка, была ли встреча с ней — и сближение с ней — этой причиной. Как и не был уверен в обратном.

Единственное, в чем он не сомневался, — это то, что он с нетерпением ждал их совместного вечера. Вчера он постоянно думал об этом, когда ехал на машине за Наной. Первые полчаса по дороге назад в Хэмптон Нана болтала обо всем, начиная с политики и заканчивая здоровьем сестры, а потом повернулась к нему с многозначительной и самодовольной улыбкой:

— Значит, вы собираетесь на свидание с внучкой босса, да?

Тибо поерзал на месте.

— Она вам рассказала.

— Конечно, рассказала. Но даже если бы и не рассказала, я знала, что этого следовало ожидать. Двое привлекательных и одиноких молодых людей? Я знала, что это произойдет, в тот самый момент, когда взяла вас на работу.

Тибо ничего не ответил, и когда Нана снова заговорила, в ее голосе послышалась грусть.

— Она милая и сладкая, как сахарный арбуз, — сказала она. — Я иногда так за нее беспокоюсь.

— Я знаю, — сказал Тибо.

На этом их разговор завершился, но он понял, что получил благословение Наны, а это, как он знал, было весьма важно, учитывая, какое место занимала Нана в жизни Элизабет.

Теперь, когда наступил вечер, он увидел, как на подъездной аллее показалась машина Элизабет, капот подпрыгивал на выбоинах. Она не призналась ему, куда они отправятся,

сказав лишь, чтобы он оделся в повседневную одежду. Он вышел на веранду, когда она остановилась у дома. Зевс последовал за ним, его разбирало любопытство. Когда Элизабет вышла из машины и на нее упали тусклые лучи света из дома, он не смог отвести от нее глаз.

Как и он, она была в джинсах, но кремовая блузка оттеняла ее красивый ровный загар. Медового цвета волосы касались выреза ее блузки без рукавов, и он заметил, что она накрасила ресницы тушью. Она казалась знакомой и одновременно соблазнительно чужой.

Зевс спустился по лестнице, виляя хвостом, и, поскуливая, потерся о ее бедро.

— Привет, Зевс. Ты соскучился? Всего лишь день прошел. — Она погладила его по спине, и Зевс жалобно заскулил, а потом облизал ее руки. — Вот это приветствие, — сказала она, поднимая на Тибо глаза. — Как ты? Я опоздала?

Он попытался изобразить безразличие.

— Я в порядке, — сказал он. — Ты как раз вовремя. Рад, что ты успела.

— А ты думал, я не успею?

— Это место не так уж легко найти.

— Вовсе нет, если ты прожила здесь всю жизнь. — Она шагнула к дому. — Так это и есть твой дом?

— Да, это он.

— Мило, — сказала она, оглядывая здание.

— Ты ожидала увидеть его именно таким?

— Почти. Крепкий. Ладно построенный. Вроде бы даже скрытый от посторонних глаз.

Он принял ее двусмысленное высказывание с улыбкой, потом повернулся к Зевсу и приказал ему оставаться на веранде.

Он спустился по ступенькам и присоединился к ней.

— С ним все будет в порядке?

— Он и с места не сдвинется.

— Но нас не будет несколько часов.

— Я знаю.

— Удивительно.

— Это так кажется. Но у собак нет чувства времени. Через минуту он и помнить не будет ничего, кроме того, что ему надо лежать на месте. Но он не будет знать почему.

— Откуда ты столько узнал о собаках и дрессуре? — с любопытством спросила Элизабет.

— В основном из книг.

— Ты читаешь?

Его, похоже, это развеселило.

— Да. Удивлена?

— Да. Тяжело таскать с собой книги, когда идешь через всю страну.

— Только если не выбрасываешь их после прочтения.

Они дошли до машины, и, когда Тибо направился к дверце водителя, чтобы открыть ее, Бет покачала головой:

— Я, может быть, и пригласила тебя на свидание, по машину поведешь ты.

— А я-то думал, что иду на встречу с женщиной, свободной от предрассудков, — возразил он.

— Я свободна от предрассудков. Но ты поведешь. И ужин оплатишь.

Он засмеялся, провожая ее к другой двери. Когда он устроился за рулем, она бросила взгляд на веранду. Зевс, казалось, не совсем понимал, что происходит, и она услышала, как он опять заскулил.

— Похоже, он загрустил.

— Вероятно, так и есть. Мы редко расстаемся.

— Злой человек, — пожурела она его.

Он улыбнулся ее игривой манере разговора, поехав задним ходом.

— Мы направляемся в центр?

— Нет, — сказала она. — Сегодня мы уедем из города. Просто сверни на главную скоростную трассу и поезжай по направлению к побережью. Мы направляемся не на пляж, но по пути к нему есть одно хорошее место. Я предупрежу тебя, когда мы приблизимся к следующему повороту.

Тибо последовал ее указаниям, поехав по тихим улочкам в сгущающейся тьме. Они за пару минут добрались до шоссе, и, когда машина набрала скорость, деревья по обе стороны дороги начали расплываться. Тени растягивались по всей проезжей части, затемняя машину.

— Так Расскажи мне о Зевсе, — начала она.

— Что тебя интересует?

— Все, что ты хочешь рассказать. Что-то, чего я не знаю.

Он мог бы сказать: «Я купил его, потому что у женщины на фотографии была немецкая овчарка», — но не сказал. Вместо этого он произнес:

— Я купил Зевса в Германии. Я прилетел туда и сам выбрал щенка из помета.

— Правда? Он кивнул.

— Овчарка в Германии — это как белоголовый орлан в Америке. Это символ национальной гордости, и заводчики очень серьезно относятся к своей работе. Я хотел получить собаку с хорошей родословной, которая работала бы на нее. А если ищешь именно это, то лучших собак стоит поискать в Германии. Среди предков Зевса много участников и чемпионов программы «Шутцхунд».

— А это что такое?

— По этой программе собак проверяют не только на послушание, но и на умение идти по следу и защищать хозяина. И конкуренция очень жесткая. Обычно соревнования длятся два дня, и, как правило, победители оказываются самыми умными и способными к дрессировке. А поскольку среди предков Зевса много участников и чемпионов, он создан и для того и для другого.

— А ты его дрессировал, — произнесла она с потрясенным видом.

— Да, с тех пор как ему исполнилось шесть месяцев. Когда мы шли из Колорадо, я работал с ним каждый день.

— Он удивительный зверь. Ты можешь в любой момент подарить его Бену, знаешь. Он, должно быть, придет от этого в восторг.

Тибо промолчал.

От нее не скрылось выражение его лица, и она придвинулась чуть ближе.

— Я пошутила. Я не стала бы забирать у тебя собаку.

Тибо чувствовал тепло, исходящее от ее тела.

— Если ты не против, я хотел бы узнать, как повел себя Бен, когда ты сказала ему, что сегодня идешь со мной на свидание, — спросил он.

— Он хорошо это воспринял. Они с Наной все равно собирались смотреть видео. Они договорились о том, что устроят сегодня киноужин, еще раньше на неделе по телефону назначили дату и все такое.

— Они часто это делают?

— Раньше — да, но это первый раз, с тех пор как она перенесла инсульт. Я знаю, что Бен ждал этого с огромным нетерпением. Нана делает поп-корн и обычно разрешает ему засиживаться допоздна.

— В отличие от мамы, конечно.

— Конечно, — улыбнулась она. — И чем ты в итоге сегодня занимался?

— Домашними делами. Убирал, стирал, ходил за покупками и так далее.

Она изогнула бровь:

— Я поражена. Ты прямо домашний мужчина. А умеешь застилать покрывало так, что не остается ни складочки?

— Конечно.

— Надо будет тебе научить этому Бена.

— Если хочешь.

На небе появлялись первые звезды, фары освещали изгибы дороги.

— Куда именно мы направляемся? — поинтересовался Тибо.

— Ты любишь крабов?

— Обожаю.

— Отличный ответ. Как насчет танца шэг?

— Я даже не знаю, что это.

— Ладно, тогда просто скажем, что тебе придется быстро научиться.

Через сорок минут Тибо остановился у дома, похожего на бывший магазин. Элизабет велела ему заехать в промышленный район близ центра Уилмингтона, и они припарковались у трехэтажного здания, обитого старыми белыми досками. Оно мало чем отличалось от соседних зданий, если не считать около сотни машин, стоявших на парковке, и маленькой деревянной дорожки, окружавшей здание, увитое недорогими елочными гирляндами.

— Как называется это место?

— «Шэг для крабов».

— Оригинально. Но мне сложно представить, что оно может быть туристической достопримечательностью.

— А оно таковой и не является. Это место исключительно для местных. Один из моих друзей по университету рассказал мне о нем, и я всегда хотела туда попасть.

— Ты никогда не была здесь?

— Нет, — ответила она. — Но я слышала, что тут очень весело.

С этими словами она поднялась по скрипящей дорожке. Прямо перед ними сверкала река, как будто ее подсвечивали снизу. Музыка, доносившаяся изнутри, становилась все громче. Когда они открыли дверь, их словно окатило волной звука, а запах крабов с маслом разлился в воздухе. Тибо остановился, чтобы насладиться этим ароматом.

Интерьер оказался грубоватым и не изобилует украшениями. Половину зала занимали столы, накрытые красно-белыми пластиковыми скатертями, которые, похоже, были прикреплены к дереву скрепками для мебели. За столами теснилось много народу, и повсюду стоял шум. Тибо увидел, как официантки по всему залу выставляют на столы ведерки с крабами. Кувшины с растопленным сливочным маслом возвышались по центру, а перед каждым из посетителей красовалась маленькая тарелочка. На всех были пластиковые нагрудники, люди доставали крабов из общего ведерка и ели руками. Пиво пользовалось у посетителей особой популярностью.

Прямо перед ними, на той стороне, что граничила с рекой, растянулась длинная барная стойка, если ее можно так назвать. Скорее, это выглядело как сплавные бревна, положенные на деревянные бочки. Главным образом внимание Тибо привлекла сцена в дальнем конце здания, где какой-то ансамбль исполнял песню «Моя девушка» группы «Темптейшнз». Не меньше сотни людей танцевали рядом со сценой, кружась в танце, с которым он не был знаком.

— Ух, ты! — воскликнул он, силясь перекричать шум. Худая женщина около сорока лет с рыжими волосами и в фартуке подошла к ним.

— Ну, здравствуйте, — протянула она. — Поесть или потанцевать?

— И то и другое, — ответила Элизабет.

— Как вас зовут. Они переглянулись.

— Элизабет... — произнес он.

— И Логан, — закончила она.

Женщина записала их имена на листе бумаги на планшете.

— Теперь последний вопрос: весело или по-семейному?

Элизабет приняла растерянный вид:

— Не поняла.

Женщина пожевала жвачку.

— Вы ведь здесь раньше не были?

— Нет.

— В общем, дело обстоит так: вам придется делить стол с другими людьми. Здесь так всегда. Все делят столы. И сейчас вы можете попросить веселый стол, который прямо-таки пышет энергией, или выбрать семейный стол, который обычно немного тише. Но я все же не могу сказать наверняка, какая атмосфера будет царить за вашим столом. Я просто задаю вопрос. Так как будем ужинать: весело или по-семейному?

Элизабет и Тибо снова переглянулись и пришли к одному и тому же выводу.

— Весело, — хором произнесли они.

В итоге они оказались за столом с шестью студентами из Университета Северной Каролины в Уилмингтоне. Официантка представила их как Мэтта, Сару, Тима, Эллисон, Метан и Стива, и студенты по очереди подняли бутылки и хором произнесли:

— Привет, Элизабет! Привет, Логан! У нас крабы! Тибо еле сдержал смех, услышав такую игру слов.

Крабом на сленге именовали нечто неопределимое, что передается половым путем, они явно это и имели в виду, но Тибо пришел в замешательство, когда увидел, что они выжидающе на него смотрят. Официантка шепнула:

— Вы должны сказать: «Мы хотим крабов, особенно если вы с нами поделитесь».

На этот раз он все же рассмеялся вместе с Элизабет, прежде чем произнести эти слова во исполнение ритуала, который здесь соблюдали все.

Они сели друг против друга. Элизабет примостилась рядом со Стивом, который и не скрывал, что находит ее невероятно привлекательной, а Тибо занял место рядом с Меган, которая не проявляла к нему какого бы то ни было интереса, поскольку ее намного больше волновал Мэтт.

Измученная пухлая официантка пронеслась мимо и, едва поравнявшись со столиком, выкрикнула:

— Еще крабов?

— Можешь принести крабов когда захочешь, — хором ответили студенты.

Повсюду Тибо слышал один и тот же ответ. Второй вариант, который он услышал, звучал так: «Не могу поверить, что мне принесли крабов!» Это явно означало, что больше ничего не нужно. Все это напомнило ему «Шоу ужасов Рокки Хоррора», где главные герои заранее знали ответы, а новичкам приходилось все осваивать налету.

Еда оказалась первоклассной. Меню включало лишь одно блюдо, которое всегда готовилось одинаково, и каждое ведерко прибывало с набором дополнительных салфеток и нагрудников. Несъедобные части краба кидались в центр стола — еще одна традиция, — и тинейджеры в фартуках то и дело подходили, чтобы собрать их и унести.

Как и было обещано, студенты оказались шумными и энергичными. Шутки без умолку, ненавязчивое внимание к персоне Элизабет и два пива на каждого только добавили веселья. После ужина Элизабет взяла Тибо под руку.

— Готов танцевать шэг? — спросила она.

— Не уверен. Как это делается?

— Учиться танцевать шэг — это все равно что учиться быть южанином. Это значит учиться расслабляться, когда слышишь шум океана и чувствуешь музыку.

— Я так понимаю, ты уже делала это раньше.

— Один или два раза, — ответила она с притворной скромностью.

— И ты меня научишь?

— Я буду твоей партнершей. Но урок начинается в девять.

— Урок?

— Каждым субботним вечером. Вот почему собралось так много народу. Они устраивают урок для новичков, пока завсегдагаи отдыхают. Мы просто будем делать то, что говорят. Все начинается в девять.

— Сколько времени?

Она бросила взгляд на часы:

— Время научиться танцевать шэг.

Элизабет танцевала намного лучше, чем говорила, благодаря чему он тоже чувствовал себя на танцполе увереннее. Но больше всего в танцах с ней ему нравилось сильное, как электрический разряд, напряжение, которое он ощущал всякий раз, когда они дотрагивались друг до друга, и ее аромат — запах разгоряченного тела и духов, который волной обдавал его, когда он выпускал ее из объятий. Ее волосы растрепались на влажном воздухе, а кожа блестела, покрывшись каплями пота, так что она казалась естественной и дикой. То и дело она поднимала на него глаза, когда раскручивалась в танце, удаляясь от него, ее губы изгибались в игривой улыбке, как будто она точно знала, как нее это на него действует.

Когда группа решила передохнуть, его первым желанием было сбежать с танцпола с остальными, но Элизабет остановила его, услышав первые аккорды песни «Незабываемая» Ната Кинга, которая полилась из динамиков. Она взглянула на него, и он тут же понял, что делать.

Не говоря ни слова, он завел руку ей за спину, потом завладел ее ладонью и положил ее туда, куда следует. Он не отводил глаз, притянув ее к себе, и медленно, как никогда, они задвигались под музыку и закружились в танце.

Тибо едва заметил, что на танцпол вышли и другие пары. Под музыку, звучащую на заднем плане, Элизабет прильнула к нему так близко, что он чувствовал каждый ее медленный и протяжный вдох. Он закрыл глаза, когда она положила голову ему на плечо, и в то мгновение все остальное перестало для него существовать. И песня, и место, и пары вокруг них. Только это. Только она. Он полностью отдался наслаждению, чувствуя, как ее тело прижимается к нему, они медленно кружились по усыпанному опилками полу, потерявшись в мире, который словно был создан только для них двоих.

* * *

Когда они ехали домой по темным улицам, Тибо держал Элизабет за руку и чувствовал, как она медленно скользит по его коже большим пальцем. В машине стояла тишина.

Когда он заехал на подъездную аллею незадолго до одиннадцати, Зевс все еще лежал на веранде и поднял голову, когда Тибо, заглушив двигатель, повернулся к ней.

— Я чудесно провел время сегодня вечером, — пробормотал он. Он ожидал, что она скажет то же самое, но ее ответ удивил его.

— Разве ты не пригласишь меня в дом? — предложила она.

— Приглашу, — просто ответил он.

Зевс сел, когда Тибо распахнул дверь машины перед Элизабет, и встал, когда она вышла. Пес завилял хвостом.

— Привет, Зевс! — крикнула она.

— Ко мне, — скомандовал Тибо, и пес спрыгнул с веранды и побежал к ним. Он бегал вокруг них обоих и лаял, переходя на писк. Его пасть наполовину открылась, как будто он хотел улыбнуться, жаждая привлечь их внимание.

— Он скучал без нас, — сказала она, склонившись к собаке. — Ведь правда, большой мальчик? — Когда она наклонилась еще ниже, Зевс лизнул ее лицо. Выпрямившись, она наморщила нос, прежде чем вытереть лицо. — Не очень-то приятно.

— Для него напротив, — возразил Тибо. Он шагнул к дому — Ты готова? Должен тебя предупредить: не стоит ждать слишком многого.

— У тебя в холодильнике есть пиво?

— Да.

— Тогда не стоит об этом беспокоиться.

Они поднялись в дом по лестнице. Тибо открыл дверь и щелкнул выключателем: одинокая напольная лампа едва освещала мягкое кресло у окна. В центре комнаты стоял кофейный столик, украшенный парой свечей. Рядом с ним находился средних размеров диван. И диван, и кресло были покрыты одинаковыми темно-синими чехлами, позади размещалась книжная полка, где стояло немного книг. Пустая подставка для журналов с еще одной напольной лампой довершали минималистское убранство.

И все же у него было очень чисто. Тибо позаботился об этом раньше, еще днем. Полы из сосновой доски были подметены, окна — вымыты, пыль — вытерта. Он не любил мусор и презирал грязь. Вечная пыль в Ираке только усилила его любовь к чистоте.

Элизабет окинула взглядом помещение, прежде чем ступила на порог гостиной.

— Мне здесь нравится, — призналась она. — Где ты взял мебель?

— Она прилагалась к дому, — объяснил он.

— Что объясняет наличие чехлов.

— Именно.

— А телевизора нет?

— Нет.

— А радио?

— Нет.

— И что же ты делаешь, когда бываешь здесь?

— Сплю.

— И?

— Читаю.

— Романы?

— Нет, — сказал он, но потом признался: — На самом деле их тоже, но редко. По большей части я читаю биографии и исторические книги.

— Никаких учебников по антропологии?

— У меня есть книга Ричарда Лики, — сказал он. — Но мне не нравится большинство новых увесистых книг по антропологии, которые сейчас в основном выпускаются в этой области.

Она кружила вокруг мебели, проводя пальцем по чехлам.

— О чем он писал?

— Кто? Лики? Она улыбнулась:

— Да. Лики.

Он поджал губы, приводя мысли в порядок.

— Традиционная антропология прежде всего изучает следующие пять проблем: когда началась эволюция человека, когда он начал ходить прямо, откуда взялось такое множество гоминидов, как и почему развивались эти особи и какую роль все это играет в истории эволюции современного человека. В книге Лики главным образом рассматриваются четыре последних вопроса с особым акцентом на том, как изготовление орудий труда и оружия повлияло на эволюцию *Homo sapiens*.

Бет не смогла скрыть изумления, и он заметил, что она явно была поражена.

— Как насчет пива? — наконец спросила она.

— Я буду через минуту, — сказал он. — Устраивайся поудобнее.

Тибо вернулся с двумя бутылками пива и спичечным коробком. Элизабет расположилась посреди дивана; он подал ей одну из бутылок и присел рядом с ней, бросив спички на столик.

Она тут же взяла спички и зажгла одну, глядя, как ожил маленький огонек. Быстрым движением руки она поднесла спичку к фитилям и зажгла обе свечи, потом затушила спичку.

— Надеюсь, ты не возражаешь. Я люблю запах свечей.

— Нисколько.

Он поднялся с дивана, чтобы выключить лампу, теперь комнату освещали лишь мерцающие свечи. Он подвинулся поближе к ней, вернувшись на диван, и увидел, как она смотрит на пламя свечи, ее лицо наполовину было сокрыто в тени. Он сделал глоток пива, недоумевая, о чем она сейчас думает.

— Знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз оставалась в комнате с мужчиной при свете свечей? — спросила она, обратив к нему лицо.

— Нет, — ответил он.

— Это хитрый вопрос. Ответ — «никогда». — Она, похоже, сама удивилась при мысли об этом. — Разве это не странно? Я была замужем, у меня есть ребенок, я встречалась с мужчинами, и никогда раньше такого не случалось. — Она поколебалась. — И если хочешь знать правду, я впервые осталась наедине с мужчиной у него дома со времен развода. — На ее лице отразилось смущение. — Скажи мне кое-что, — произнесла она, приблизившись к нему, так что между их лицами осталась всего пара дюймов. — Ты пригласил бы меня, если бы я не

напросилась сама? Отвечай честно, я вижу, когда ты лжешь.

Он покрутил в руках бутылку.

— Не уверен.

— Почему нет? — напирала она. — Что во мне такого...

— Дело не в тебе, — перебил он. — Дело, скорее, в Нане и в том, что она может подумать.

— Потому что она твой начальник?

— Потому что она твоя бабушка. Потому что я ее уважаю. Но самое главное, потому что я уважаю тебя. Я чудесно провел время сегодня вечером. Я и вспомнить не могу, когда и с кем за последние пять лет мне удавалось провести время приятнее.

— И все же ты не пригласил бы меня. — Казалось, Элизабет сбита с толку.

— Я этого не говорил. Я сказал, что не уверен.

— А это означает «нет».

— Это означает, что я раздумывал над тем, как бы тебя пригласить, чтобы ты не обиделась, но ты меня опередила. Но если на самом деле ты намеревалась узнать, хотел ли я тебя приглашать, то я отвечаю: да, хотел. — Он коснулся коленом ее ноги. — А почему мы об этом говорим?

— Видишь ли, мне не особенно везло в любви.

Он был достаточно умен, чтобы промолчать, но когда он поднял руку, то почувствовал, как Элизабет прильнула к нему.

— Сначала это меня не волновало, — наконец заговорила она. — То есть я была так занята Беном и школой, что не обращала на это внимания. Но потом, когда такое стало происходить снова и снова, я начала удивляться. Я начала удивляться себе. И я задавала себе всякие глупые вопросы. Что я делаю не так? Может быть, я уделяю мужчинам недостаточно внимания? Может, я как-нибудь странно пахну? — Она попыталась улыбнуться, но не смогла скрыть охватившую ее грусть и сомнения. — Как я и говорила, сущее сумасшествие. Потому что периодически я знакоилась с мужчинами и думала, что вот с этим парнем мы отлично ладим, а потом он ни с того ни с сего исчезал. Причем они не просто переставали звонить, если мы случайно где-то сталкивались, они вели себя так, словно у меня чума. Я не понимала этого. И до сих пор не понимаю. Это беспокоило меня, даже ранило. Со временем мне становилось все сложнее и сложнее обвинять в этом мужчин, и в итоге я пришла к выводу, что это со мной что-то не так. Что, возможно, мне просто суждено прожить жизнь в одиночестве.

— С тобой все так, — сказал он, ободряюще погладив ее по руке.

— Только дай мне шанс. И я уверена, ты что-нибудь обнаружишь.

За этой шуткой Тибо услышал горечь обиды.

— Нет, — сказал он. — Думаю, не обнаружу.

— Ты милый.

— Я честный.

Она улыбнулась, глотнув пива:

— По большей части — да.

— Ты думаешь, я нечестен?

Она пожала плечами:

— Я же сказала: по большей части — честен.

— Что это значит?

Она поставила бутылку на столик и собралась с мыслями.

— Я думаю, ты потрясающий парень. Ты толковый, много работаешь, добрый, прекрасно относишься к Бену. Это я знаю или по крайней мере думаю, что знаю, потому что вижу это собственными глазами. Но именно то, что ты недоговариваешь, заставляет меня сомневаться на твой счет. Я говорю себе, что знаю тебя, а потом, когда думаю об этом, понимаю, что не знаю. Каким ты был в университете? Не знаю. Что случилось после этого? Не знаю. Я знаю, что ты служил в Ираке и что пришел сюда пешком из Колорадо, но не знаю почему. Когда я спрашиваю, ты отвечаешь, что «Хэмптон — приятное местечко». Ты умный человек, выпускник университета, но готов довольствоваться минимальной зарплатой. Когда я интересуюсь почему, ты говоришь, что любишь собак. — Она провела рукой по волосам. — Дело в том, что у меня возникает ощущение, как будто ты говоришь правду. Ты все это не сочиняешь. Но то, о чем ты умалчиваешь, как раз и могло бы помочь мне понять, кто ты есть на самом деле.

Слушая ее, Тибо пытался не думать обо всем, что утаил от Элизабет. Он знал, что не может рассказать ей все; он никогда ей все не расскажет. Она ни за что не сможет понять, и все же... он хотел, чтобы она узнала, какой он на самом деле. Больше всего, понимал он, ему хотелось, чтобы она приняла его.

— Я не говорю об Ираке, поскольку не люблю вспоминать, что там было, — сказал он.

Она покачала головой:

— Не обязательно об этом рассказывать, если не хочешь...

— Хочу, — возразил он тихо. — Я знаю, ты читала газеты, так что у тебя сложилось представление о том, каково это. Но все не так, как ты представляешь, и я никак не смогу описать происходившее, чтобы оно стало для тебя реальным. Это нечто, что нужно пережить самому. То есть по большей части все было не столь ужасно, как ты, возможно, думаешь. Часто — в основном — все было нормально. Мне многое давалось легче, чем остальным, ведь я не имел ни жены, ни детей. У меня были друзья, были рутинные обязанности. В основном я делал все на автомате. Но иногда бывало плохо. Действительно плохо. Настолько плохо, что мне хочется забыть о том, что я вообще там был.

Она помолчала, потом спросила:

— И ты здесь, в Хэмптоне, из-за того, что произошло в Ираке?

Он взял за этикетку от бутылки пива, отковырял уголок и принялся царапать ногтем стекло.

— В некотором смысле — да.

Элизабет уловила сомнение в голосе Тибо и коснулась его рукой. Казалось, это разбудило в нем какие-то чувства.

— Моим лучшим другом в Ираке был Виктор, — начал Тибо. — Он прошел со мной через все три срока службы. Наше подразделение понесло большие потери, и в конце концов я понял, что хочу оставить все позади и больше к этому не возвращаться. Мне это удалось по большей части, а для Виктора все оказалось сложнее. Он не мог перестать думать об этом. После ухода из вооруженных сил мы разошлись и попытались начать собственную жизнь. Он отправился домой в Калифорнию, я вернулся в Колорадо, но мы продолжали общаться: разговаривали по телефону, писали друг другу e-мейлы, причем оба делали вид, будто нас не смущает то, что пока мы за последние четыре года каждый день боролись за жизнь, на родине все вели себя так, словно наступил конец света, если им не досталось место на парковке или они получили не тот латте в «Старбаксе». Как бы там ни было, мы решили встретиться и поехали на рыбалку в Миннесоту.

Тибо замолчал, не желая вспоминать о случившемся, но знал, что придется. Он сделал большой глоток пива и отставил бутылку в сторону.

— Дело было прошлой осенью, и я... я был просто счастлив увидеть его снова. Мы не говорили о службе в Ираке, не было такой необходимости. Просто провести пару дней с человеком, который знал, через что тебе пришлось пройти, было достаточно для нас обоих. Дела Виктора к тому времени шли хорошо. Не отлично, но хорошо. Он женился, и они ждали ребенка. И я помню, что думал: хоть ему до сих пор снятся кошмары и то и дело мерещатся страшные образы из прошлого, в итоге все наладится.

Он посмотрел на нее с чувством, которое она не смогла определить.

— В последний день мы отправились на рыбалку с утра пораньше. В маленькой гребной лодке нас было только двое, и когда мы выплыли, вода в озере стояла ровно, как стекло, создавалось ощущение, будто мы всколыхнули ее первые. Я помню, как над озером закружил ястреб, и когда по зеркальной поверхности скользнуло его отражение, я подумал, что никогда не видел ничего столь прекрасного. — Он покачал головой, погружившись в воспоминания. — Мы собирались закончить, прежде чем на озере появится слишком много народу; потом мы планировали отправиться в город выпить пива и поесть стейков. Чтобы отпраздновать конец путешествия. Но мы, видимо, потеряли счет времени и задержались на озере.

Он потер лоб, пытаясь сохранить спокойствие.

— Я уже обратил внимание на этот катер. Не знаю, почему я заметил именно его среди всех других. Быть может, это как-то было связано со службой в Ираке, но я помню, что решил приглядывать за людьми, сидевшими на катере. Хотя это было странно. Ведь они не делали ничего необычного. Просто подростки, которые развлекались на воде, катаясь на водных лыжах и надувных подушках. Их было шестеро — три девушки и три парня. И было ясно, что они решили в последний раз порезвиться на воде, пока погода позволяла.

Когда Тибо продолжил, его голос зазвучал хрипло.

— Я чувствовал, что так будет, — сказал он. — И я знал: произойдет что-то страшное, прежде чем все увидел. Есть такой особенный звук, который издает двигатель, когда аппарат поворачивается к тебе и мчит на полной скорости. Как будто шум на миллисекунду отстаёт от двигателя, так что это можно ощутить только на подсознательном уровне, и я понял: мы в

беде. Я едва успел повернуть голову, прежде чем увидел катер, несущийся на нас со скоростью тридцать миль в час. — Он сжал пальцы. — К тому времени Виктор уже осознал, что происходит, и у меня до сих пор перед глазами его лицо с выражением жуткого страха и удивления. Такое же выражение было на лицах моих друзей в Ираке прямо перед тем, как их убили. Он выдохнул.

— Катер протаранил нашу лодку. Удар пришелся Виктору прямо в голову, смерть наступила мгновенно. Только что мы говорили о том, как он счастлив в браке, и через мгновение он, мой лучший друг; лучший друг, который у меня когда-либо был, погиб.

Элизабет положила руку ему на колено и погладила его. Ее лицо побледнело.

— Мне так жаль... Казалось, он ее не слышит.

— Это просто несправедливо, знаешь? Пережить три срока в Ираке, пройти через самое страшное... только для того, чтобы потом погибнуть на рыбалке? Все это как-то не вязалось одно с другим. После этого не знаю... я чувствовал себя отвратительно. Не физически. А духовно. Словно я на долгое время провалился в какую-то глубокую нору. У меня просто опустились руки. Я не мог есть. Я не мог спать больше, чем пару часов по ночам, а иногда не мог заставить себя перестать плакать. Виктор признался мне, что его преследуют лица мертвых солдат, а после его смерти меня тоже стали преследовать видения. Ни с того ни с сего война снова приобрела первостепенное значение. Всякий раз, отправляясь спать, я видел Виктора или сцены батальи, которые нам пришлось пережить, и меня начинало трясти. Только одно не позволило мне совсем сойти с ума — Зевс.

Он замолчал и посмотрел на Элизабет. Несмотря на неприятные мысли, его поразила красота ее лица и темно-золотое покрывало волос.

На ее лице читалось сочувствие.

— Не знаю, что и сказать.

— И я не знаю. — Он пожал плечами. — До сих пор.

— Ты же понимаешь, что не виноват, правда?

— Да, — пробормотал он. — Но на этом история не заканчивается. — Он накрыл ее руки своей ладонью, зная, что слишком далеко зашел, чтобы оборвать рассказ. — Виктор любил говорить о судьбе, — наконец произнес он. — Он верил во всякие знамения, и в последний день, что мы провели вместе, он сказал, что я узнаю свою судьбу, когда найду ее. Я не мог выкинуть эту мысль из головы, хотя очень старался. Слышал, как он повторяет это снова и снова, и постепенно я сам пришел к выводу, что хоть я и не знаю, где ее нужно искать, но уж точно не в Колорадо. В конце концов я собрал рюкзак и просто отправился в путь. Мама подумала, что я помешался. Но с каждым шагом ко мне возвращалось ощущение того, что я снова становлюсь полноценным человеком. Как будто именно путешествие и призвано было меня излечить. А к тому времени как я добрался до Хэмптона, я знал, что не хочу идти дальше. Именно в это место мне и суждено было попасть.

— Поэтому ты остался.

— Да.

— А твоя судьба?

Тибо не ответил. Он раскрыл ей правду настолько, насколько мог, а лгать он не хотел. Он задержал взгляд на ее руке и вдруг почувствовал, что все это неправильно. Он знал: следует прекратить это прежде, чем все пойдет еще дальше. Встать с дивана и проводить ее до машины. Пожелать спокойной ночи и уехать из Хэмптона до восхода солнца. Но он не мог произнести эти слова; он не мог заставить себя подняться с дивана. Что-то еще завладело им, и он повернулся к ней, осененный новым открытием. Он прошел через всю страну в поисках женщины, которую видел только на фотографии, и теперь медленно, но верно влюблялся в эту реальную, ранимую и красивую женщину, которая помогла ему почувствовать себя живым так, как он не чувствовал со времен войны. Он не мог понять этого в полной мере, но никогда в жизни не испытывал большей уверенности в чем-либо.

Выражение ее лица подсказано ему, что она чувствует то же самое, и он нежно притянул ее к себе. Когда ее лицо оказалось совсем близко, он ощутил тепло ее дыхания и коснулся губами ее губ сначала один, потом два раза, и они слились в долгом поцелуе.

Запустив руки в ее волосы, он целовал ее со всей страстью, что у него была, всем чувством, что он мог ей дать. Она тихо застонала от удовольствия, когда обвила его руками. Он приоткрыл рот, почувствовал, как их языки встретились, и внезапно понял, что происходящее — это именно то, что нужно ему, то, что нужно им обоим. Он нежно покрыл поцелуями ее щеки и шею, а потом снова вернулся к губам. Они поднялись с дивана, все еще не выпуская друг друга из объятий, и он медленно повел ее в спальню.

Они не торопились, занимаясь любовью. Тибо медленно двигался над ней, желая, чтобы это продолжалось вечно, и шептал ей слова любви. Он чувствовал, как она вздрагивает от удовольствия снова и снова. Потом она свернулась в его объятиях, все еще извиваясь от наслаждения. Они болтали, и смеялись, и прижимались друг к другу, и после того, как занялись любовью во второй раз, он лег подле нее и, глядя ей прямо в глаза, осторожно провел пальцем по ее щеке. Он почувствовал, как где-то внутри его зародились слова, которые, ему казалось, он никогда никому не скажет.

— Я люблю тебя, Элизабет, — прошептал он, зная, что это чистая правда.

Она притянула к себе его руку и принялась целовать пальцы один за другим.

— Я тоже тебя люблю, Логан.

Глава 17

КЛЕЙТОН

Кит Клейтон уставился на Бет, когда она вышла из дома. Он точно знал, что там произошло. Чем дольше он об этом думал, тем больше хотел последовать за ней и устроить ей небольшой выговор, как только она вернется домой. Разобраться в ситуации так, чтобы она поняла и осознала: подобное поведение просто неприемлемо. Например, при помощи пары ударов, таких, чтобы не сделать ей больно, но заставить поверить: он говорит дело. Не то чтобы он правда собирался так поступить. Он никогда не бил Бет. Он не такой человек.

Что, черт подери, происходит? Неужели все может пойти еще хуже?

Сначала выясняется, что парень работает в питомнике. Потом они пару раз ужинают у нее дома, обмениваясь глупыми взглядами, как в дерьмовых голливудских фильмах. А затем события принимают неожиданный оборот: они тащатся в этот танцевальный притон для неудачников, и после этого (в чем он не сомневался, хотя за шторами ничего и не было видно)

она начинает вести себя как заправская шлюха. Возможно, на диване. Возможно, потому что она перебрала алкоголя.

Он помнил эти дни. Дай женщине пару бокалов вина, подливай, когда она отворачивается, или добавь ей в пиво немного водки. Дождись, пока она не начнет говорить с запинками, а потом наслаждайся великолепным сексом прямо здесь, в гостиной. Алкоголь в этом отлично помогает. Дай женщине напиться до чертиков, и она не только не сможет отказать, но и превратится в настоящую тигрицу. Наблюдая за домом, он без труда мог представить, как выглядело ее тело, когда она сняла одежду. Если бы он не был так зол, осознание того, что она там раздевается, вся потная и разгоряченная, могло бы его возбудить. Но проблема крылась в другом: она вела себя не как образцовая мать, Ведь правда?

Он знал, как это происходит. Как только она начнет заниматься сексом с парнями, с которыми встречается, это будет казаться нормальным и правильным. Когда это покажется нормальным и правильным, она займется этим и на других свиданиях. Просто, как дважды два. Сначала один парень, потом два, потом четыре, или пять, или десять, или двадцать, а он меньше всего хотел, чтобы в жизни Бена появилась нескончаемая череда парней, которые будут подмигивать ему, выходя из дверей, словно хотят сказать: «А твоя мама точно горячая штучка».

Он этого не допустит. Бет глупа в том же смысле, что и другие женщины, вот почему он следил за ней все эти годы. И все шло прекрасно до того момента, пока в городе не появился Тай-болт.

Этот парень — просто кошмар. Казалось, его единственная цель — разрушить жизнь Клейтона.

Что ж, этого не произойдет, правда?

Он кое-что узнал о Тай-болте за последнюю неделю. Не только то, что он работает в питомнике (какова, кстати, была вероятность найти работу именно там?), но и что он обитает в ветхом сарае у леса. После парочки якобы официальных звонков в полицию Колорадо профессиональная этика помогла довершить начатое. Он выяснил, что Тай-болт окончил Университет Колорадо. Он служил в морской пехоте, воевал в Ираке и получил несколько положительных отзывов. Но интереснее всего, что пара ребят из его взвода говорили о нем так; словно он заключил сделку с дьяволом, чтобы остаться в живых.

Он задался вопросом: что на это сказала бы Бет?

Он в это не верил. Он встречал достаточно морских пехотинцев, чтобы понять: большинство из них не умнее чурбана. Но в этом парне было нечто скользкое, раз ему не доверяли даже однополчане-пехотинцы.

И зачем идти через всю страну, чтоб осесть здесь? Парень никого не знал в городе, а судя по тому, что удалось выяснить, он никогда раньше здесь не бывал. В этом тоже есть нечто подозрительное. Более того, Клейтон не мог избавиться от чувства, что ответ у него перед носом, но он его не видит. Он сможет. У него всегда это получалось.

Клейтон продолжал таращиться на дом, подумывая, что пришло время разобраться с этим парнем. Но все же не сейчас. Не сегодня вечером. Не в присутствии собаки. Быть может, на следующей неделе. Когда Тай-болт будет на работе.

Вот в чем состояла разница между ним и другими людьми. Большинство жили как преступники: сначала действия, потом волнения о последствиях. Но не Кит Клейтон. Он обдумывал все заранее. Он планировал. Он предугадывал события. В этом и крылась главная

причина, почему он до сих пор ничего не предпринял, даже когда увидел, как они приехали сюда сегодня, хотя и знал, что происходило в доме. Даже наблюдая, как Бет вышла на улицу с раскрасневшимся лицом и растрепанными волосами, он знал, что в конечном счете это вопрос власти. А сейчас власть в руках Тай-болта. Из-за карты памяти. Карты памяти с фотографиями, которые могли перекрыть нескончаемый поток денег, текущий в руки к Клейтону.

Но власть — ничто, когда ее не используют. А Тай-болт ее не использовал. Что означало: Тай-болт либо не понял, чем завладел, либо избавился от карты, либо относился к тем людям, которые не лезут в чужие дела.

А возможно, и то, и другое, и третье.

Клейтон в этом удостоверится. Самое важное — в первую очередь, так сказать. А это означало, что ему придется поискать карту памяти. Если она до сих пор у этого парня, он найдет ее и уничтожит. Власть вернется и руки Клейтона, и Тай-болт получит сполна то, что заслужил. А если Тай-болт избавился от карты, как только ее нашел? Еще лучше. Он покажет Тай-болту, кто здесь хозяин. А у них с Бет все потихоньку пойдет на лад. Вот что самое важное.

Черт, а она была хороша, когда выходила из дома. Было что-то притягательное и сексуальное в том, чтобы смотреть на нее и знать, что она сделала, пусть даже с Тай-болтом. Много времени прошло с тех пор, как она была с мужчиной, и теперь она казалась... другой. Более того, он знал, что после этого вечера она точно готова на большее.

Идея о друзьях по расчету с каждым днем выглядела заманчивее.

Глава 18

БЕТ

— Я так понимаю, вы хорошо провели время, — протянула Нана.

Наступило воскресное утро, и Бет только что добралась до кухонного стола. Бен все еще спал наверху.

— Хорошо, — подтвердила она, зевнув.

— И?

— И... ничего особенного.

— Ты поздно вато вернулась, есть учесть, что вы не делали ничего особенного.

— Не так уж и поздно. Ты же видишь: я свежа и встала рано. — Она засунула голову в холодильник и закрыла дверь, ничего оттуда не взяв. — Это было бы невозможно, если бы я слишком поздно явилась домой. А откуда такое любопытство?

— Я всего лишь хочу знать, будет ли у меня этот работник в понедельник.

Нана налила себе чашку кофе и рухнула на стул у стола.

— Не вижу причин, по которым он мог бы уволиться.

— Значит, все прошло хорошо?

На этот раз Бет выдержала паузу, вспоминая о вечере. Помешав кофе, она впервые почувствовала себя счастливее, чем обычно, за много лет.

— Да, — произнесла она. — Все прошло хорошо.

В последующие дни Бет старалась проводить с Логаном как можно больше времени, но так, чтобы все не стало очевидно для Бена. Она точно не знала, почему это казалось ей важным. Это вполне соответствовало советам, которые обычно дают семейные консультанты в случае любовных отношений, когда в семье есть дети. Но в душе она знала, что главная причина не в этом. Просто в том, чтобы притворяться, будто между ними все по-прежнему, было нечто волнующее. Так их отношения представлялись чем-то недозволенным, почти как роман на стороне.

Конечно, им не удалось одурачить Нану. В то время, как Бет с Логаном усиленно работали над тем, чтобы сохранить видимость дружбы, Нана то и дело бормотала какую-то бессмыслицу вроде «парочка верблюдов в Сахаре» или «как волосы и туфли». Позже, оставшись наедине с Логаном. Бет пыталась объяснить, что бабушка имела в виду. Под первым, очевидно подразумевалось, что они созданы друг для друга; над вторым пришлось думать дольше, она терялась в догадках, пока Логан, пожав плечами, не предположил: «Возможно, это как-то связано со сказками „Рапунцель“ и „Золушка“?»

Сказки. Но только хорошие, с концом типа «и жили они долго и счастливо». Нана была с ними мила, но мягкотелости не проявляла.

Те минуты наедине, что они посвящали друг другу украдкой, были полны какого-то фантастического напряжения. Бет ловила каждое его движение и жест, замороженная тем, как он тихо брал ее за руку, когда они шли за Беном на вечерней прогулке, и отпускал ее, как только Бен вновь появлялся в поле зрения. Логан интуитивно чувствовал, насколько далеко мог забрести Бен, — умение, которое, полагала она, Логан приобрел в армии. И ей импонировало, что ее желание временно сохранять их роман в тайне несколько его не смущало.

К ее облегчению, Логан продолжал относиться к Бenu точно так же, как раньше. В понедельник Логан пришел с маленьким набором из лука и стрел, который купил в спортивном магазине. Они с Беном целый час стреляли по мишеням, но в основном потратили время на поиски попавших мимо цели стрел, которые оказались в колючих кустах падуба или воткнулись в ветки деревьев, так что оба в итоге были по локоть в царапинах. После ужина они засели за игру в шахматы в гостиной, пока Бет с Наной прибирались на кухне. Вытирая тарелки, она пришла к выводу, что, если и не существует других причин, по которым она могла бы любить Логана вечно, одного его отношения к ее сыну уже достаточно.

Несмотря на конспирацию, они все же находили предлоги остаться наедине. Во вторник, когда она вернулась из школы, она заметила, что Логан с позволения Наны установил садовые качели, чтобы «не приходилось сидеть на ступеньках». Пока Бен был на уроке музыки, она наслаждалась медленным размеренным покачиванием, сидя рядом с Логаном. В среду они вместе поехали в город, чтобы купить еще одну партию собачьей еды. Всего лишь повседневные дела, но ей было достаточно просто находиться рядом с ним. Иногда, когда они оставались вдвоем в грузовике, он обнимал ее одной рукой, а она прижималась к нему, упиваясь своим счастьем.

Она думала о нем и на работе, воображая, чем он сейчас занимается, или гадая, о чем говорят

они с Наной. Она представляла, как его мокрая от пота рубашка прилипает к телу или как напрягаются вены на его предплечьях, когда он дрессирует собак. Утром в четверг Логан с Зевсом показались на подъездной аллее в преддверии очередного рабочего дня, и она отвернулась от окна на кухне. Нана сидела за столом, медленно натягивая резиновые сапоги. Эта и без того сложная задача становилась еще труднее, ведь ее рука до сих пор была слаба. Бет откашлялась.

— Можно Логану взять сегодня отгул? — спросила она.

Нана не потрудилась скрыть хитрую ухмылку:

— А что?

— Хочу уехать с ним сегодня. Только я и он.

— Как насчет школы?

Она уже оделась и собрала с собой обед.

— Я думала позвонить и сказать, что я заболела.

— Ах! — произнесла Нана.

— Я люблю его, Нана, — выдала она.

Нана покачала головой, сверкнув глазами:

— А я все недоумевала, когда же ты наберешься смелости и скажешь об этом, чтобы мне больше не пришлось выдумывать эти глупые ребусы.

— Прости.

Нана встала и потопала пару раз, удостоверившись, что сапоги сели как надо. Пол покрылся тонким слоем пыли.

— Полагаю, сегодня я управлюсь сама. Вероятно, это даже будет для меня полезно. Я все равно слишком много смотрю телевизор.

Бет заправила прядь волос за ухо.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. Только не превращай это в привычку. Он лучший работник из всех, кто у нас был.

Они провели всю вторую половину дня в объятиях друг друга, снова и снова занимаясь любовью, а когда настало время возвращаться домой (она хотела успеть к возвращению Бена из школы), она еще крепче уверилась в том, что Логан любит ее так же сильно, как и она его, и что он тоже мечтает провести всю оставшуюся жизнь с ней.

Ее счастье омрачало лишь одно — ощущение, что Логана что-то беспокоит. Дело было не в ней, в этом она не сомневалась. И не в их отношениях; то, как он вел себя с ней наедине, позволяло исключить этот вариант. Было нечто еще, нечто, что она не могла распознать. Но, подумав об этом хорошенько, она поняла, что впервые заметила перемену в его поведении во второй

половине дня во вторник, сразу после того как приехала домой с Беном.

Бен, как обычно, пулей выскочил из машины, чтобы поиграть с Зевсом и успеть выпустить пар до урока музыки. Когда забежала в питомник перекинуться парой слов с Наной, она заметила, как Логан стоит во дворе, засунув руки в карманы, и явно о чем-то размышляет. Даже обняв ее рукой в грузовике, он явно был чем-то озабочен. А сегодня вечером после игры в шахматы с Беном он отправился на веранду в одиночестве.

Бет присоединилась к нему пару минут спустя и села рядом на качелях.

— Тебя что-то беспокоит? — наконец спросила она. Он уклонился от прямого ответа.

— Не уверен, — сказал он.

— Это я тебя расстроила?

Он покачал головой и улыбнулся:

— Вовсе нет.

— Что происходит?

Он поколебался.

— Не уверен, — повторил он.

Она пристально посмотрела на него из-под опущенных ресниц:

— Ты хочешь об этом поговорить?

— Да, — сказал он. — Но не сейчас.

В субботу, когда Бен был у отца, они отправились на пляж Сансет-Бич близ Уилмингтона.

К тому времени летнее столпотворение уже рассосалось, и если не считать нескольких человек, прогуливавшихся по пляжу, он оказался в их полном распоряжении. Океан, подогреваемый Гольфстримом, еще был достаточно теплым, чтобы купаться, и они бродили по полосе прибоя по колена в воде, а Логан бросал вдаль теннисный мячик. Зевс веселился до упаду, яростно шлепая по воде и периодически сопровождая действие громким лаем, словно хотел запугать мячик, чтобы тот не двигался с места.

Она собрала с собой кое-какую еду и полотенца, и, когда Зевс устал, они удалились в глубь пляжа и расположились на пикник. Она последовательно вытащила заготовки для бутербродов и порезала свежие фрукты. Пока они ели, на горизонте показался креветочный траулер, и Логан надолго уставился на него с той же озабоченностью, которую она периодически замечала у него на протяжении всей недели.

— У тебя опять этот вид, — наконец сказала Бет.

— Какой вид?

— Раскалывайся, — велела она, проигнорировав его вопрос. — Что тебя гложет? И никаких уклончивых ответов на этот раз.

— Я в порядке, сказал он, повернувшись и посмотрев ей в глаза. — Я знаю, я вел себя несколько странно в последние дни, но я просто пытаюсь кое в чем разобраться.

— В чем именно?

— Почему мы с тобой встречаемся.

Ее сердце забилося быстрее. Она не это ожидала услышать и почувствовала, что на лице у нее застыло странное выражение.

— Это не так прозвучало, — сказал он, быстро покачав головой. — Я имел в виду не то, что ты подумала. Я размышлял, скорее, о том, почему такая возможность вообще возникла. Это кажется нелепым.

Она нахмурилась:

— Я все еще не могу уследить за ходом твоих мыслей. Зевс, лежавший рядом, поднял голову и посмотрел на стаю чаек, приземлившихся неподалеку. Дальше, у кромки воды, плавали морские петухи и периодически ныряли за маленькими песочными крабами. Логан понаблюдал за ними, прежде чем продолжить. Когда он заговорил, его голос звучал спокойно, как у профессора, который читает лекцию по профильному предмету.

— Если ты посмотришь на это с моей точки зрения, то я вижу следующее: образованная, очаровательная, красивая женщина моложе тридцати лет, остроумная, страстная. К тому же очень соблазнительная, если она сама того пожелает. — Он одарил ее лукавым взглядом. — Другими словами, просто сокровище в глазах практически любого мужчины. — Он замолчал. — Останови меня, если тебе неприятно.

Она протянула руку и потрепала его по колену.

— Все хорошо, — сказала она. — Продолжай. Он беспокойно провел рукой по волосам.

— Вот что я пытаюсь понять. Я размышлял об этом в последнее время.

Она безуспешно силилась понять ход его мыслей. На этот раз вместо того, чтобы потрепать его по колену, она сжала его.

— Тебе надо научиться выражаться яснее. Я все еще тебя не понимаю.

Впервые со времени их знакомства она заметила тень раздражения на его лице. Однако оно тут же исчезло, и она почему-то почувствовала, что он злился скорее на себя, чем на нее.

— Я хочу сказать, что мне кажется странным то, что у тебя не было ни с кем отношений после твоего бывшего. — Он сделал паузу, словно подбирая нужные слова. — Да, у тебя есть сын, и этого достаточно, чтобы отпугнуть некоторых мужчин. Но ты ведь не скрываешь, что имеешь ребенка, и, я полагаю, большинство людей в городе знают о твоём семейном положении. Я прав?

Она поколебалась, прежде чем ответить:

— Да.

— И мужчины, которые приглашали тебя на свидания... Они все знали, что у тебя есть сын, с самого начала?

— Да.

Он устремил на нее взгляд, полный любопытства:

— Тогда где они?

Зевс положил голову ей на колени, и она почесала его за ухом, ощутив острое желание защитить себя.

— Да какая разница? — спросила она. — Если честно, я не уверена, что у меня вызывают восторг подобные вопросы. Что было в прошлом — это мое личное дело, и я уже не могу ничего изменить. И меньше всего мне хочется, чтобы ты устраивал мне допрос на тему того, с кем я встречалась, и когда я с ними встречалась, и что происходило на этих свиданиях. Я такая, какая есть, и я думала, что из всех людей ты поймешь это лучше всего, мистер Я-пришел-пешком-из-Колорадо-и-не-спрашивай-меня-почему!

Он затих, и она поняла, что он раздумывает над ее словами. Когда он снова заговорил, в его голосе неожиданно послышалась нежность.

— Я говорю это не для того, чтобы тебя разозлить. Я говорю это, поскольку считаю тебя самой замечательной женщиной из всех, что мне доводилось встречать. — Он снова сделал паузу, прежде чем продолжить, чтобы удостовериться: до нее дошел смысл сказанного. Дело в том, что я почти уверен: каждый мужчина чувствовал бы на моем месте то же самое. А поскольку ты встречалась с другими мужчинами, особенно в таком маленьком городе, где не так много свободных женщин твоего возраста, я не сомневаюсь, что они оценили бы, насколько ты потрясающий человек. Ладно, допустим, некоторые из них тебя не устраивали и ты сама отправляла их куда подальше. Но как насчет остальных? Тех, что тебе нравились? Ведь был же среди твоих многочисленных поклонников хоть один, с которым вы подходили друг другу.

Он взял пригоршню песка и медленно расставил пальцы, так что песчинки посыпались между ними.

— Вот о чем я думал. Не может быть такого, чтобы тебе не подошел ни один из них. А ты говорила, что тебе не особенно везло в личной жизни.

Он вытер руки о полотенце.

— Пока я нигде не ошибся?

Она пристально посмотрела на него, недоумевая, откуда он так много знает.

— Нет, — подтвердила она.

— И ты тоже задавалась этим вопросом, правда?

— Иногда, — призналась она. — А тебе не кажется, что ты вкладываешь в это слишком много смысла? Даже если бы я была так идеальна, как ты говоришь, не забывай, что времена изменились. Есть тысячи, если не десятки тысяч женщин, о которых можно сказать то же самое.

— Возможно. — Он пожал плечами.

— Но тебя это не разубедило.

— Нет.

Его прозрачные голубые глаза внимательно ее изучали.

— Что? Ты считаешь, здесь какой-то заговор? Вместо того чтобы ответить прямо, он потянулся за еще одной пригоршней песка.

— Что ты можешь рассказать о своем бывшем? — поинтересовался он.

— Какое это имеет значение?

— Мне любопытно, как он относится к тому, что ты встречаешься с другими мужчинами.

— Уверена, ему нет до этого никакого дела. И я понять не могу, почему ты считаешь, что это важно.

Он резко разжал пальцы, и весь песок разом высыпался из его руки.

— Потому что, — сказал он низким голосом. Он повернулся к ней: — Я почти уверен, что именно он вломился ко мне в дом на днях.

Глава 19

ТИБО

Поздно вечером в субботу после ухода Элизабет Тибо обнаружил, что в гостиной сидит Виктор, все в тех же шортах и пляжной рубашке, которые были на нем в день гибели.

Увидев его, Тибо встал как вкопанный. Единственное, что он мог делать, — это смотреть. Это было невозможно и происходило не на самом деле. Тибо знал, что Виктор умер, его похоронили близ Бейкерсфилда. Он знал, что Зевс среагировал бы, будь в доме посторонние, но пес просто побрел к миске с водой.

В тишине Виктор улыбнулся.

— Дальше — больше, — произнес он, и это прозвучало как нелепое предсказание.

Когда Тибо моргнул, Виктор исчез, и стало очевидно, что его там и не было.

Это был третий раз, когда Тибо видел Виктора, с тех пор как тот умер. Сначала это случилось на похоронах, когда Тибо обогнул церковь и увидел, что Виктор смотрит прямо на него, стоя в конце прохода.

— Ты не виноват, — сказал Виктор, прежде чем растаял в воздухе. У Тибо к горлу подступил комок, так что он чуть не начал задыхаться.

Второе явление произошло за три недели до того, как он отправился в путь. На этот раз Виктор материализовался перед ним в бакалейном магазине, когда Тибо копался в кошельке, пытаясь понять, сколько пива он может купить. Он много пил в эти дни и, подсчитывая банкноты, краем глаза заметил друга. Виктор покачал головой, но ничего не сказал. Этого и не требовалось. Тибо знал, что он хотел сказать: пора прекратить пить.

А теперь еще и это.

Тибо не верил в привидения и знал, что образ Виктора нереален. Его не преследовали призраки, пришельцы из потусторонних миров, неприкаянные души, которые несли с собой какое-то послание. Виктор был всего лишь плодом его воображения, и Тибо знал, что его подсознание само создает этот образ. В конце концов, Виктор был человеком, к которому Тибо всегда прислушивался.

Он знал, что несчастный случай на воде таковым и был — просто несчастным случаем. Парни, которые ехали в лодке, получили травмы и испытали неподдельный ужас из-за произошедшего. Что касается выпивки, он в душе знал, что алкоголь приносит больше вреда, чем пользы. Но почему-то было проще просто послушать Виктора.

Меньше всего он ожидал увидеть друга еще раз.

Он поразмыслил над словами Виктора «Дальше — больше» и задался вопросом, имеют ли они отношение к его разговору с Элизабет. Почему-то он решил, что не имеют, но все же не мог в этом разобраться и раздражался от этого. Он подозревал, что чем больше будет мучаться над ответом, тем меньше будет становиться вероятность, что он его найдет. Вот такие шутки играет с нами подсознание.

Он побрел на маленькую кухню, налил себе стакан молока, положил еды в миску Зевса и отправился в комнату. Лежа в постели, он перебирал в памяти все, что рассказал Элизабет.

Он долго и напряженно думал, стоит ли вообще заводить этот разговор. Он даже не был уверен, чего сможет добиться, кроме как открыть ей глаза на то, что Кит Клейтон скорее всего контролирует ее жизнь так, как она и не представляет.

А именно этим Клейтон и занимался. Тибо уверился в этом, когда в первый раз заметил следы налета. Конечно, в его дом мог вломиться кто угодно, любой человек, жаждущий быстрой наживы, который забрался сюда в надежде украсть какие-то вещи и сбыть их в ломбарде. Но то, как все было сделано, заставляло предположить обратное. Обыск провели слишком аккуратно. Ничего не разбросали. Все осталось на своих местах. Однако почти каждая вещь была передвинута.

В первую очередь о вторжении незнакомца свидетельствовало покрывало на кровати. На нем виднелась крохотная складочка, которую оставил некто, не умеющий заправлять покрывало, как учат в армии. Не каждый смог бы это заметить. Но Тибо заметил. Одежда, лежавшая в ящиках, также сохранила следы прикосновения чужих рук: помятость здесь, неправильно свернутый рукав там. Кто-то не только вломился в дом, пока Тибо был на работе, но и тщательно обыскал все помещения.

Но зачем? У Тибо не было ценных вещей, которые можно украсть. Заглянув в дом через окно, можно было тут же удостовериться, что ничего ценного у него нет. Не только не было электроники в гостиной, но и вторая спальня пустовала, а в его спальне стояла лишь кровать, прикроватный столик и лампа. Если не считать посуды и кухонной утвари, а также древнего электрического ножа для консервных банок, в кухне тоже было пусто. В буфете хранилась собачья еда, хлеб и кувшин с арахисовым маслом. Но кто-то потратил кучу времени, чтобы обыскать дом самым тщательным образом, и даже пошарил под матрасом. Кто-то старательно прошелся по всем его ящикам и убрал за собой.

Никаких признаков ярости из-за того, что не нашлось ничего ценного. Ни очевидного разочарования после взлома, который обернулся только потерей времени. Вместо этого вор просто попытался замести следы.

Кто бы ни побывал в доме Тибо, этот человек пришел не для того, чтобы украсть, а для того, чтобы что-то найти. Что-то определенное. Ему не понадобилось много времени, чтобы понять, что это была за вещь и кто во всем виноват.

Кит Клейтон хотел вернуть фотоаппарат. Или, скорее, хотел вернуть карту памяти. Вероятно, потому, что фотографии на ней могли доставить ему неприятности. Это не так сложно было вычислить, учитывая тот факт, чем занимался Клейтон, когда они впервые встретились.

Ладно, значит, Клейтон хотел замести следы. Но все же за его поведением скрывалось и нечто большее. И это было связано с Элизабет.

Это ненормально, что за последние десять лет у нее не сложились отношения ни с одним мужчиной. Зато это совпадало с тем, что он услышал в бильярдной, когда показывал ее фотографию местным жителям. Что там сказал один из них? Ему потребовалось время, чтобы вспомнить точные слова, и он пожалел, что не обратил тогда внимания на это замечание. Он был всецело поглощен тем, чтобы узнать имя Элизабет, и проигнорировал эти слова — непростительная ошибка. Вспоминая об этом теперь, он подумал, что в них содержалась скрытая угроза.

«...проще сказать, она ни с кем не встречается. Ее бывшему это не понравилось бы, и, поверь мне, тебе не стоит с ним связываться».

Он перебрал в памяти все, что знает о Ките Клейтоне. Член могущественного клана. Задира. Быстро выходит из себя. Обладает служебным положением, которое позволяет ему злоупотреблять властью. Человек, который считает, что заслуживает того, чего хочет, тогда, когда хочет?

Тибо не был полностью уверен в последнем, но это прекрасно вписывалось в образ Клейтона.

Клейтон не хотел, чтобы Элизабет встречалась с другими. Элизабет долгие годы не имела ни с кем серьезных отношений. Элизабет периодически задавалась вопросом «Почему?», но никогда даже не задумывалась о возможной связи бывшего мужа с неудавшимися романами. Тибо казалось вполне вероятным, что Клейтон манипулировал людьми и событиями и по крайней мере в одном аспекте до сих пор полностью контролировал ее жизнь. Раз Клейтон знал, что Элизабет встречалась с кем-то в прошлом, значит, он следил за ней все эти годы. Так же, как и следит сейчас.

Было несложно представить, как Клейтон положил конец ее предыдущим романам, но пока он не мешал им с Элизабет. Пока Тибо не видел, чтобы он за ними шпионил, как и не замечал ничего странного. Зато Клейтон вломился к нему в дом в поисках карты памяти, когда, как он знал, Тибо был на работе.

Хотел разобраться со всем по порядку?

Наверное. Вопрос лишь в том, на чем он остановится. На том, чтобы выгнать Тибо из города, самое меньшее? И все же Тибо не мог избавиться от чувства, что этим дело не кончится. Как сказал Виктор, «Дальше — больше».

Он хотел поделиться с Элизабет тем, что узнал о ее бывшем, но не мог подойти и рассказать о том, что слышал в бильярдной. Это означало, что придется рассказать и о фотографии, а пока он не мог этого сделать. Вместо этого он решил подтолкнуть ее в нужном направлении, надеясь, что она сама уловит связь между произошедшим и ролью в этом ее бывшего мужа. Вместе, когда они разберутся, насколько Клейтон готов испортить ее личную жизнь, они

справятся со всем, чтобы он ни предпринял. Они любят друг друга. Они будут знать, чего ожидать. Все получится.

По этой ли причине он приехал сюда? Чтобы влюбиться в Элизабет и жить вместе с ней? Было ли это его судьбой?

Что-то в этом было не так. И слова Виктора это подтверждали. Существовала и другая причина, по которой он оказался здесь. Любовь к Элизабет, возможно, была частью замысла. Но лишь частью. Должно было произойти что-то еще. Дальше — больше.

Тибо провел остаток ночи не просыпаясь, как и всегда со времен приезда в Северную Каролину. Это была военная, а точнее, боевая привычка, которую он приобрел ввиду необходимости. Усталые солдаты совершают ошибки. Так говорил его отец. Так говорил каждый знакомый ему офицер. Его армейский опыт подтвердил их правоту. Он научился спать, когда нужно спать, независимо от того, какой хаос царил вокруг, и верил, что на следующий день все наладится.

Если не считать недолгого периода после смерти Виктора, он никогда не испытывал проблем со сном. Ему нравилось спать, и ему нравилось, как перемешиваются его мысли во сне. Когда он проснулся в воскресенье, он обнаружил, что видит перед собой колесо со спицами, расходящимися от центра. Он и сам точно не знал, почему через пару минут, когда он пошел выгуливать Зевса, его внезапно посетила мысль, что Элизабет не есть центр колеса, как он невольно считал раньше. Теперь он понял: центром всех событий, произошедших с тех пор, как он приехал в Хэмптон, был Кит Клейтон.

Ведь именно Клейтона он встретил в окрестностях города первым. Он забрал фотоаппарат Клейтона. Клейтон и Элизабет были женаты. Клейтон был отцом Бена. Клейтон портил личную жизнь Элизабет. Клейтон видел, что они провели вместе вечер, когда привез домой Бена с подбитым глазом. Другими словами, он первым узнал об их романе. Клейтон вломился в его дом. Клейтон — не Элизабет — и был причиной, по которой он оказался здесь.

Вдалеке прогремел гром, тихо и зловеще. Надвигалась гроза, и потяжелевший воздух говорил о том, что она будет сильной.

Помимо того, что рассказала о Клейтоне Элизабет, он очень мало знал о ее бывшем супруге и понимал это. Когда на землю упали первые капли, Тибо вернулся в дом. Позднее он наведается в библиотеку. Ему предстоит провести небольшую исследовательскую работу, если он хочет лучше изучить Хэмптон и роль, которую Клейтоны сыграли в его становлении.

Глава 20

БЕТ

— Это меня не удивляет, — фыркнула Нана. — Твой ушедший муж ничем бы не погнушался.

— Он не умер, Нана.

Нана вздохнула:

— Надежда умирает последней.

Бет сделала глоток кофе. Это был воскресный день, и они только что вернулись из церкви.

Впервые со времени инсульта Нана исполнила маленькое соло в одном из музыкальных номеров, и Бет не хотела, чтобы она отвлекалась от этого. Она знала, насколько хор важен для бабушки.

— Не очень-то ты стремишься мне помочь, — заметила Бет.

— А как я должна помочь?

— Я просто имела в виду...

Нана облокотилась о стол.

— Я знаю, что ты имела в виду. Ты уже говорила мне, помнишь? А если ты спрашиваешь, могу ли я поверить, что Кит вломился в дом Тибо, я просто отвечаю: это меня не удивляет. Мне никогда не нравился этот человек.

— Да, правда?

— Не вижу причин поднимать эту тему снова.

— Я и не поднимаю.

Казалось, Нана ее не слышит.

— У тебя усталый вид. Хочешь еще кофе? Как насчет тоста с корицей?

Бет покачала головой:

— Я не голодна.

— Даже если и так, ты все равно должна есть. Вредно пропускать прием пищи, а я знаю, что завтрак ты уже пропустила. — Она встала из-за стола. — Я пошла делать тосты.

Бет знала, что спорить бессмысленно. Если уж Нана что-то решила, то переубеждать ее было бесполезно.

— Как насчет другого? Имел ли Кит отношение к... — Она осеклась.

Нана пожала плечами, засовывая два куска хлеба в тостер.

— Насчет того, что он отваживал твоих мужчин? Что бы этот человек ни сделал, я бы не удивилась. К тому же это многое объясняет, правда?

— Но в этом нет смысла. Я могу назвать по меньшей мере дюжину женщин, с которыми он встречался, и он даже не намекал на возможность снова сойтись. Какое ему дело до того, встречаюсь я с кем-то или нет?

— Потому что он как избалованный ребенок, — объявила Нана. Она положила немного сливочного масла на сковородку и включила конфорку. Маленький голубой огонек со свистом ожил. — Ты была игрушкой в его руках, и хотя у него появились новые игрушки, это не означает, что он разрешит кому-нибудь играть со старыми.

Бет поерзала на месте.

— Не уверена, что мне нравится такое сравнение.

— Не важно, нравится тебе это или нет. Важно только, правда это или нет.

— А ты думаешь, что правда?

— Я этого не говорила. Я сказала, что не удивилась бы этому. Только не говори, что ты сама удивлена. Я видела, что он до сих пор разглядывает тебя с головы до ног. У меня от этого нервная дрожь, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не треснуть его совком для собачьего дерьма.

Бет улыбнулась, но лишь на секунду. Когда тосты выскочили из тостера, Нана схватила их и выложила на тарелку. Она полила их растопленным маслом, добавила сахара и корицы. Она взяла тарелку и поставила ее перед Бет:

— Вот. Поешь. Ты стала тощая, как скелет.

— Я вешу столько же, сколько всегда.

— То есть мало. И всегда было мало. Если не займешься собой, то тебя как-нибудь унесет ветром в грозу. — Она кивнула на окно, когда вновь заняла свое место: — Надвигается сильная гроза. Это хорошо. Нам нужен дождь. Надеюсь, в питомнике нет ревунов.

Ревунами она называла собак, которые боялись грозы и портили жизнь другим собакам. Бет поняла, что такой поворот разговора — это возможность сменить тему. Нана обычно давала шанс завершить беседу при необходимости, но, откусив кусочек тоста. Бет пришла к выводу, что она хочет обсудить еще кое-что.

— Думаю, они встречались раньше, — наконец произнесла она.

— Кто? Тибо и Неудачник?

Бет подняла руки:

— Пожалуйста, не называй его так. Я знаю, ты не любишь его, но он все еще отец Бена, и я не хочу, чтобы у тебя вошло в привычку называть его так, когда тебя может услышать Бен. Я знаю, что сейчас его нет поблизости...

Нана грустно улыбнулась.

— Ты права, — согласилась она. — Прости. Я больше этого не повторю. Так что ты хотела сказать?

— Помнишь, я рассказывала тебе о том вечере, когда Кит привез Бена домой с подбитым глазом? Ты была у сестры... — Она увидела, что Нана кивнула. — Прошлой ночью я думала об этом. Я в тот момент не сообразила, но когда Кит увидел Логана, он не спросил, кто такой Логан. Вместо этого он мгновенно завелся и тут же пришел в ярость. Он сказал что-то вроде «Что ты здесь делаешь?».

— И? — На лице Наны не отражалось никаких эмоций.

— Дело в том, как он это произнес. Он не столько удивился тому, что какой-то мужчина был в доме, сколько тому, что это оказался именно Логан. Как будто Логана он ожидал увидеть меньше всего.

— А что говорит Тибо?

— Он ничего не сказал. Но это вполне вероятно, правда? Что они раньше видели друг друга? Поскольку он считает, что Кит вломился к нему в дом?

— Возможно, — ответила Нана, а потом покачала головой: — Не знаю. Тибо не сказал, что именно, по его мнению, искал твой бывший муж?

— Нет, — призналась Бет. — Не сказал. Сказал только, что искать было особенно нечего.

— А это уже способ ответа на вопрос, так чтобы не дать реального ответа.

— Мм... — Бет откусила еще кусочек, подумав, что никогда не сможет все это доесть.

Нана наклонилась вперед:

— И это тоже тебя беспокоит?

— Немного, — ответила Бет, едва кивнув.

— Потому что ты чувствуешь, как будто он что-то от тебя скрывает?

Когда Бет промолчала, Нана потянулась через стол и взяла ее за руку.

— Думаю, сейчас не об этом следует беспокоиться. Возможно, твой бывший вломился в дом Тибо, а возможно, и нет. Возможно, они встречались раньше, а возможно, и нет. Ни то ни другое не имеет такого значения, как вопрос, мешал ли он твоим отношениям втайне от тебя. Будь я на твоём месте, именно об этом бы и волновалась, потому что именно это влияет на тебя больше всего. — Она сделала паузу, чтобы ее слова возымели нужный эффект. — Я говорю так, потому что видела тебя вместе с Тибо и для меня очевидно, как он к тебе относится. И я думаю, он рассказал тебе о своих подозрениях исключительно потому, что не хочет, чтобы с ним произошло то же, что и с другими мужчинами, с которыми ты встречалась.

— Так ты считаешь, Логан прав?

— Да, — подтвердила Нана. — А ты — нет?

Бет долго раздумывала, прежде чем ответить:

— Да, я думаю, как и ты.

Одно дело было думать, другое — знать наверняка. После беседы с бабушкой Бет переоделась в джинсы, набросила плащ и поехала в город. Дождь разошелся не на шутку еще пару часов назад — настоящий ливень с порывами ветра. Его принес тропический шторм, который прошел по Джорджии в направлении Южной Каролины. В новостях обещали от шести до восьми дюймов осадков за следующие двадцать четыре часа, а потом и того больше. Еще два урагана недавно подобрались к берегу Мексиканского залива и в скором времени тоже должны были обрушиться на близлежащие районы, затопив их дождем еще больше. Сухое жаркое лето теперь официально подошло к концу.

Бет едва видела что-то через ветровое стекло даже с дворниками, работающими на полной мощности. Сточные канавы уже переполнились, и, подъезжая к городу, она увидела, как вода извилистыми ручейками стекает в реку. Пока вода в реке еще не поднялась, но это

обязательно случится: почти все притоки на протяжении пятидесяти миль впадали именно в эту реку. И Бет подозревала, что половодья осталось ждать недолго. Город справится с наводнением, такие штормы были частью жизни этого региона, и большинство коммерческих предприятий располагалось достаточно далеко от реки, дабы им не повредила непогода, а грозы в особенности. Дорога, ведущая к питомнику, — это отдельный разговор, ведь она шла вдоль берега реки. При сильных ливнях, особенно ураганами, вода иногда ее заливала, так что проход становился опасным. Сегодня с этим проблем не возникнет, но ближе к концу недели ситуация, как подозревала Бет, заметно ухудшится.

В машине она обдумывала их беседу с Наной. Вчера утром все казалось намного проще, а сейчас она не могла избавиться от вопросов, терзающих ее. Не только насчет Кита, но и насчет Логана. Если Логан и Кит правда встречались, почему Логан ничего не сказал? И что мог искать Кит в доме Логана? Как сотрудник полицейского управления, Кит и так мог получить доступ к всякого рода личной информации, поэтому он явно охотился за чем-то другим. Но за чем тогда? Она никак не могла это понять.

А Кит...

Что, если Логан и Нана правы? А если предположить, что они правы — а она инстинктивно почувствовала что это так, поразмыслив над предположением еще, — как она могла этого не замечать?

Было тяжело признать, что она так в нем ошиблась. Она общалась с ним уже более десяти лет, и хотя никогда не считала его образцом добродетели, мысль о том, что он портит ее личную жизнь, никогда не приходила ей в голову. Что за человек может заниматься подобными вещами? И почему? В словах Наны, описавшей ее как игрушку, которой он не желал делиться с другими, была доля правды.

Больше всего Бет удивляло, что в таком маленьком городе, где почти невозможно сохранить что-то в секрете, у нее никогда не возникало ни малейших подозрений на этот счет. Она недоумевала, почему так себя вели друзья и соседи, но главным образом она недоумевала, почему так себя вели мужчины, приглашавшие ее на свидание. Почему они просто не могли сказать Кита, чтобы он не лез не в свое дело?

Потому что, напомнила она себе, он был из рода Клейтонов. И эти мужчины не спорили с ним по той же причине, что и она сама, когда речь шла о Бене. Иногда было проще найти с ним общий язык.

Бет действительно ненавидела эту семью.

Конечно, она поспешила с выводами. Если Логан и Нана подозревали, будто Кит замышлял нечто подобное, это не означало, что они правы, напомнила она себе. Вот почему она задумала эту поездку.

Она повернула налево на перекрестке, направившись в более старую часть города, где располагались в основном деревянные дома с большими просторными верандами. Вдоль улиц росли огромные деревья, многим из них было не меньше сотни лет, и она помнила, что в детстве больше всего любила именно этот район. Местные семьи поддерживали традицию богато украшать дома снаружи по праздникам, так что все место обретало живописный и задорный вид.

Его дом стоял посередине улицы, и она тут же различила его машину, припаркованную под навесом для автомобилей. За его машиной стояла другая, и хотя это означало, что у него гости,

у нее не возникло желания приехать позже. Остановив машину у дома, она подняла капюшон и вышла под дождь.

Она прошлепала по мелким лужам, образовавшимся на тротуаре, и поднялась по лестнице на веранду. Через окно она увидела лампу, горевшую в углу гостиной, по телевизору рядом транслировали гонки «НАСКАР». Должно быть, на этом настояли гости, так как не было ни малейших шансов, что этот канал включил хозяин. Этот человек ненавидел «НАСКАР», и она знала об этом.

Она нажала на кнопку звонка и отступила назад. Когда в дверном проеме возникло его лицо, прошла лишь секунда, прежде чем он узнал ее. В выражении его лица она уловила удивление, смешанное с любопытством, и едва заметный след чего-то еще, чего она не ожидала увидеть, — страха.

Он быстро оглядел дорогу слева и справа, прежде чем уставился на нее.

— Бет, — произнес он, — что ты здесь делаешь?

— Привет, Адам, — улыбнулась она. — Я думала, может, у тебя найдется пара минут. Мне правда нужно с тобой поговорить.

— У меня гости, — тихо сказал он. — Думаю, сейчас неподходящее время.

Как по заранее отрепетированному сценарию откуда-то сзади донесся женский голос:

— Кто это?

— Пожалуйста, — попросила Бет.

Казалось, он задумался, не стоит ли захлопнуть дверь прямо у нее перед носом, а потом вздохнул.

— Знакомая! — крикнул он. Он повернулся: — Дай мне пару минут, ладно?

У него за плечом появилась женщина с бутылкой пива в руке, в футболке и джинсах, которые, пожалуй, слишком сильно ее обтягивали. Бет узнала в ней секретаршу из офиса Адама. Ее звали Ноэлль или как-то вроде того.

— Что ей нужно? — пожелала знать Ноэлль. По ее тону было понятно, что она тоже узнала Бет.

— Не знаю, — ответил Адам. — Она просто проезжала мимо, ясно?

— Но я хочу посмотреть гонки, — возмутилась она, властно обняв его за талию.

— Я знаю, — сказал он. — Я ненадолго, — Он поколебался, увидев выражение лица Ноэлль. — Обещаю, — заверил он ее.

Бет задалась вопросом, всегда ли в его голосе слышались такие жалобные нотки и если да, то почему она не замечала этого раньше. Либо он пытался это скрывать, либо она с радостью это игнорировала. Она подозревала, что верно последнее, и при этой мысли несколько сникла.

Адам вышел на веранду и закрыл за собой дверь. Когда он повернулся к ней, она не могла сказать наверняка, был ли он испуган или зол. Или и то и другое сразу.

— И о чем таком важном ты хотела поговорить? — спросил он. Он разговаривал как подросток.

— Ничего особо важного, — возразила она. — Я приехала задать тебе один вопрос.

— О чем?

Бет пристально смотрела на него.

— Я хочу знать, почему ты больше не позвонил мне после нашего свидания за ужином.

— Что? — Он переминался с одной ноги на другую, напоминая ей норовистого жеребца. — Ты, должно быть, шутишь.

— Нисколько.

— Я просто не позвонил, понятно? У нас ничего не получилось. Мне жаль. Ты для этого приехала? Чтобы получить извинение?

Это прозвучало как жалобный стон, и она вдруг задумалась, почему вообще согласилась встречаться с ним.

— Нет, я здесь не ради извинений.

— Зачем тогда? Послушай, у меня гости. — Он ткнул большим пальцем за плечо. — Мне надо идти.

Его фраза повисла в воздухе. Он снова и снова оглядывал улицу, и тут Бет все поняла.

— Ты боишься его, да? — спросила она.

Хотя он не подал виду, она знала, что попала в точку.

— Кого? О ком ты говоришь?

— О Ките Клейтоне, моем бывшем.

Адам открыл рот, чтобы что-то сказать, но не произнес ни слова. Вместо этого он снова сглотнул и пробормотал:

— А при чем тут он?

Она шагнула к нему ближе:

— Что он сделал? Он угрожал тебе? Запугивал тебя?

— Нет! Я не хочу об этом говорить. — Он повернулся к двери и потянулся к ручке. Она схватила его за руку, чтобы остановить, и приблизилась к его лицу. Его мышцы напряглись, а потом расслабились.

— Это так, правда? — напирала она.

— Я не могу об этом говорить. — Он колебался. — Он...

Хотя она подозревала, что Нана и Логан, возможно, правы, хотя она приехала сюда, послушав свою интуицию, она почувствовала, как внутри что-то сжалось, когда Адам все подтвердил.

— Что он сделал?

— Я не могу тебе сказать. Ты должна понимать это лучше, чем кто бы то ни было. Ты знаешь, что он за человек. Он бы... — Он осекся, как будто вдруг понял, что сказал слишком много.

— Он бы — что?

Он покачал головой:

— Ничего. Он ничего не сделает. — Адам выпрямился. — У нас с тобой просто не сложилось. Давай на этом закончим.

Он открыл дверь. Он замолчал, набирая в легкие воздуха, и она задалась вопросом, не передумал ли он.

— Пожалуйста, не возвращайся, — попросил он.

Бет сидела на садовых качелях на веранде, вглядываясь в стену дождя, ее одежда еще не высохла. Можно сказать, Нана оставила ее наедине с ее мыслями, появляясь только чтобы поднести чашку горячего чаю и теплого домашнего печенья с арахисовым маслом. Но все это она делала молча, что было ей совершенно несвойственно.

Бет потягивала чай, пока не поняла: она его не хочет. Ей не было холодно. Несмотря на непрекращающийся дождь, воздух был теплый, и она видела, как туман постепенно окутывает весь участок. Подъездная аллея на отдалении, казалось, просто растаяла в серой дымке.

Ее бывший скоро приедет. Кит Клейтон. То и дело она шептала его имя, как будто это было ругательство.

Она не могла в это поверить. Нет, к черту! Могла — и верила. Пусть ей хотелось ударить Адама за то, что он повел себя как размазня в этой ситуации, она знала, что не может его обвинять. Он был хорошим парнем, но не относился (и это стало ясно с самого начала) к тем, кого бы сразу выбрали в баскетбольную или бейсбольную команду. Не было никаких шансов на то, что он осмелится поспорить с ее бывшим.

Она жалела лишь о том, что Адам не раскрыл, как Кит это сделал. Представить было несложно: она не сомневалась, что Адам арендовал офис у семьи Клейтон. Почти все предприятия в центре так делали. Он разыграл карту арендодателя? Или карту под названием «Мы можем усложнить тебе жизнь»? Или он разыграл карту блюстителя порядка? Как далеко мог зайти этот человек?

Пока сидела у дома, она пыталась понять, сколько раз это происходило. Не так уж много, быть может, пять или шесть мужчин, подумала она, романы с которыми закончились так же внезапно и непонятно, как с Адамом. И это, если считать Фрэнка, а дело было когда? Семь лет назад? Он преследовал ее, шпионил за ней так долго? Когда она осознала это, ей стало тошно.

А Адам... Что общего было в мужчинах, которых она выбирала, если каждый из них был готов прогнуться и прикинуться мертвым, как только вмешивался Кит? Да, его семья обладала властью, и да, он был полицейским, но что произошло с мужчинами? Трудно сказать, чтобы он не совал нос в чужие дела? И почему они хотя бы не пришли и не рассказали ей правду? Вместо этого они просто поджигали хвосты и исчезали. Со времен Кита и вплоть до недавнего времени ей не везло с мужчинами. Как там говорят? «Одурачил меня один раз — позор тебе,

одурачил меня дважды — позор мне»? Может, это она виновата в том, что выбирает таких недостойных мужчин?

«Может», — признала она. Но дело не в этом. Дело в том, что Кит исподтишка портил ей жизнь, чтобы все шло так, как ему хотелось. Как будто она принадлежала ему.

При этой мысли ее желудок вновь взбунтовался, и она пожалела, что Логана нет рядом. Не потому, что скоро Кит привезет Бена. Здесь она могла обойтись и без Логана. Она не боялась Кита. Она никогда не боялась его, потому что знала: на самом деле он обыкновенный хвостун, а хвостуны быстро идут на попятную, когда кто-нибудь осмеливается с ними поспорить. Вот почему Нана не боялась Кита. И Дрейк тоже это чувствовал, и она знала, что это всегда раздражало Кита.

Нет, она хотела, чтобы Логан оказался рядом, потому что он умел слушать, и она знала: он не станет перебивать, пока она будет разглагольствовать, или пытаться решить ее проблемы, или принимать скучающий вид, если она повторит «Не могу поверить, что он действительно сделал это» сто раз. Он просто позволит ей говорить, сколько она хочет.

А потом она все же подумала, что меньше всего ей сейчас нужно выпустить пар и злость. Намного лучше задержать это в себе. Злость понадобится ей при встрече с Китом, тогда она сможет проявить достаточную резкость, в то же время она не желала терять над собой контроль. Если она начнет кричать, Кит будет все отрицать, а потом устроит настоящий скандал. Она же всего лишь хотела, чтобы теперь, когда на горизонте появился Логан, Кит исчез из ее личной жизни, не сделав при этом выходные Бена, которые ему приходилось делить с отцом, еще более неприятными.

Нет, все же лучше, что Логана здесь нет. Кит мог бы чересчур бурно отреагировать, увидев Логана еще раз, или даже спровоцировать Логана на какие-либо действия, что только добавило бы проблем. Если бы Логан лишь пальцем дотронулся до ее бывшего, он оказался бы в тюрьме на долгое, долгое время. Нужно будет поговорить с Логаном, чтобы удостовериться: он точно понял, как все устроено в Хэмптоне. Пока же она сама займется этой небольшой проблемой.

На отдалении сверкнули фары, представший сначала в виде расплывчатой тени автомобиль постепенно обретал форму по мере приближения к дому. Она увидела, как Нана выглянула из-за шторы, а потом исчезла. Бет встала с качелей и шагнула к краю веранды, когда открылась пассажирская дверь. Бен выбрался из машины с рюкзаком в руках и наступил в лужу, промочив туфли. Похоже, он даже этого не заметил, поспешив к лестнице и поднявшись на крыльцо.

— Привет, мам, — сказал он. Они обнялись, и он поднял на нее глаза. — Сделаешь на ужин спагетти?

— Конечно, милый. Как прошли выходные?

Он пожал плечами:

— Ты знаешь.

— Да, — кивнула она. — Я знаю. Почему бы тебе не пойти в дом и не переодеться? По-моему, Нана испекла печенье. И сними туфли, ладно?

— А ты идешь?

— Через пару минут. Я хочу поговорить с твоим отцом.

— Зачем?

— Не волнуйся. Ты здесь ни при чем.

Он взгляделся в ее лицо в надежде понять, что случилось, она положила руку ему на плечо:

— Иди же. Нана тебя ждет.

Бен вошел в дом, и Кит опустил стекло на пару дюймов.

— Мы отлично провели сегодня время! И знай, что он врет, если утверждает обратное!

Клейтон был преисполнен самодовольства. Вероятно, подумала она, потому что поблизости не наблюдалось Логана.

Она шагнула вперед:

— Есть минутка?

Он уставился на нее через щель в окне, потом поставил машину на тормоз и заглушил двигатель. Он распахнул дверь, выскочил наружу и побежал к лестнице. Уже на веранде он замотал головой, стряхнув пару капель воды, и широко улыбнулся, глядя на нее. Вероятно, он решил, что выглядит сексуально.

— Что такое? — спросил он. — Я же сказал, мы с Беном прекрасно провели время в выходные.

— Ты опять заставил его убирать кухню? Улыбка растаяла без следа.

— Что тебе нужно. Бет?

— Не надо так переживать. Я всего лишь задала вопрос.

Он продолжал смотреть на нее, пытаясь разгадать, в чем дело.

— Я же не учу тебя, что делать с Беном, когда он с тобой, так что, будь добра, прояви ко мне такое же уважение. Так о чем ты хотела поговорить?

— На самом деле у меня пара вопросов. — Несмотря на отвращение, которое к нему испытывала, она натянула улыбку и шагнула к качелям. — Может, присядем?

Казалось, он удивился.

— Конечно, — ответил он. — Только я не могу задерживаться надолго. У меня планы на вечер.

«Еще бы, — подумала она. — Либо это правда, либо ты хочешь, чтобы я в это поверила». Он постоянно напоминал ей об этом со времени развода.

Они расположились на качелях. Усевшись, он качнулся вперед-назад, прежде чем откинулся на спинку и развалился на качелях, раскинув руки в стороны.

— Очень мило. Это ты их установила?

Она отодвинулась от него как можно дальше, насколько позволяли качели.

— Логан установил.

— Логан?

— Логан Тибо. Он работает у Наны в питомнике. Помнишь? Ты его видел.

Он почесал подбородок.

— Тот парень, что был здесь как-то вечером?

«Можно подумать, ты не знаешь».

— Да, это он.

— И ему нравится чистить клетки и убирать дерьмо? — спросил он.

Она проигнорировала явную насмешку:

— Ага.

Он выдохнул, покачав головой.

— Пусть лучше он, чем кто-то другой. — Он повернулся к ней, пожав плечами: — Так в чем дело?

Она осторожно подбирала слова:

— Мне сложно начать... — Она осеклась, зная, что это лишь распалит его интерес.

— О чем речь?

Она выпрямилась.

— Я разговаривала с одной подругой на днях, и она рассказала мне кое-что, от чего мне стало не по себе.

— Что она сказала? — Кит наклонился к ней, насторожившись.

— Прежде чем я поделюсь с тобой, должна сказать, что это похоже на испорченный телефон. Подруга друга подруги что-то услышала, и в итоге все дошло до моих ушей. Это касается тебя.

На его лице отразилось любопытство.

— Внимательно тебя слушаю.

— Она сказала, что... — она поколебалась, — она сказала, что в прошлом ты следил за мной на свиданиях. И что ты сообщил некоторым из моих ухажеров, что не хочешь, чтобы они продолжали со мной встречаться.

Она специально не смотрела ему в глаза, но краем глаза заметила, какое выражение застыло на его лице. Не только шока. Но и вины. Она сжала губы, чтобы ее не стошнило.

Он немного расслабился.

— Не могу в это поверить. — Он забарабанил пальцами по ноге. — Кто тебе такое рассказал?

— Не важно, — отмахнулась она. — Ты ее не знаешь.

— Мне интересно, — напирал он.

— Не важно, — повторила она. — Это же неправда?

— Конечно! Как ты могла даже подумать, что такое возможно?

«Лжец!» — подумала она, едва сдерживаясь, чтобы не сказать ничего вслух. В тишине он покачал головой:

— Из этого я могу сделать лишь вывод о том, что тебе надо тщательнее выбирать друзей. И честно говоря, меня немного обижает, что мы вообще об этом говорим.

Она натянула улыбку:

— Я сказала ей, что это неправда.

— Но ты хотела удостовериться и задать этот вопрос мне лично.

В его голосе слышался гнев, и она напонила себе, что следует проявлять осторожность.

— Ты все равно должен был приехать, — заявила она дружеским тоном. — Кроме того, мы достаточно долго друг друга знаем, чтобы общаться как взрослые люди. — Она смотрела на него с широко раскрытыми глазами, как жертва нечаянной ошибки. — Тебя расстроил тот факт, что я об этом спросила?

— Нет, но тем не менее предполагать такое... — Кит поднял руки.

— Я и не предполагала. Но я хотела сказать тебе, потому что решила: тебе, возможно, будет интересно, что другие люди говорят у тебя за спиной. Я не люблю, когда об отце Бена отзываются подобным образом, так я ей и сказала.

Ее слова возымели нужный эффект: он раздулся от гордости.

— Спасибо, что встала на мою защиту.

— Какая тут защита! Ты же знаешь, что такое сплетни. Это токсичные отходы маленьких городов. — Она покачала головой. — Так как вообще у тебя дела? С работой все хорошо?

— Как всегда. Как ученики в этом году?

— Вполне хороший класс. Во всяком случае, пока.

— Прекрасно, — сказал он. Он указал на двор: — Ничего себе гроза, а? Я еле разглядел дорогу.

— Я подумала то же самое, когда ты подъехал. Это сущее сумасшествие. А вчера на пляже было так замечательно.

— Ты была на пляже?

Она кивнула:

— Мы с Логаном туда ездили. Мы встречаемся уже некоторое время.

— А, — произнес он. — Такое впечатление, что у вас это серьезно.

Она отвела глаза:

— Только не говори, что это женщина насчет тебя не ошиблась.

— Конечно, ошиблась.

Она изобразила игривую улыбку:

— Я знаю. Я просто тебя поддразниваю. И нет, пока у нас не серьезно, но он отличный парень.

Он сложил руки вместе.

— Что об этом думает Нана?

— Какое это имеет значение?

Он поерзал на месте.

— Я просто хотел сказать, что в таких ситуациях могут возникать сложности.

— Что ты имеешь в виду?

— Он здесь работает. А ты знаешь, что происходит в судах в наши дни. Ты ставишь себя под угрозу иска о сексуальных домогательствах.

— Но он так не поступит.

Кит заговорил терпеливо, словно читая лекцию человеку намного младше себя:

— Поверь мне. Все так говорят. Но подумай на эту тему. Он никак не связан с местным сообществом, и если он работает у Наны, я сомневаюсь, что у него много денег. Без обид. Но помни: твоя семья владеет большим участком земли. — Он пожал плечами. — Я всего лишь хочу сказать, что на твоём месте я бы проявил крайнюю осторожность.

Это звучало убедительно и, хотя она знала, что это впечатление обманчиво, участливо. Как будто говорил друг, весьма озабоченный ее благополучием. Этому мужчине следовало стать актером, подумала она.

— Участок и дом принадлежат Нане. Не мне.

— Ты знаешь, что могут юристы.

«Прекрасно знаю, — подумала она. — Я помню, что сделал твой юрист на слушании об опеке».

— Думаю, здесь не возникнет проблем. Но я поговорю с Наной на эту тему, — уступила Бет.

— Вероятно, это хорошая идея. — Его распирало от самодовольства.

— Я просто рада, что не ошиблась в тебе.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты понимаешь, в плане того, что ты не имеешь ничего против моих встреч с кем-то вроде

Логана. Если не принимать в расчет опасений по поводу сексуальных домогательств, мне он правда нравится.

Он распрямил скрещенные ноги.

— Я бы не сказал, что я не против.

— Но ты только что заявил...

— Я сказал, что мне все равно, с кем встречаешься ты, и это так и есть. Но для меня имеет значение, кто появляется в жизни моего сына, потому что мой сын для меня важен.

— Так и должно быть. Но какое это имеет отношение ко всему, о чем мы говорили? — запротестовала Бет.

— Подумай об этом, Бет... ты не видишь всего того, что приходится видеть мне. У тебя на работе, я имею в виду. А я постоянно вижу самые ужасные вещи и, естественно, задумываюсь, что за человек проводит много времени с Беном. Я бы хотел знать, проявлял ли он склонность к насилию или к извращениям.

— Он не такой, — перебила Бет. Она почувствовала, как лицо заливают румянец, хотя пыталась этого не допустить. — Мы навели о нем справки.

— Все это может оказаться подделкой. Несложно обрести новую личность. Ты вообще уверена, что его настоящее имя — Логан? Ведь здесь ты не можешь никого об этом спросить. А ты разговаривала с кем-нибудь из его прошлого? Или из его семьи?

— Нет...

— Вот видишь. Я просто предупреждаю тебя: будь осторожна. — Он пожал плечами: — И это я говорю не ради Бена. Но и ради тебя тоже. По миру бродит немало плохих людей, и причина, по которой они до сих пор не в тюрьме, кроется в том, что они научились это скрывать.

— Ты обставляешь все так, что он кажется каким-то преступником!

— Я не ставил такой цели. Он может быть самым милым и ответственным парнем на свете. Я просто говорю, что ты не знаешь, кто он на самом деле. И пока не узнаешь, лучше оставаться в безопасности, чем потом сожалеть. Ты читаешь газеты и смотришь новости. И я не сказал тебе ничего, чего ты пока не знаешь. Я просто не хочу, чтобы что-то произошло с Беном. И я не хочу, чтобы тебе было больно.

Бет открыла рот, чтобы что-то возразить, но впервые с момента встречи с бывшим мужем не нашлась что сказать.

Глава 21

КЛЕЙТОН

Клейтон сидел за рулем, чертовски довольный собой.

Ему пришлось пару раз напрячь извилины, чтобы быстро среагировать, но все прошло намного лучше, чем он ожидал, особенно учитывая начало разговора. Кто-то его выдал, и по дороге он пытался вычислить, кто бы это мог быть. Вообще в маленьких городках секретов не бывает, но это так долго оставалось в тайне. Знали о нем лишь несколько мужчин, с которыми он провел

небольшой разговор, и, разумеется, он сам.

Он понимал, что расколотся мог один из них, но почему-то в этом сомневался. Они были всего лишь тюфяками, причем каждый из них. И каждый уже начал новую жизнь. У них просто не было причин говорить об этом. Даже дурак Адам нашел новую подружку, а это говорило о том, что он вряд ли стал бы заводить подобные разговоры сейчас.

И потом это могли быть просто слухи. Возможно, у кого-то возникли подозрения относительно его действий, когда этот кто-то сопоставил события. Красивую женщину снова и снова бросают без всякого повода... И теперь, вспоминая об этом, он подумал, что, вероятно, упоминал что-то такое о Бет при Муре или даже Тони и кто-то мог их подслушать. Однако он никогда не проявлял подобную тупость или не напивался настолько, чтобы заявить об этом прямо. Он знал, что это может вызвать недовольство отца, особенно ввиду того, что любые предупреждения со стороны полицейского должны быть законными. Но кто-то сказал что-то Бет.

Он не особенно верил словам Бет, что она узнала об этом от подруги. Она вполне могла соврать в такой мелочи, чтобы сбить его с толку. Это мог быть как мужчина, так и женщина, однако он не сомневался в том факте, что она выяснила это недавно. Зная ее, как знал он, он понимал: она не смогла бы держать в себе такое открытие долго.

А дальше все казалось еще запутаннее. Он забрал Бена с утра в субботу; тогда она ничего не сказала. По ее собственному признанию, она провела субботу с Тай-болтом на пляже. В воскресенье он видел ее в церкви, и ко второй половине дня она уже была дома.

Так кто ей сказал? И когда?

Возможно, что Нана, подумал он. Эта женщина уже давно сидела у него в печенках. Да и у деда тоже. Четыре из последних пяти лет он пытался уговорить Нану продать участок, чтобы он мог на нем развернуться. С земли не только открывался прекрасный вид на реку, притоки тоже представляли интерес. Людям, переезжавшим сюда с севера, нравились участки с видом на реку. Дед обычно принимал ее отказы спокойно: ему по какой-то причине импонировала Нана. Вероятно, потому, что они ходили в одну церковь, хотя это почему-то не играло роли, когда дело касалось мнения Наны о ее бывшем зяте, который ходил в ту же церковь.

И все же походило на то, что кашу заварил Тай-болт. Только откуда он все узнал? Они виделись всего два раза, и Тай-болт никак не мог вычислить правду после тех двух встреч. А как насчет взлома? Клейтон пораскинул мозгами, а потом отбросил этот вариант. Он и двадцати минут не провел в его жилище, и ему даже не пришлось вскрывать замок, потому что парень не позаботился запереть входную дверь. К тому же ничего не пропало, так как Тай-болт узнал, что кто-то вообще проникал в дом? А даже если он и догадался, что в доме кто-то побывал, как он связал это с Клейтоном?

Он не мог найти на эти вопросы удовлетворительных ответов. Но предположение о том, что Тай-болт имеет некое отношение к этой маленькой неприятности, казалось верным. В его жизни начались сплошные проблемы со времени приезда Тай-болта. Так что Тай-болт был первым в его списке парней, которым явно не стоило совать нос в чужие дела. А это давало ему еще один повод наконец разобраться с этим малым.

Однако сейчас он не станет этим увлекаться. Он все еще пребывал в эйфории от того, как изящно выкрутился из разговора с Бет. А ведь он мог потерпеть фиаско. Когда она позвала его, он меньше всего ожидал, что она поинтересуется, имеет ли он отношение к ее былым романам.

Но он хорошо справился с ролью. Он не только весьма правдоподобно все отрицал, но и заставил ее задуматься хорошенько насчет Тай-болта. Судя по выражению ее лица, он поднял ряд вопросов касательно Тай-болта, которые ей даже не приходили в голову... и лучше всего то, что он сумел убедить ее, будто это все ради Бена. Кто знает? Быть может, она сама бросит его, и Тай-болт уедет из города. Разве это не великолепно? Очередная проблема с личной жизнью Бет успешно разрешится, и Тай-болт исчезнет с горизонта.

Он ехал медленно, наслаждаясь вкусом победы. Поразмыслив, надо ли пропустить кружку-другую пива в честь такого события, он решил, что все же не стоит. Он ведь не мог поделиться радостью с окружающими. Лишние разговоры могут принести ему еще больше проблем, если уж на то пошло.

Повернув на свою улицу, он миновал пару больших ухоженных домов, каждый из которых располагался на участке в пол-акра. Он сам жил в тупике улицы, по соседству с доктором и юристом. Не так уж плохо он устроился, если так можно сказать.

Лишь съехав на подъездную аллею, он заметил, что кто-то стоит на тротуаре у дома. Замедлив ход, он увидел силуэт собаки рядом с человеком и резко нажал на тормоз. Он втиснул машину на место на стоянке. Несмотря на дождь, он вышел из автомобиля и пошел прямо к Тай-болту.

Когда Зевс зарычал и приготовился к прыжку, Клейтон резко остановился. Тай-болт поднял руку, и собака застыла на месте.

— Какого черта ты здесь делаешь? — прокричал Клейтон, чтобы его голос не утонул в шуме дождя.

— Тебя жду, — ответил Тай-болт. — Думаю, нам пора поговорить.

— Какого черта мне с тобой разговаривать? — выпалил Клейтон.

— Думаю, ты знаешь.

Клейтону не понравилось, как это прозвучало, но он не собирался позволить этому парню себя запугать. Не сейчас. И никогда вообще.

— Что я знаю наверняка, так это то, что ты здесь без дела слоняешься. А в нашем округе это преступление.

— Ты меня не арестуешь.

На самом деле он успел подумать уже и об этом.

— На твоём месте я не был бы столь уверен.

Тай-болт продолжал смотреть на него, словно бросал вызов и требовал доказательств. Клейтон жаждал стереть это выражение с лица Тай-болта кулаком. Но вездесущий Куджо был тут как тут.

— Что тебе нужно?

— Я уже сказал: нам пора поговорить. — Его голос звучал ровно и спокойно.

— Мне нечего тебе сказать! — рявкнул Клейтон. Он покачал головой. — Я иду домой. Если ты еще будешь здесь, когда я дойду до веранды, я арестую тебя за угрозу полицейскому

смертельным оружием.

Он повернулся и зашагал по дорожке к входной двери.

— Ты ведь не нашел карту памяти! — крикнул Тай-болт.

Клейтон остановился и обернулся:

— Что?

— Карту памяти, — повторил Тай-болт. — Вот что ты искал, когда вломился в мой дом. Когда покопался в моих ящиках, заглянул под матрас и осмотрел все шкафы.

— Я не вламывался в твой дом. — Он сощурился, глядя на Тай-болта.

— Нет, — ответил он, — вламывался. В прошлый понедельник, когда я был на работе.

— Докажи, — потребовал он.

— У меня уже есть все необходимые доказательства. Датчик движения, который я установил в камине, включил видеомониторинг. Он тоже был спрятан в камине. Я решил, что когда-нибудь ты попытаешься найти карту памяти и не догадаешься посмотреть там.

Клейтон почувствовал, как у него заурчало в животе, когда попытался понять, блефует ли Тай-болт. Возможно, да, а возможно, и нет. Он не мог сказать наверняка.

— Ты лжешь.

— Тогда иди своей дорогой. Я тут же с радостью передам видеокассету в газету и управление шерифа.

— Чего ты хочешь?

— Я же сказал. Я подумал, что нам пора поговорить.

— О чем?

— О том, какое ты дерьмо. — Он произнес это лениво и неспешно. — Снимаешь грязные фотографии? Что об этом сказал бы твой дед? Интересно, что произошло бы, узнай он об этом? Или что могли бы напечатать в газете на эту тему? Или как твой отец — а он вроде бы шериф этого округа — отреагировал бы на то, что его сын вломился в мой дом?

Клейтон ощутил еще одно неприятное покалывание в животе. Парню неоткуда было получить такие сведения... но он все же их получил.

— Чего ты хочешь? — Он знал, что, несмотря на все усилия, его голос прозвучал на тон выше, когда он это произнес.

Тай-болт все так же стоял перед ним, не отводя глаз. Клейтон готов был поклясться, что этот человек вообще не моргает.

— Я хочу, чтобы ты стал лучше, — сказал он.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Есть три правила. Давай начнем с этого: не лезь в жизнь Элизабет.

Клейтон заморгал:

— Какой Элизабет?

— Твоей бывшей жены.

— Ты хочешь сказать «Бет»?

— Ты встречал в ее романы, с тех пор как вы развелись. Ты знаешь об этом, и я знаю. А теперь знает и она. И этого больше не произойдет. Никогда. С этим ясно?

Клейтон не отвечал.

— Правило номер два: не лезь в мои дела. Это означает: мой дом, мою работу, мою жизнь. Понял?

Клейтон молчал.

— И правило номер три. Очень важное. — Он вытянул вперед руку, раскрыв ладонь, словно хотел поклясться. — Если вздумаешь выместить свою злобу на Бене, отвечать будешь мне.

Клейтон почувствовал, как волоски у него на шее встали дыбом.

— Это угроза?

— Нет, — ответил Тай-болт. — Это правда. Соблюдай эти три правила, и я не доставлю тебе неприятностей. Никто не узнает, что ты сделал.

У Клейтона заходили желваки на скулах.

В тишине Тай-болт шагнул к нему. Зевс не сдвинулся с места, страшно разочарованный, что ему пришлось остаться позади. Тай-болт подошел еще ближе, так что они встали лицом к лицу. Его голос звучал так же спокойно, как и до этого.

— И помни: раньше ты никогда не встречал таких, как я. И враждовать со мной тебе не стоит.

С этими словами Тай-болт повернулся и пошел по тротуару. Зевс продолжал смотреть на Клейтона, пока не услышал команду следовать за хозяином. Тогда он потрусил за Тай-болтом, а Клейтон остался под дождем, недоумевая, как столь идеальная картина могла в один миг перевернуться и предстать совсем в ином свете.

Глава 22

ТИБО

— Думаю, я хочу стать астронавтом, — заявил Бен.

Они с Тибо играли в шахматы на веранде, выходящей на задний двор, и Тибо как раз раздумывал над следующим ходом. Он еще ни разу не обыграл Бена, и, хотя не мог знать наверняка, тот факт, что Бен заговорил, показался ему плохим знаком. Они много играли в шахматы в последнее время: и дня не проходило, чтобы не пошел сильный затяжной дождь, с тех пор как девять дней назад начался октябрь. Восточную часть штата уже затопило, и

каждый день все новые реки выходили из берегов.

— Звучит неплохо.

— Или еще пожарным.

Тибо кивнул:

— Я знал пару пожарных.

— Или врачом.

— Хм... — произнес Тибо. Он потянулся к слону.

— Я бы этого не делал, — посоветовал Бен.

Тибо поднял на него глаза.

— Я знаю, на что вы рассчитываете, — добавил Бен. — Ничего не выйдет.

— И что же мне делать?

— Уж точно не это.

Тибо убрал руку. Одно дело — проиграть раз, и совсем другое — проигрывать постоянно. Хуже того, казалось, он никак не может сократить разрыв между ними. Скорее, наоборот, Бей совершенствовался в игре быстрее, чем он. Предыдущая партия состояла всего из двадцати одного хода.

— Хотите посмотреть мой домик на дереве? — предложил Бен. — Он правда замечательный. Там есть большая платформа, которая нависает над речушкой, и еще этот дрожащий мост.

— Я бы с удовольствием.

— Не сейчас. Я имею в виду как-нибудь.

— Звучит заманчиво, — сказал Тибо. Он потянулся за ладьей.

— Ее я бы тоже не трогал.

Тибо изогнул бровь, когда Бен откинулся назад.

— Я просто говорю, как лучше, — добавил он.

— Так что же мне делать?

Он пожал плечами, с видом десятилетнего мальчика, каким он и являлся:

— Что хотите.

— За исключением того, чтобы ходить слоном и ладьей?

Бен указал еще на одну фигуру:

— И другой ладьей. Зная вас, могу предположить, что именно так вы и захотите поступить,

поскольку пытаетесь пустить в ход коня. Но это тоже не сработает, так как я пожертвую слоном и продвину вперед ферзя, чтобы убрать вон ту пешку. Это заблокирует вашего ферзя, и после того как я выполню рокировку с королем, я поставлю туда коня. Через два хода я поставлю вам шах и мат. Тибо подпер рукой подбородок.

— У меня есть хоть какой-то шанс победить в этой игре?

— Нет.

— Сколько ходов у меня осталось?

— Где-то от трех до семи.

— Тогда, может быть, стоит начать сначала?

Бен поднял очки на переносице.

— Может быть.

— Мог бы и раньше мне об этом сказать.

— Но вы так напряженно думали над этой игрой. Я не хотел вас отвлекать.

Следующая игра прошла не лучше. Более того, возможно, что и хуже, так как к ним решила присоединиться Элизабет, и у них состоялся примерно такой же разговор. Он видел, что Элизабет с трудом сдерживает смех.

За последние полторы недели у них установился один и тот же распорядок дня. После работы, поскольку все время лил сильный дождь, он приходил в дом, чтобы сыграть пару партий с Беном в шахматы, и оставался на ужин, когда все четверо садились за стол и принимались оживленно болтать. После этого Бен отправлялся наверх принять душ, а Нана отправляла их посидеть на веранде, а сама оставалась на кухне прибраться, говоря что-то вроде: «Для меня убираться — это как для обезьяны ходить нагишом».

Тибо знал, что она хотела дать им шанс побыть наедине, прежде чем он уйдет. Он до сих пор поражался, как легко ей удавалось с концом рабочего дня переключаться с роли строгой начальницы на роль бабушки женщины, с которой он встречается. Он думал, на свете не так много людей, которые это умеют.

Вечерело, и Тибо знал, что приближается время идти домой. Нана говорила по телефону. Элизабет отправилась в дом, чтобы уложить Бена, а Тибо сидел на веранде, ощущая усталость в плечах. Он мало спал со времен конфликта с Клейтоном. Той ночью, не зная, как отреагирует Клейтон, он отправился к себе домой и изобразил, как будто собирается провести вечер как обычно. Вместо этого, выключив свет, он вылез из окна спальни и побежал в лес вместе с Зевсом. Несмотря на дождь, он почти всю ночь провел на улице, высматривая Клейтона. Следующей ночью он следил за домом Элизабет. В третью ночь он метался между своим домом и ее. Бесконечный дождь совсем не беспокоил ни его, ни Зевса: он соорудил пару замаскированных навесов, так что они оба оставались сухими. Сложнее всего ему было работать, после того как поспать удавалось лишь пару часов перед рассветом. С тех пор он стал дежурить через ночь, но ему все равно не хватало времени для сна.

И все же останавливаться он не собирался. Клейтон непредсказуем, поэтому Тибо искал

признаки его присутствия, когда был на работе или на посылках в городе. Вечером он ходил домой разными маршрутами, на бегу продираясь через лес, а потом наблюдая за дорогой, чтобы удостовериться: Клейтон не идет по следу. Он не боялся этого человека, но и не был глуп. Клейтон не только принадлежал к первой семье округа Хэмптон, но и работал в полиции, и Тибо скорее беспокоило последнее. Насколько сложно ему будет подбросить что-то — наркотики, украденные вещи либо пистолет, использованный при совершении преступления, — в дом Тибо? Или заявить, что они принадлежали Тибо, и устроить так, чтобы обнаружились доказательства? Не сложно. Тибо был уверен, что всякий присяжный в округе охотнее поверил бы свидетельству полицейского, чем показаниям незнакомца даже при самых неубедительных доказательствах, предоставленных первым, или достоверном алиби последнего. Добавьте к этому толстый кошелек и влияние Клейтонов — и с легкостью найдете целую ватагу свидетелей, готовых подтвердить причастность Тибо к любому числу преступлений.

Самое страшное, что он подозревал, на что способен Клейтон, именно поэтому он и отправился к нему и рассказал о карте памяти и видеокассете. Хотя ни того ни другого у него не было (карту он поломал и выбросил, как только завладел фотоаппаратом, а видеомаягнитофон с датчиком движения был всего лишь плодом его воображения), блеф казался единственным вариантом, который мог дать ему достаточно времени, чтобы определиться с дальнейшими действиями. Клейтон со своим враждебным настроением был опасен и непредсказуем. Если он решился вломиться в дом Тибо, если он управлял личной жизнью Элизабет, этот человек, вероятно, мог сделать все необходимое, чтобы избавиться от Тибо.

Другие угрозы, касавшиеся газеты и шерифа, а также намек на общение с дедом помогли усилить эффект блефа. Он знал, что Клейтон искал карту памяти, потому что верил, будто Тибо может использовать ее против него. Он боялся этого либо из-за своей работы, либо из-за своей семьи, а пары часов изучения родословной в библиотеке воскресным днем оказалось достаточно, чтобы Тибо убедился: вероятно, и то и другое имело значение.

Но проблема с блефом состоит в том, что он работает, пока в него верят. Сколько времени пройдет, прежде чем Клейтон обо всем догадается? Еще пара недель? Месяц? Чуть больше? И что сделает Клейтон? Кто знает? Сейчас Клейтон думает, что преимущество за Тибо, а Тибо не сомневался, что это разъярит Клейтона еще больше. Со временем Клейтону станет все труднее сдерживаться, и он сорвет злость либо на Тибо, либо на Элизабет, либо на Бене. Когда Тибо не сможет показать карту памяти впоследствии, Клейтон будет волен поступать как захочет.

Тибо все еще не знал, что со всем этим делать. Он и представить не мог, как оставить Элизабет... или Бена, или Нану, если уж на то пошло. Чем дольше он жил в Хэмптоне, тем больше ощущал, что здесь его дом, а это означало, что ему не только следует приглядывать за Клейтоном, но и стараться избегать встреч с ним при каждой возможности. Он, видимо, надеялся, что со временем Клейтон просто смирится с произошедшим и оставит все как есть. Маловероятно, решил он, но пока на большее рассчитывать не приходилось.

— Ты опять какой-то рассеянный, — заметила Элизабет, открыв затянутую сеткой дверь позади него.

Тибо покачал головой:

— Я просто устал после трудовой недели. Я думал, тяжело в жару, но тогда я по крайней мере мог от нее спрятаться. А вот от дождя не убежишь.

Она присела подле него на качели.

— Тебе не нравится мокнуть?

— Просто сказал бы, что это отнюдь не праздник души.

— Мне жаль.

— Ничего страшного. Я не жалуясь. По большей части меня это не заботит, и лучше уж я попаду под дождь, чем Нана. А ведь завтра пятница, верно?

Она улыбнулась:

— Сегодня я отвезу тебя домой. На этот раз никаких возражений.

— Ладно, — уступил он.

Элизабет бросила взгляд в окно, прежде чем вновь обратилась к Тибо:

— Ты ведь не врал, когда говорил, что умеешь играть на пианино?

— Я и правда умею.

— Когда ты играл в последний раз? Он пожал плечами, подумав об этом:

— Два или три года назад.

— В Ираке? Он кивнул.

— Один из моих командиров праздновал день рождения. Он любил Уилли Смита — одного из великих джаз-пианистов тысяча девятьсот сороковых — пятидесятых годов. Когда выяснилось, что я умею играть, меня ангажировали для выступления.

— В Ираке, — повторила она, не скрывая удивления.

— Даже морским пехотинцам надо отвлекаться.

Она заправила прядь волос за ухо.

— Я так понимаю, ты и по нотам играть умеешь?

— Разумеется, — ответил он. — А что? Ты хочешь, чтобы я научил Бена?

Казалось, она его не слышит.

— Как насчет церкви? Ты когда-нибудь туда ходишь?

Впервые за время их разговора он посмотрел на нее:

— У меня такое чувство, что за этим разговором стоит нечто большее, чем просто желание узнать друг о друге больше.

— Когда была в доме, я услышала, как Нана говорит по телефону. Ты ведь знаешь, как сильно Нана любит хор? И что совсем недавно она снова начала солировать?

Он задумался над ответом, догадываясь, к чему это может привести, и даже не потрудился скрыть свои мысли.

— Да.

— В воскресенье она будет петь еще более длинное соло. Она от этого в таком восторге.

— А ты?

— Пожалуй, тоже. — Она вздохнула, на ее лице отразилась боль. — Выяснилось, что вчера Абигайль упала и сломала запястье. Вот о чем Нана говорила по телефону.

— Кто такая Абигайль?

— Пианистка из церкви. Она аккомпанирует хору каждое воскресенье. — Элизабет принялась раскачивать качели, глядя в дождь. — Как бы там ни было, Нана сказала, что найдет ей замену. На самом деле даже пообещала.

— О... — произнес он.

— Еще она сказала, что у нее есть кое-кто на уме.

— Понимаю.

Элизабет пожала плечами:

— Я просто решила, что тебе надо об этом узнать. Уверена, Нана вызовет тебя поговорить через пару минут, а мне не хотелось, чтобы она надавила на больное место. Я подумала, лучше это сделаю я.

— Я это ценю.

Довольно долго Тибо молчал. В тишине Элизабет положила руку ему на колено:

— Что скажешь?

— У меня такое чувство, что в действительности выбора у меня нет.

— Нет, выбор есть. Нана не станет тебя заставлять.

— Пусть даже она и пообещала?

— Вероятно, она все поймет. В конце концов. — Она положила руку на сердце. — А когда ее разбитое сердце излечится, я не сомневаюсь, она даже тебя простит.

— А, — произнес он.

— И вероятнее всего, на ее здоровье это никак не отразится. Тем более если она испытает такое разочарование после инсульта. Уверена, это не прикует ее к постели или что-то вроде того.

Тибо еле заметно улыбнулся:

— Тебе не кажется, что ты переигрываешь? В глазах Элизабет появился озорной блеск.

— Возможно. Но вопрос в другом: ты согласишься это сделать?

— Полагаю, да.

— Хорошо. И знаешь, завтра тебе придется репетировать.

— Ладно.

— Репетиция может оказаться длинной. Пятничные репетиции всегда длятся долго. Они любят свою музыку, понимаешь?

— Прекрасно, — сказал он и вздохнул.

— Посмотри на это под таким углом: тебе не придется весь день работать под дождем.

— Прекрасно, — повторил он.

Она поцеловала его в щеку.

— Ты хороший человек. Я буду молча болеть за тебя со своей скамейки.

— Спасибо.

— Да, и когда придет Нана, не говори ей, что я обо всем тебе рассказала.

— Не скажу.

— И попытайся изобразить большую радость, чем сейчас. Лучше даже принять такой вид, будто ты польщен. Слово ты и вообразить не мог, что тебе когда-нибудь представится такая чудесная возможность.

— Нельзя просто сказать «да»?

— Нет. Нана захочет, чтобы ты пришел в восторг. Я уже говорила, как много это для нее значит.

— А, — снова произнес он. Он взял ее за руку: — Ты же понимаешь, что могла просто меня попросить. Не обязательно было давить на жалость.

— Я знаю, — ответила она. — Но так было намного веселее.

Словно по заранее отрепетированному сценарию, на веранду вышла Нана. Она быстро улыбнулась им обоим, потом подошла к перилам и повернулась к ним.

— Ты все еще играешь на пианино? — спросила Нана.

Тибо едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

Тибо встретился с музыкальным руководителем на следующий день. И несмотря на первую неприязнь, возникшую у нее при виде джинсов, футболки и длинных волос Тибо, она вскоре поняла, что он не только умел играть, но и был вполне состоявшимся музыкантом. Размяв пальцы, он уже почти не ошибался, хотя следовало отметить, что выбранные произведения не отличались сложностью. После репетиции, когда появился пастор, Тибо попросили поприсутствовать на службе, чтобы он знал, чего ожидать.

Нана тем временем то и дело лучезарно улыбалась Тибо и болтала с подругами, объясняя, что Тибо работает в питомнике и встречается с Бет. Тибо периодически чувствовал, как женщины

оглядывают его с неподдельным интересом и по большей части одобрением.

На пути к выходу Нана взяла его под руку.

— Ты вел себя лучше, чем утка на вертеле, — заявила она.

— Спасибо, — озадаченно произнес он.

— Как ты смотришь на небольшую поездку?

— Куда?

— В Уилмингтон. Если отправимся сейчас, то, думаю, когда мы вернемся, ты как раз успеешь сводить Бет на ужин. А я присмотрю за Беном.

— И что мне нужно купить?

— Неформальный пиджак и хлопчатобумажные штаны. И более парадную рубашку. Я не возражаю, когда ты ходишь в джинсах, но если ты собираешься играть на пианино на воскресной службе, тебе надо приодеться.

— А... — произнес он, тут же догадавшись, что здесь у него нет выбора.

Тем вечером, ужиная в «Кантине» — единственном мексиканском ресторане в центре города, Элизабет устремила глаза на Тибо поверх своего стакана с «Маргаритой».

— Знаешь, ты пользуешься огромным успехом, — сказала она.

— У Наны?

— Она не перестает восхищаться, какой ты замечательный, и как вежливо ты вел себя с ее подругами, и как уважительно общался с пастором, когда он появился.

— Ты говоришь так, словно она думала, что я пещерный человек.

Она рассмеялась:

— Возможно, что и думала. Я слышала, ты был весь в грязи до вашего отъезда.

— Но я помылся и переоделся.

— Я знаю. Об этом она мне тоже сообщила.

— Интересно, о чем она забыла упомянуть?

— О том, что другие женщины в хоре потеряли голову.

— Она так и сказала?

— Нет, а этого и не требовалось. Это было написано у нее на лице. Они и правда потеряли голову. Не каждый день молодой и привлекательный незнакомец приходит в церковь и поражает их воображение игрой на пианино. Как они могли не сойти с ума?

— Полагаю, ты несколько преувеличиваешь.

— А я полагаю, — сказала она, постукивая пальцем по кромке стакана и пробуя соль, — что тебе еще многое предстоит узнать о жизни в маленьком южном городке. Это большая новость. Абилайль играла для них пятнадцать лет.

— Я не собираюсь занимать ее место. Это временно.

— Тем лучше. Тогда люди смогут разбиться на два лагеря. Они будут еще долгие годы об этом сплетничать.

— Вот чем здесь все занимаются?

— Именно, — подтвердила она. — И кстати, нет способа лучше, чтобы тебя приняли в местном обществе.

— Мне не нужно, чтобы меня принимал кто-то, кроме тебя.

— Ты всегда такой милый, — улыбнулась она. — Ладно, как насчет этого? Кит просто взбесится!

— Почему?

— Потому что он состоит в пастве нашей церкви. На самом деле Бен будет с ним, когда увидит тебя. Кит придет в ярость, когда поймет, как все благодарны тебе за помощь.

— Не уверен, что хотел бы злить его еще больше. Я и так беспокоюсь из-за того, что он может предпринять.

— Он ничего не предпримет. Я знаю, на что он способен.

— Я почему-то не так уверен, — осторожно произнес Тибо.

— Почему ты так говоришь?

Тибо оглядел ближайшие столы, за которыми сидело много народу. Она, похоже, прочтала его мысли и пересела со своей скамьи в алькове поближе к нему.

— Ты что-то знаешь, а мне не говоришь, — прошептала она. — Что?

Тибо глотнул пива. Поставив бутылку обратно на стол, он описал свои встречи с ее бывшим мужем. Пока он рассказывал, выражение ее лица менялось — от отвращения до удивления, в конце концов, на нем отразилось некое подобие озабоченности.

— Надо было сказать мне об этом раньше, — заявила она, нахмурившись.

— Меня это не особо волновало, пока он не вломился в мой дом.

— Ты правда веришь, что он может тебя подставить?

— Ты знаешь его лучше, чем я.

Она поняла, что больше не хочет есть.

— Думала, что знаю.

Поскольку Бен поехал к отцу (а эта ситуация ввиду сложившихся обстоятельств обоим казалась немного сюрреалистичной), в субботу Тибо и Элизабет отправились в Роли, где можно было легко позабыть о размышлениях на тему, что Кит Клейтон может или не может сделать. Днем они пообедали в кафе в центре города и посетили Музей естественной истории, а вечером направились в Чапел-Хилл. Северная Каролина играла против Клемсона, что в Южной Каролине, и игру транслировал и по И-эс-пи-эн. Хотя игра проходила в Южной Каролине, бары в центре были переполнены, множество студентов смотрели ее на гигантских плоскоэкранных телевизорах. Услышав, как они кричат и улюлюкают; словно судьба всего мира зависит от исхода игры, Тибо поймал себя на мысли, что парни их возраста служили в Ираке, и задался вопросом, какие солдаты получились бы из этих студентов.

Они пробыли там недолго. Через час Элизабет уже была готова уйти. Идя к машине, они обнялись, и она положила голову ему на плечо.

— Было весело, — сказала она. — Но там стоял такой шум.

— Ты говоришь так просто потому, что стареешь.

Она ущипнула его за талию, с удовольствием отметив, что там не наблюдалось ничего, кроме кожи и мышц.

— Смотри у меня, пупсик, а то сегодня ночью тебе не повезет.

— Пупсик? — повторил он.

— Это проявление нежности. Я называю так всех парней, с которыми встречаюсь.

— Всех?

— Ага. И незнакомцев тоже. Например, если мне уступают место в автобусе, я могу сказать: «Спасибо, пупсик».

— Наверное, я должен чувствовать себя особенно.

— Да, и не забывай об этом.

Они протиснулись через толпы студентов на Франклин-стрит, заглядывая в окна и наполняясь энергией молодежи. Тибо понимал, почему она захотела приехать сюда. Она пропустила радость студенческой жизни из-за Бена. И все же больше всего его поражало, что, хоть явно получала удовольствие, она нисколько не тосковала и не сожалела о том, что прошло мимо нее. Наоборот, она, скорее, походила на антрополога-наблюдателя, намеревавшегося изучить недавно открытую культуру. Когда он сказал ей об этом, она закатила глаза:

— Не порть вечер. Поверь, мои мысли не настолько глубоки. Я просто хотела выбраться из города и повеселиться.

Они поехали к Тибо и оставались там допоздна, болтая, и целуясь, и занимаясь любовью до самой ночи. Когда проснулся утром, Тибо обнаружил, что Элизабет лежит рядом и разглядывает его лицо.

— Что ты делаешь? — пробормотал он все еще сонным голосом.

— Слежу за тобой, — ответила она.

— Зачем?

— Мне так захотелось.

Он улыбнулся и провел пальцем по ее руке, ощутив прилив благодарности за то, что она есть в его жизни.

— Ты просто потрясающая, Элизабет.

— Я знаю.

— И все? Ты только и скажешь: «Я знаю»? — возмутился он, услышав такой насмешливый ответ.

— Не надо изображать бедного-несчастливого. Я ненавижу бедных-несчастливых мужчин.

— А я неуверен, что мне нравятся женщины, которые скрывают свои чувства.

Она улыбнулась, наклонившись, чтобы поцеловать его:

— Вчера я отлично провела время.

— И я тоже.

— Правда. Последние несколько недель, что я провела с тобой, были лучшими неделями в моей жизни. А вчера, когда я просто была с тобой... ты и не представляешь, каково это. Просто быть... женщиной. Не матерью, не учителем, не внучкой. Просто собой. Уже давно я так себя не чувствовала.

— Мы и до этого встречались.

— Я знаю. Но теперь все по-другому.

Он знал, что она говорит о будущем, о будущем, которое обретало ясность и цель, как никогда раньше. Глядя ей прямо в глаза, он точно знал, что она имеет в виду.

— И что будет дальше? — спросил он серьезно. Она снова его поцеловала, обдав его губы теплым и влажным дыханием.

— А дальше мы встанем. Через пару часов тебе надо быть в церкви. — Она хлопнула его по бедру.

— Еще много времени.

— У тебя — возможно. Но я здесь, а моя одежда, дома. Тебе надо встать и привести себя в порядок, да и мне надо сделать то же.

— Эти церковные дела, оказывается, утомительны.

— Еще бы, — сказала она. — Но у тебя особенно нет выбора. И кстати, — она потянулась к его руке, прежде чем продолжила, — ты тоже потрясающий, Логан.

Глава 23

БЕТ

— Мне он правда нравится, Нана, — сказала Бет. Стоя в ванной, она пыталась накрутить волосы на шипцы, хотя подозревала, что при таком дожде все усилия будут напрасны. После небольшой вчерашней отсрочки до них добрался первый из двух тропических штормов, которые обещали уже давно.

— Думаю, тебе пора начать говорить со мной откровенно. Он не просто тебе нравится. Ты полагаешь, что он Тот самый.

— Такой вывод не напрашивается сам собой, — заметила Бет, не желая в это верить.

— Очень даже напрашивается. Ты с таким же успехом могла бы сидеть на веранде и гадать на ромашке.

Бет широко улыбнулась:

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но я действительно поняла эту метафору.

Нана отмахнулась от нее:

— Случайностей не избежать. Дело вот в чем: я знаю, что он тебе нравится. Вопрос в том, нравишься ли ему ты.

— Да, Нана.

— Ты спрашивала, что это значит?

— Я знаю, что это значит.

— Я просто хотела удостовериться, — объяснила она. Она посмотрела в зеркало и поправила прическу. — Потому что мне он тоже нравится.

Она поехала с Наной домой к Логану, волнуясь всю дорогу из-за того, что дворники не справляются с потоками дождя. Похоже, из-за бесконечного ливня река вышла из берегов; хотя вода пока не стояла на улице, она уже подбиралась к тротуарам. Еще пару таких дней, подумала Бет, и начнут закрывать дороги. Фирмы на берегу реки скоро обложат свои здания мешками с песком, чтобы защитить от воды товары, хранящиеся на нижних этажах.

— Интересно, доедет ли кто-нибудь сегодня до церкви, — проворчала Бет. — Я едва различаю дорогу за окном.

— Маленький дождь не может помешать людям прийти к Богу, — пропела Нана.

— Это больше чем просто маленький дождь. Ты видела реку?

— Видела. Она выглядит угрожающе.

— Если она поднимется еще выше, мы не сможем проехать в город.

— Все получится, — объявила Нана.

Бет бросила на нее взгляд:

— Ты сегодня в отличном настроении.

— А ты — нет? Ты же всю ночь провела не дома.

— Нана! — запротестовала Бет.

— Я не осуждаю тебя, а просто констатирую факты. Ты взрослая женщина, и это твоя жизнь.

Бет уже давно привыкла к нравоучениям бабушки.

— Благодарю.

— Все идет хорошо? Даже при том, что бывший муженек пытается все испортить?

— Думаю, да.

— Думаешь, он заслуживает того, чтобы остаться в твоей жизни?

— Думаю, еще слишком рано размышлять на эту тему. Пока мы всего лишь стараемся узнать друг друга получше.

Нана наклонилась вперед и вытерла конденсат со стекла. Хотя влага тут же исчезла, отпечатки ее пальцев остались.

— Я сразу знала, что твой дед Тот самый.

— Он рассказывал, что вы встречались шесть месяцев, прежде чем он сделал тебе предложение.

— Это правда. Но это не значит, что я отказала бы, если бы он сделал предложение раньше. Я уже через пару дней знала, что он для меня единственный. Я знаю, это звучит безумно. Но жизнь с ним была словно хлеб с маслом, с самого начала.

Она нежно улыбнулась, прикрыв глаза, когда погрузилась в воспоминания.

— Мы с ним сидели в парке. Должно быть, это был второй или третий раз, когда мы остались наедине. И мы говорили о птицах, когда молодой парень, явно не из нашего округа, подошел к нам и начал слушать. Его лицо покрывал слой грязи, на ногах не было обуви, а одежда, почти превратившаяся в лохмотья, даже не подходила ему по размеру. Твой дед подмигнул ему, прежде чем продолжил, словно хотел сказать этому парню, что он может остаться, и парень почти улыбнулся. Меня тронуло то, что он не стал судить парня по внешнему виду. — Она сделала паузу. — Твой дед продолжил разговор. Должно быть, он знал название каждой птицы в этой части штата. Он рассказывал нам об их перелетах, о том, где они строили гнезда и как пели. Через какое-то время парень присел рядом и просто смотрел на твоего деда, а он все рассказывал так, что это... просто завораживало. И это ощущение передалось не только молодому парню, но и мне. Твой дед обладал мягким убаюкивающим голосом, и когда он говорил, у меня появилось чувство, что этот человек не умеет злиться дольше чем пару минут, потому что ему это просто несвойственно. Он никогда не придет в негодование и не затаит обид, и я знала, что он мужчина, который женится раз и навсегда. И я тогда же решила, что стану той, на которой он женится.

Несмотря на то, что Бет не впервые слышала истории Наны, она была тронута.

— Какая чудесная история!

— Он был чудесным человеком. А когда человек действительно особенный, ты понимаешь это быстрее, чем кажется возможным. Ты распознаешь это инстинктивно и начинаешь верить: что бы ни случилось, другого такого, как он, не будет.

К тому моменту Бет уже доехала до подъездной аллеи Логана, и когда свернула на нее и приблизилась к дому, подпрыгивая на ухабах и расплескивая воду из луж, она заметила, что он стоит на веранде в, судя по всему, новом пиджаке и свежeweыглаженных хлопчатобумажных брюках.

Когда он помахал рукой, она не смогла удержаться, чтобы не улыбнуться от уха до уха.

Служба началась и закончилась музыкой. Сольное выступление Наны было встречено сердечными аплодисментами, и пастор особо отметил Логана и Нану, поблагодарив Логана за подмену пианистки в последнюю минуту и Нану за то, что продемонстрировала чудо милости Божьей перед лицом трудностей.

Проповедь оказалась информативной и интересной и призывала к покорному смирению с тем, что неисповедимые пути Господни часто остаются непонятыми. Бет почувствовала, что именно благодаря столь талантливому пастору людей в их церковь приходит все больше и больше.

Со своего места на верхнем балконе она хорошо видела и Нану, и Логана. Всякий раз, когда Бен оставался на выходные с отцом, она любила занимать одно и то же место, чтобы сын знал, где ее искать. Обычно они встречались глазами раза два или три за службу. Сегодня же он постоянно оборачивался, и в его глазах сиял восторг от того, что он дружит с таким достойным человеком.

Бет же держалась от бывшего мужа на расстоянии. Не из-за того, что недавно узнала о нем, хотя этого тоже было достаточно, а потому, что это облегчало жизнь Бену. Несмотря на свои похотливые порывы, в церкви Кит вел себя так, словно ее присутствие несло в себе опасный и разрушительный заряд и могло каким-то образом расстроить членов его клана. Его дед сидел в центре в первом ряду, окруженный родственниками по обе руки и сзади, в следующем ряду. Со своего места она видела, как он читает Библию, что-то записывает и внимательно ловит каждое слово пастора. Он слово в слово пел нее гимны вместе с хором. Из всей семьи Бет относилась к нему лучше всего: он всегда был к ней справедлив и неизменно вежлив в отличие от остальных. Если они случайно сталкивались на выходе из церкви, он всегда замечал, что она хорошо выглядит, и выражал признательность за потрясающую работу по воспитанию Бена.

В его словах не было лукавства, однако она понимала, что выше головы ей не прыгнуть и она не в силах что-то изменить. Он знал, что она была лучшей матерью, чем Кит — отцом, и что Бен превращается в хорошего молодого парня благодаря ей, но это осознание никогда не затмит того факта, что Бен всегда был и будет одним из Клейтонов.

И все же дед нравился ей, несмотря на все, несмотря на Кита, несмотря на то, что она не могла ничего изменить. Да и Бену он нравился, и в половине случаев она чувствовала, что дед требовал от Кита привести Бена, чтобы избавить мальчика от необходимости все выходные проводить с отцом.

Но она думала отнюдь не об этом, когда наблюдала, как Логан играет на пианино. Она не знала, чего ожидать. Сколько людей этому учатся? Сколько людей утверждают, что умеют хорошо играть? Она быстро поняла, что Логан обладает исключительным мастерством, намного выше того уровня, который она представляла. Его пальцы легко и проворно летали над клавишами, казалось, он даже не смотрит на ноты, стоящие перед ним. Напротив, когда

пела Нана, он сосредоточил все внимание на ней, задавая идеальный ритм и темп: ее выступление, похоже, занимало его куда больше, чем его собственное.

Пока он играл, она все думала о той истории, что Нана рассказала по дороге. Отвлекаясь от службы, она поймала себя на мысли, что вспоминает непринужденные разговоры с Логаном, его крепкие объятия, его хорошее отношение к Бену. Действительно, она еще многого о нем не знала, но она знала одно: он дополнял ее так, как никто другой, а она даже не подозревала, что такое возможно. Знание — это еще не все, сказала она себе, и тогда она поняла, что если выражаться словами Наны, то он и есть хлеб для ее масла.

* * *

После службы Бет стояла позади, забавляясь при мысли о том, что к Логану теперь относятся как к рок-звезде. Ну ладно, как к рок-звезде, фанаты которой получают пенсионные пособия, но насколько она могла видеть, он был польщен и немного смущен неожиданным вниманием к его персоне.

Она поймала на себе его взгляд и прочла в нем мольбу спасти его. Вместо этого она просто пожала плечами и улыбнулась. Она не хотела вмешиваться. Когда пастор подошел поблагодарить Логана во второй раз, он предложил, чтобы Логан подумал об игре даже после того, как заживет запястье Абигайль.

— Уверен, что мы что-нибудь придумаем, — упрасивал пастор.

Больше всего она удивилась, когда дед вместе с Беном тоже подошел к Логану. Люди расступились перед ним, как разделилось Красное море перед Моисеем, ему не нужно было стоять в толпе, чтобы выразить похвалу. На отдалении Бет увидела Кита с лицом, преисполненным злобы вперемешку с отвращением.

— Отличная работа, молодой человек, — сказал дед, протягивая руку. — Вы играете так, словно вас благословил сам Господь.

По выражению лица Логана она поняла, что он узнал этого человека, хотя понятия не имела, как такое возможно. Он пожал руку старика:

— Благодарю, сэр.

— Он работает в питомнике у Наны, — вставил Бен. — И по-моему, они с мамой встречаются.

Тут в толпе поклонников воцарилась тишина и раздалось несколько недовольных покашливаний.

Дед уставился на Логана, хотя она не могла точно понять, что он об этом думает.

— Это правда? — спросил он.

— Да, сэр, — подтвердил Логан. Дед промолчал.

— А еще он служил в морской пехоте, — добавил он, забыв о том, что вокруг теснится масса людей. Когда на лице деда отразилось удивление, Логан кивнул:

— Я служил в 1-м батальоне 5-го полка из Пендлтона, сэр.

После многозначительной паузы дед кивнул.

— Тогда позвольте выразить вам признательность и за службу родине. Вы сегодня великолепно выступили.

— Благодарю, сэр, — повторил Логан.

— Ты вел себя так вежливо, — заметила Бет, когда они вернулись домой. Она не говорила о произошедшем, пока Нана не скрылась из виду. Снаружи газон начинал превращаться в озеро, а дождь все продолжался. Они прихватили Зевса по дороге назад, и теперь он лежал, свернувшись, у их ног.

— С чего бы мне быть невежливым?

Она состроила гримасу:

— Ты знаешь с чего.

— Но он же не твой бывший. — Он пожал плечами. — Сомневаюсь, что он вообще знает о том, что вытворяет твой экс-супруг. А что? Думаешь, надо было ему вмазать как следует?

— Нет, конечно.

— Вот и я так думаю. Зато я видел твоего бывшего, когда говорил с его дедом. Он выглядел так, словно только что проглотил червяка.

— Ты тоже заметил? Я решила, что это смешно.

— Только вот он вряд ли обрадовался.

— Ну и хорошо, — сказала она. — После всего, что он учинил, поделом ему, что ему попался червяк.

Логан кивнул, и она прильнула к нему. Он поднял руку и притянул ее еще ближе.

— Ты казался таким красивым, когда играл там.

— Да?

— Я знаю, не положено думать об этом в церкви, но я не могла удержаться. Тебе надо чаще носить пиджак.

— У меня работа, которая этого не требует.

— Зато у тебя девушка, которая этого требует.

Он притворился, что изумлен:

— А у меня есть девушка?

Она игриво ткнула его в бок, потом подняла глаза и поцеловала его в щеку.

— Спасибо, что приехал в Хэмптон. И решил остаться.

Он улыбнулся:

— У меня не было выбора.

Два часа спустя, прямо перед ужином, Бет увидела, что по лужам на подъездной аллее хлюпает машина Кита. Бен выпрыгнул из автомобиля. Кит включил задний ход и отъехал, прежде чем Бен добежал до веранды.

— Привет, мам! Привет, Тибо! Логан помахал, когда Бет встала.

— Привет, милый, — поздоровалась Бет. Она обняла сына. — Ты хорошо провел время?

— Мне не пришлось убирать кухню. И выносить мусор.

— Хорошо, — обрадовалась она.

— И знаешь что?

— Что?

Бен стряхнул воду с плаща.

— Мне кажется, я хочу научиться играть на пианино.

Бет улыбнулась, подумав: «Почему это меня не удивляет?»

— Эй, Тибо!

Логан приподнял подбородок:

— Да?

— Хотите посмотреть мой домик на дереве? Бет вмешалась:

— Солнышко... в такой ливень я не уверена, что это хорошая идея.

— Все в порядке. Его построил дедушка. И я был там всего пару дней назад.

— Вода, наверное, уже поднялась.

— Ну, пожалуйста! Мы быстро вернемся. И со мной все время будет Тибо.

Хотя умом Бет понимала, что лучше этого не делать, она согласилась.

Глава 24

КЛЕЙТОН

Клейтон не желал в это верить, но дед действительно похвалил Тай-болта после службы. Пожимал Тай-болту руку и вел себя так, словно перед ним какой-то герой, а Бен таращился на Тай-болта большими щенячьими глазами.

Он едва сдерживал себя, чтобы не открыть банку пива за поздним завтраком, а ведь, доставив Бена к матери, он уже выпил четыре. Он был почти уверен, что прикончит упаковку из двенадцати штук, а потом отрубится. Последние две недели он пил много пива. Он знал, что перебарщивает, но только это помогало ему отвлекаться от размышлений о последней стычке с

Тай-болтом.

За его спиной зазвонил телефон. Опять. В четвертый раз за последние несколько часов, но у него не было настроения снимать трубку.

Ладно, признал Клейтон, он недооценил парня. Тай-болт опережал его на шаг с самого начала. Раньше он думал, что только Бен умеет нажимать нужные кнопки, чтобы управлять им; этот парень не нажимал кнопки, а просто кидал бомбы. Нет, вдруг решил Клейтон, он не просто кидал бомбы. Он направлял крылатые ракеты с высочайшей точностью, нацеливая каждую из них на разрушение жизни Клейтона. Хуже того, Клейтон не смог этого предугадать. Ни разу.

Это сильно разочаровывало, особенно если учесть, что положение дел продолжало усугубляться. Теперь Тай-болт указывал ему, что делать. Раздавал команды, как будто Клейтон какой-нибудь лакей, и Клейтон никак не мог найти выход из сложившейся ситуации. Ему хотелось верить, что Тай-болт блефовал, говоря о видеозаписи взлома. Он наверняка блефовал: никто не мог проявить такую бдительность, чтобы позаботиться обо всем заранее. Наверняка. А что, если это не блеф?

Клейтон подошел к холодильнику и открыл еще одно пиво, зная, что не может так рисковать. Кто знает, что этот парень собирается делать дальше? Он сделал большой глоток, молясь, чтобы отупляющий эффект наступил как можно быстрее.

Он полагал, что с этим будет легче разобраться. Он был полицейским, а парень только приехал в город. Вся власть должна была сосредоточиться в руках Клейтона, но он почему-то сидел на грязной кухне, так как боялся попросить Бена убраться здесь. Мальчик мог бы пожаловаться Тай-болту, и это положило бы конец жизни Клейтона в его понимании.

И почему у этого парня на него зуб? Вот что Клейтон хотел узнать. Не Клейтон создавал проблемы; именно Тай-болт все усложнял, и чтобы подсыпать соли на рану, он еще и спал с Бет.

Он выпил еще, недоумевая, как его жизнь столь стремительно превратилась в полное дерьмо. Упиваясь собственным горем, он не расслышал, как кто-то постучал в дверь. Он встал, оттолкнувшись от стола, и, спотыкаясь, побрел к входу через гостиную. Открыв дверь, он увидел на веранде Тони, промокшего до нитки. Мало того что он, Клейтон, отвратительно себя чувствовал, так еще надо было приползти этому червяку.

Тони сделал маленький шагок назад.

— Здорово, друг. Ты в порядке? Запах такой, как будто ты пил.

— Чего тебе, Тони? — У него не было настроения для пустой болтовни.

— Я пытался тебе позвонить, но ты не взял трубку.

— Ближе к делу.

— Я почти не вижу тебя в последнее время.

— Я был занят. И сейчас тоже занят, так что уходи.

Он попытался закрыть дверь, и Тони поднял руку:

— Подожди! Мне нужно кое-что тебе рассказать, — проскулил он. — Это важно.

— Что?

— Помнишь, когда я тебе позвонил? Точно не знаю, это было пару месяцев назад.

— Не помню.

— Ты вспомнишь. Я позвонил тебе из бильярдной «Декерс» насчет парня, который показывал фотографию Бет.

— И?

— Вот что я хотел тебе сказать. — Он убрал клок жирных волос с глаз. — Я сегодня видел его. И я видел, как он говорит с Бет.

— О чем ты?

— После церкви. Он говорил с Бет и твоим дедом. Это он сегодня играл на пианино.

Несмотря на алкоголь, Клейтон почувствовал, что у него в голове все проясняется. Сначала мысли были туманными, а потом обрели четкость. Именно в те выходные Тай-болт забрал фотоаппарат и карту памяти.

— Ты уверен?

— Да, уверен. Я узнал бы этого парня где угодно.

— У него была фотография Бет?

— Я уже говорил тебе об этом. Я ее видел. Я просто подумал, что это странно, понимаешь? А сегодня я заметил их вместе, вот и решил, что тебе будет интересно об этом услышать.

Клейтон переваривал новость, принесенную Тони.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне обо всем, что помнишь об этой фотографии.

Червяк Тони обладал удивительной памятью и быстро поведал Клейтону всю историю. Что снимку было несколько лет и его сделали на ярмарке. Что Тай-болт не знал, как ее зовут. Что Тай-болт искал ее.

После ухода Тони Клейтон продолжал размышлять о том, что выяснил.

Невозможно, что Тай-болт был здесь пять лет назад и забыл, как ее зовут. Так где он взял фотографию? Вдруг он прошел через всю страну, только чтобы найти ее? А если да, что это значит?

Неужели Тай-болт преследовал Бет?

Клейтон еще не был уверен, но что-то здесь не вязалось друг с другом. А Бет, наивная, как всегда, пустила этого человека не только в свою постель, но и в жизнь Бена.

Он нахмурился. Ему это не нравилось. Ему совсем это не нравилось, и он не сомневался, что

Бет это тоже не понравится.

Глава 25

ТИБО

— Так вот он, да?

Несмотря на навес из ветвей деревьев, Тибо весь промок к тому времени, как они с Беном добрались до домика. Вода струями стекала с его дождевика, а новые брюки намокли почти до колен. Носки в ботинках неприятно хлюпали. Бена же с головы до ног закрывал плащ с капюшоном, а на ногах у мальчика были резиновые сапоги Наны. Если бы не открытое лицо, подумал Тибо, Бен едва ли вообще заметил бы дождь.

— Вот как мы туда перебираемся. Потрясающе, правда? — Бен махнул рукой на дуб на ближнем берегу речки. Прибитые гвоздями к стволу бруски рядом взбирались на дерево. — Нужно только залезть по лесенке на дерево, тогда мы сможем перейти мост.

Тибо с мрачным предчувствием отмстил, что речушка разлилась в два раза шире обычного, превратившись в полноводную реку с быстрым течением.

Повернувшись к маленькому мосту, Тибо увидел, что он состоит из трех частей: обветшалый веревочный мост, идущий от дуба на ближнем берегу к центральному звену конструкции — площадке посередине реки на четырех деревянных столбах, эту площадку с платформой перед домиком соединял еще один веревочный мост. Тибо заметил, что вокруг столбов плавают обломки, которые прибило быстрым течением. Хотя до этого он не осматривал мост, он подозревал, что бесконечные ливни и стремительный поток воды ослабили опору площадки. Прежде чем он успел что-то сказать, Бен уже поднялся на дуб по лесенке, что вела к мосту.

Бен широко улыбался, глядя на него сверху.

— Давайте же! Чего вы ждете?

Тибо поднял руку, чтобы закрыть лицо от дождя, и его вдруг охватил ужас.

— Не уверен, что это хорошая мысль...

— Трус! — подзадоривал Бен. Он побежал через мост, который ходил под ним из стороны в сторону.

— Подожди! — крикнул Тибо, но безрезультатно. К тому моменту Бен уже добрался до площадки.

Тибо забрался по лестнице и осторожно ступил на веревочный мост. Разбухшие от воды доски прогнулись под его весом. Как только Бен увидел, что Тибо идет, он рванул по второму веревочному мосту в домик. У Тибо сердце ушло в пятки, когда Бен вскочил на платформу перед домиком. Она качнулась под весом Бена, но удержалась на месте. Бен повернулся, на его губах играла улыбка.

— Возвращайся! — крикнул Тибо. — Думаю, мост меня не выдержит.

— Выдержит. Его построил мой дедушка!

— Пожалуйста, Бен!

— Трус! — снова поддразнил его Бен.

Было очевидно, что все это для Бена лишь игра. Тибо еще раз взглянул на мост, посчитав, что если будет двигаться медленно, то может остаться целым и невредимым. Бен бежал, создавая сильные колебания и увеличивая давление. Выдержит ли мост вес тела Тибо?

Когда он сделал первый шаг, доски, мокрые и старые, прогнулись под ним. Сухая гниль, это точно. Все мысли Тибо вдруг обратились к фотографии, лежавшей у него в кармане. Речка бурлила и извивалась бурным потоком прямо под его ногами.

Нельзя терять времени. Он пошел медленно и добрался до площадки, затем ступил на вторую секцию веревочного моста. При виде шаткой платформы он засомневался, что она выдержит их обоих. Фотография в кармане будто жгла его огнем.

— Встретимся внутри, — сказал Тибо как можно более непринужденно. — Не надо сидеть под дождем и ждать такого старика, как я.

К счастью, Бен рассмеялся и юркнул в домик. Тибо с облегчением выдохнул, подобравшись к краю платформы. Он проворно сделал широкий шаг, чтобы миновать платформу, и залез в домик.

— Вот где я храню карточки с покемонами, — скатал Бен, не обратив внимания на его приход, и ткнул пальцем на жестяные банки в углу. — У меня есть карточка с Чаризардом. И с Мьюту.

Тибо вытер с лица капли дождя, собрался с духом и сел на пол.

— Здорово, — сказал он. Вода стекала с его дождевика, образуя вокруг него лужу.

Он оглядел крошечную комнатку. По углам высились кучи игрушек, а в стене было прорезано окно, которое не могло защитить помещение от капризов погоды. Из мебели наблюдалось одно-единственное кресло-мешок, набитое шариками.

— Это мое укрытие, — признался Бен, плюхнувшись на кресло.

— Да?

— Я прихожу сюда, когда злюсь. Например, если мальчишки в школе плохо себя ведут.

Тибо откинулся назад, опершись на стену, и отряхнул воду с рукавов.

— Что они делают?

— Всякую ерунду. Знаете. — Он пожал плечами. — Дразнятся, потому что я плохо играю в баскетбол, или не умею подавать мяч, или ношу очки.

— Должно быть, это нелегко.

— Меня это не беспокоит.

Казалось, Бен не заметил явного противоречия в своих словах, и Тибо продолжил:

— Что тебе больше всего нравится, когда ты остаешься здесь?

— Тишина, — ответил Бен. — Когда я здесь, никто не задает вопросов и не просит меня что-то

делать. Я просто сижу здесь и думаю.

Тибо кивнул:

— Вполне понятно. — В окне он увидел, что поднялся ветер, сдувая дождь. Гроза становилась еще сильнее. — О чем ты думаешь? — спросил он.

Бен пожал плечами:

— О том, как вырасту, и все такое. О том, как стану старше. — Он помолчал. — Хотел бы я быть больше.

— Почему?

— В моем классе есть мальчишка, который всегда меня задирает. Он гадкий. Вчера он толкнул меня в кафе.

Домик содрогался под порывами ветра. И снова фотография будто вспыхнула, и Тибо обнаружил, что невольно шарит рукой в кармане. Он не понимал причины такого поведения, но прежде чем осознал, что делает, вытащил фотографию.

Снаружи продолжал завывать ветер, и он слышал, как ветви хлещут по стенам сооружения. С каждой минутой дождь, как он знал, все больше наполняет реку водой. Ни с того ни с сего перед ним возникла картина того, как рушится платформа перед домиком и Бен оказывается в ловушке.

— Я хочу тебе кое-что подарить, — сказал Тибо, слова вырвались у него, прежде чем он успел их обдумать. — Думаю, это поможет тебе справиться с твоей проблемой.

— Что это?

Тибо сглотнул.

— Это фотография твоей мамы.

Бен взял фотографию и с любопытством посмотрел на нее.

— И что мне с ней делать?

Тибо наклонился вперед и тронул фотографию за уголок.

— Просто носи ее с собой. Мой друг Виктор называл ее талисманом. Он говорил, что она сохранила мне жизнь в Ираке.

— Правда?

«Вот в чем вопрос, да?» После долгой паузы Тибо кивнул:

— Это я тебе гарантирую.

— Круто.

— Сделаешь мне одолжение? — спросил Тибо.

— Какое?

— Пусть это останется между нами, ладно? И пообещаешь всегда носить ее с собой?

Бен задумался.

— Можно ее свернуть?

— Думаю, это не имеет значения. Мальчик молчал.

— Конечно, — наконец произнес он, сложив фотографию пополам и засунув ее в карман. — Спасибо!

Впервые за пять лет фотография оказалась от него дальше, чем просто на расстоянии от ванной комнаты до спальни. И чувство утраты сбивало его с толку. Все-таки Тибо не ожидал, что будет переживать разлуку с фотографией так остро. Когда он наблюдал, как Бен переходит мост, а вода бушует все сильнее, это ощущение только усилилось. Бен помахал ему с другой стороны реки и полез вниз по лесенке на дубе, и Тибо неохотно ступил на платформу, а потом как можно быстрее перебрался на мост.

Он ощущал свою уязвимость, переходя мост шаг за шагом, и старался игнорировать уверенность в том, что мост вот-вот рухнет в воду, как и тот факт, что у него больше не было фотографии. Дойдя до дуба, он зашатался и облегченно вздохнул. И все же, когда он спускался вниз, его терзало смутное предчувствие, что, ради чего бы он ни приехал, это еще не закончилось. Напротив, все только начиналось.

Глава 26

БЕТ

В среду Бет сидела в классе и смотрела в окно. Она никогда не видела ничего подобного: ураганы и северо-восточные ветры не шли ни в какое сравнение с бесконечными ливнями, которые за последнее время залили округ Хэмптон и все остальные округа от Роли до побережья. Проблема состояла в том, что в отличие от большинства тропических штормов эти дожди быстро не ушли к морю. Напротив, день за днем гремел гром, а почти все реки в восточной части штата поднялись до уровня, грозящего наводнением. Маленькие городки вдоль берегов рек Памлико, Ньюз и Кейп-Фир уже затопило, и Хэмптон ждала та же участь. Еще день-два проливного дождя — и до большинства предприятий в центре города можно будет добраться только на каноэ.

Власти округа уже решили закрыть школы до конца недели, потому что школьные автобусы больше не могли выполнять маршруты и лишь половина учителей добиралась до работы. Бен, разумеется, пришел в восторг от возможности посидеть дома и повозиться в лужах с Зевсом, Бет же относилась к этому куда более осторожно. В газетах и местных новостях сообщали, что хотя Саут-Ривер уже поднялась до опасной отметки, дальше, вплоть до того момента пока вода не отступит, будет только хуже, поскольку все мелкие реки и притоки лишь способствуют разливу реки. Два притока, окружавшие питомник и пробежавшие в четверти мили от него, теперь можно было увидеть из окон дома, и даже Логан не разрешал Зевсу заходить в воду из-за обломков, намытых бурным потоком.

Детям было нелегко сидеть в четырех стенах, вот почему она сама оставалась в классе. После ленча ученики возвращались в классные комнаты, где теоретически должны были заниматься

рисованием или спокойно читать, вместо того, чтобы гонять мяч или играть в баскетбол или салки на улице. Детям хотелось выпустить энергию, и она это знала. Долгие годы она просила администрацию школы о том, чтобы они просто сложили обеденные столы в кафетерии и разрешили детям побегать или поиграть двадцать минут, чтобы они могли сосредоточиться, вернувшись на занятия после ленча. «Даже не думайте, — сказали ей, — в связи с нормативными требованиями, требованиями по несению ответственности, требованиями по обслуживанию здания и требованиями по охране здоровья и обеспечению безопасности». Когда она поинтересовалась, что это значит, то услышала длинное объяснение, но для нее все это свелось к картофелю фри. Примерно так: «Нельзя допустить, чтобы дети поскользнулись на картофеле фри», или «Если какой-нибудь ребенок поскользнется на картофеле фри, на школьный округ подадут в суд», или «Пришлось бы заново обсуждать трудовые договоры с обслуживающим персоналом в случае необходимости убирать с пола картофель фри в иное время, чем предусмотрено рабочим расписанием» и, наконец, «Если кто-то поскользнется на упавшем на пол картофеле фри, дети подвергнутся воздействию вредоносных патогенных бактерий».

Добро пожаловать в мир юристов, подумала она. Юристам просто не приходилось учить детей после того, как они весь день просидели в классной комнате, не разбавив ничем это скучное времяпрепровождение.

Обычно она удалялась в учительскую, чтобы пообедать. Но раз на подготовку класса к следующему занятию осталось так мало времени, она решила не уходить и заняться делами. Она раскладывала мягкие пuffy-мешки, которыми можно кидаться друг в друга — они хранились в шкафу специально для таких непредвиденных случаев, — когда заметила в дверях какое-то движение. Она повернулась и в ту же секунду узнала вошедшего. Его форма намочила в плечах, и пара капель упала с пояса, где он хранил пистолет. В одной руке он держал папку из манильской бумаги.

— Привет, Бет, — сказал он. Его голос звучал очень тихо. — Есть минутка?

Она встала:

— В чем дело, Кит?

— Я приехал извиниться, — объяснил он. Он сцепил руки перед собой в знак раскаяния. — Знаю, у тебя мало времени, но я хотел поговорить с тобой наедине. Я решил попытаться счастья и попробовать пообщаться здесь, но если время неподходящее, мы можем встретиться в другое время, когда тебя это устроит.

Она взглянула на часы.

— У меня есть пять минут, — сказала она.

Кит шагнул в класс и начал закрывать дверь. На полпути он остановился, словно спрашивая ее разрешения. Она кивнула, желая выслушать его, что бы он ни сказал. Он подошел к ней, остановившись на почтительном расстоянии.

— Как я уже сказал, я приехал сюда, чтобы извиниться.

— За что?

— За сплетни, которые дошли до тебя, — сказал он. — Я не был честен с тобой до конца.

Она скрестила руки.

— Другими словами, ты солгал, — заявила она.

— Да.

— Ты солгал, глядя мне в глаза.

— Да.

— Насчет чего?

— Ты спрашивала, отпугивал ли я некоторых из парней, с которыми ты раньше встречалась. Полагаю, что нет, но я не признался тебе, что действительно говорил с некоторыми из них.

— Ты говорил с ними.

— Да.

Она изо всех сил старалась сдерживать злость.

— И... что? Ты сожалеешь о том, что делал это, или о том, что солгал?

— И то и другое. Мне жаль, что я делал это, и жаль, что солгал. Мне не следовало так поступать. — Он сделал паузу. — Я знаю, у нас были не самые прекрасные отношения после развода. И еще я знаю, что наш брак был ошибкой. В этом ты права. Мы не были созданы друг для друга, и я с этим согласен. Но между нами — и здесь я буду честен, так как ты имеешь к этому большее отношение, чем я, — у нас отличный сын. Ты, возможно, думаешь, что я не лучший отец на свете, но я никогда не сожалел о том, что у нас появился Бен, или о том, что в основном он живет с тобой. Он прекрасный мальчик, и ты прекрасно его воспитываешь.

Она не знала, что и ответить. Он нарушил тишину и продолжил:

— Но я до сих пор волнуюсь и всегда волновался. Как я уже говорил, я волнуюсь о том, кто появляется в жизни Бена, будь то друзья, или знакомые, или даже люди, которых ему представляешь ты. Я знаю, это несправедливо и ты, вероятно, считаешь это вторжением в твою личную жизнь, но я такой, какой есть. И если честно, я не знаю, смогу ли когда-нибудь измениться.

— То есть ты хочешь сказать, что будешь преследовать меня вечно?

— Нет, — быстро возразил он. — Я больше так не поступлю. Я просто объяснял, почему делал это раньше. И поверь, я не угрожал этим парням и не пытался запугать их. Я просто говорил с ними. Я объяснял, как много для меня значит Бен и что роль отца для меня важнее всего в жизни. Наверное, ты не всегда согласна с тем, как я пытаюсь его воспитывать, но если ты вспомнишь наши отношения пару лет назад, то поймешь: так было не всегда. Ему нравилось приезжать ко мне. А теперь — нет. Но я не изменился. Он изменился. Не в плохом смысле, расти — это нормально, и он всего лишь вырос. А мне, возможно, нужно осознать и принять тот факт, что он становится старше.

Она молчала. Глядя на нее, Кит сделал глубокий вздох.

— Еще я говорил этим мужчинам, что не хочу, чтобы тебе причиняли боль. Я знаю, это может прозвучать так, словно я проявлял собственнические замашки, но это не так. Я говорил это как

брат. Как сказал бы Дрейк. Вроде того, что если она тебе нравится, если ты ее уважаешь, просто убедись в том, что относишься к ней именно так. Вот и все, что я им говорил. — Он пожал плечами. — Не знаю. Может, некоторые поняли меня неправильно, потому что я полицейский или потому что у меня такая фамилия, но с этим ничего нельзя поделать. Поверь мне, меньше всего я хочу сделать тебя несчастной. Возможно, у нас ничего и не получилось, но ты мать моего сына и навсегда ею останешься.

Кит опустил глаза, переминаясь с ноги на ногу.

— У тебя есть полное право на меня злиться. Я был не прав.

— Да, ты был не прав. — Бет оставалась на том же месте, скрестив руки на груди.

— Я уже сказал, мне жаль, и больше такого не повторится.

Она ответила не сразу.

— Ладно, — наконец произнесла она. — Но я требую, чтобы ты сдержал свое обещание.

На его губах промелькнула мимолетная, почти рабелепная улыбка.

— Вполне справедливо.

— Это все? — Она наклонилась, чтобы вытащить три мешка с нижней полки шкафа.

— Вообще я к тому же хотел поговорить с тобой о Логане Тибо. Ты должна о нем кое-что узнать.

Она подняла руки, чтобы остановить его:

— Даже не думай касаться этой темы.

Его это не обескуражило, он шагнул вперед, теребя поля шляпы.

— Я не собираюсь разговаривать с ним, если только об этом меня не попросишь ты. Я хочу прояснить это раз и навсегда. Поверь мне, Бет. Это серьезно. Я бы не пришел сюда, если бы это было не так. Я здесь, потому что переживаю за тебя.

От такой наглости у нее просто перехватило дыхание.

— Ты действительно думаешь, я могу поверить, будто ты искренне беспокоишься обо мне после того, как ты столько лет шпионил за мной? После того, как лишил меня всякой возможности построить новые отношения?

— Это никак не связано.

— Дай угадаю... ты считаешь, он употребляется наркотики, правда?

— Понятия не имею. Но я должен сказать, что он не был с тобой честен.

— Ты даже не представляешь, насколько он был честен со мной. А теперь убирайся отсюда. Я не желаю с тобой разговаривать. Я не желаю слушать то, что ты пришел рассказать.

— Тогда спроси его сама, — перебил Клейтон. — Спроси, приехал ли он в Хэмптон, чтобы найти

тебя.

— С меня хватит, — заявила она, подойдя к двери. — А если на выходе ты хоть пальцем меня тронешь, я позову на помощь.

Она прошла мимо него, и когда собиралась перешагнуть через порог, Кит шумно вздохнул.

— Спроси его о фотографии, — посоветовал он. Его слова заставили ее остановиться.

— Что?

Она никогда еще не видела Кита столь серьезным.

— О фотографии, которую он получил от Дрейка.

Глава 27

КЛЕЙТОН

По ее лицу Клейтон понял, что привлек ее внимание, но сомневался, что она поняла намек.

— У него есть твоя фотография, — продолжал он. — Когда он впервые приехал в город, он показывал ее в бильярдной «Декерс пул холл». Тони был там тем вечером и видел это. Вообще он позвонил мне прямо тогда, потому что рассказ парня показался ему странным, но я не придал этому значения. А в прошлые выходные Тони заскочил сообщить, что он узнал Тибо, когда тот играл на пианино в церкви.

Бет лишь смотрела на него, не отводя глаз.

— Не знаю, дал ли ему фотографию Дрейк или он забрал ее у Дрейка. Но полагаю, только так она и могла ему достаться. И Дрейк, и Тибо служили в морской пехоте, и, как утверждает Тони, фотография уже не новая, ее сняли пару лет назад.

Он поколебался.

— Я знаю, то, что я рассказал тебе о своем поведении, может привести тебя к мысли, будто я опять пытаюсь испортить твои отношения с другим мужчиной, но я не собираюсь с ним разговаривать. И все же я считаю, что это стоит сделать тебе. И я говорю это не как твой бывший муж, а как полицейский.

Бет хотела уйти, но, казалось, ей не хватало силы воли сдвинуться с места.

— Подумай об этом. У него была твоя фотография, и только поэтому он прошел через всю страну, чтобы найти тебя. Я не знаю почему, но догадываюсь. Им овладела одержимость тобой, хоть вы никогда не встречались. Подобно тому, как человек становится одержим кинозвездой. И что же он сделал? Он выследил тебя, но взглянуть издали или познакомиться с тобой оказалось недостаточно. Он стал частью твоей жизни. Вот как поступают опасные преследователи, Бет.

Он говорил спокойно и отстраненно, как профессионал, что только усиливало ужас, начинавший охватывать Бет.

— По твоему виду мне ясно, что все это для тебя неожиданно. Ты недоумеваешь, правда это или ложь, а моя репутация в твоих глазах подмочена. Но пожалуйста, ради Бена, ради себя

самой спроси его об этом. Я могу побыть рядом, если ты захочешь, или даже прислать другого полицейского, если ты сочтешь нужным. Или можешь позвать еще кого-нибудь, например, твою подругу Мелоди. Я просто хочу, чтобы ты поняла, насколько все серьезно. Как это... страшно и странно. От этого в самом деле мурашки по коже, и я не могу даже описать, насколько важно, чтобы ты тоже серьезно к этому отнеслась.

Его губы вытянулись в прямую линию, когда он положил файловую папку на парту сбоку от него.

— Здесь кое-какая общая информация о Логане Тибо. У меня не было времени на более тщательные поиски, и хотя я могу заработать кучу проблем, если покажу тебе это, я ведь не знаю, что еще он тебе не сказал... — Он осекся, а потом снова поднял на нее глаза. — Подумай о том, что я тебе сообщил. И будь осторожна, ладно?

Глава 28

БЕТ

Она едва различала дорогу через ветровое стекло, но теперь в этом был виноват не дождь, а ее неспособность сосредоточиться. После ухода Кита она стояла и моргала от удивления, глядя на папку и пытаясь вникнуть в смысл сказанного ее бывшим.

Логан завладел фотографией Дрейка... Логан был одержим ею... Логан решил разыскать ее... Логан ее выследил.

Ей стало трудно дышать, и единственное, что она смогла предпринять, — это отправиться в кабинет директора и отпроситься домой. Директору было достаточно взглянуть на ее лицо, чтобы согласиться, и он предложил подменить ее на оставшихся занятиях. После школы Бена заберет Нана, сообщила ему Бет.

По дороге домой в ее голове один образ сменялся другим в калейдоскопе из видов, звуков и запахов. Она силилась убедить себя, что Кит лгал, хватаясь за любую возможность найти услышанному логическое объяснение. Все возможно, особенно если учесть, как он лгал ей в последнее время, но все же...

Кит говорил серьезно. Скорее как профессионал, чем как знакомый с ней человек, к тому же он сообщил ей факт, который легко проверить. Он знал, что она спросит об этом Логана... он хотел, чтобы она спросила Логана... а это означало...

Она сжала руль, ощущая острую потребность поговорить обо всем с Логаном. Он все объяснит. Он должен суметь все объяснить.

Вода из реки уже залила дорогу, но, увлеченная своими мыслями, Бет не замечала этого, пока не заехала в большую лужу. Она резко давила на газ, когда машина почти встала. Вокруг нее текла река, и она подумала, что вода испортит двигатель, но машина продолжала катиться дальше, туда, где вода была еще глубже, прежде чем наконец выехала на более высокий участок.

К тому времени как доехала до дома, Бет не понимала, что чувствует, за исключением смущения. Она, то ощущала злость и чувствовала себя так, словно ее предали и пытались использовать, то убеждала себя, что это неправда и Кит снова солгал ей.

Приблизившись к подъездной аллее, она поймала себя за тем, что оглядывает залитую дождем

землю в поисках Логана.

Впереди сквозь низко зависший над травой туман она увидела в доме свет. Она поразмыслила, не стоит ли забежать в дом перекинуться парой слов с Наной, страстно желая, чтобы ее трезвый ум и чувство здравого смысла помогли во всем разобраться. Но когда она увидела свет в кабинете и полуоткрытую дверь, прижатую деревянным бруском, к ее горлу подступил комок. Она повернула руль по направлению к питомнику, говоря себе, что у Логана нет никакой фотографии, что все это ошибка. Она прыгала по грязным лужам, а дождь хлестал сильнее, так что дворники с ним не справлялись. На пороге питомника она увидела лежащего у двери Зевса, он поднял голову.

Она остановилась и побежала к крыльцу, дождь хлестал ее по лицу. Зевс приблизился к ней, обнюхав ее руку. Она не обратила на него внимания и влетела внутрь, ожидая найти Логана за рабочим столом.

Его там не было. Дверь, ведущая из кабинета в питомник, оказалась открытой. Она собрала волю в кулак, остановившись посреди кабинета, глядя, как тени ползут по стенам в полумраке коридора. Она подождала, пока Логан выйдет на свет.

— Привет, Элизабет, — поздоровался он. — Не ожидал тебя увидеть... — Он остановился на полуслове. — Что случилось?

Глядя на него, она почувствовала, что обуревавшие ее эмоции вот-вот хлынут через край. Во рту резко пересохло, и она не знала, как начать и что сказать. Логан молчал, словно разгадал перемену в ее настроении.

Она закрыла глаза, едва сдержав слезы, и осторожно выдохнула.

— Почему ты приехал в Хэмптон? — наконец спросила она. — На этот раз я хочу услышать правду.

Он не двигался.

— Я говорил тебе правду, — сказал он.

— Ты рассказал мне все?

Он поколебался долю секунды, прежде чем ответить.

— Я никогда тебе не лгал, — ответил он тихо.

— Я не об этом спрашивала! — выкрикнула она. — Я спрашивала, скрываешь ли ты что-нибудь!

Он внимательно на нее посмотрел:

— Откуда у тебя такие мысли?

— Это не важно! — На этот раз в ее голосе слышалась злость. — Я просто хочу знать, почему ты приехал в Хэмптон!

— Я же сказал тебе...

— У тебя есть моя фотография?

Логан промолчал.

— Отвечай на вопрос. — Она шагнула к нему, яростно проговаривая каждое слово. — У тебя есть моя фотография?

Она не знала, какой реакции от него ждать, но если не считать легкого вздоха, он и не поморщился.

— Да, — признался он.

— Та самая, которую я дала Дрейку?

— Да, — повторил он.

Услышав его ответ, она почувствовала, что весь ее мир рушится как картонный домик. В одну секунду все обрело смысл: его взгляд в момент первой встречи, причина, по которой он согласился работать за такую низкую зарплату и подружился с Наной и Бенем, и все эти разговоры о судьбе...

У него была фотография. Он приехал в Хэмптон, чтобы найти ее. Он выследил ее, как охотник добычу.

Ей вдруг стало трудно дышать.

— О Боже!

— Это не то, что ты думаешь...

Он потянулся к ней, а она с отсутствующим видом наблюдала, как его рука приближается, прежде чем наконец осознала, что происходит. Она, вздрогнув, покачнулась и отступила назад, отчаянно стараясь увеличить расстояние между ними. Все оказалось ложью...

— Не прикасайся ко мне!

— Элизабет...

— Меня зовут Бет!

Она смотрела на него как на чужого человека, пока он не опустил руку.

Теперь он заговорил уже шепотом:

— Я могу объяснить...

— Что — объяснить? — пожелала знать она. — Что ты украл фотографию у моего брата? Что ты прошел через всю страну, чтобы найти меня? Что ты влюбился в картинку...

— Все было не так, — возразил он, покачав головой.

Она его не слышала. Все, что она могла, — это смотреть на него, недоумевая, было ли хоть одно из его слов правдивым.

— Ты преследовал меня... — произнесла она, словно разговаривая с самой собой. — Ты лгал мне. Ты использовал меня.

— Ты не понимаешь...

— Не понимаю? Ты хочешь, чтобы я поняла?

— Я не крал фотографию, — сказал он. Его голос звучал ровно и спокойно. — Я нашел ее в Кувейте и повесил на доску объявлений, с которой, как я думал, ее заберут. Но никто ее не забрал.

— И ты... взял ее себе? — Она недоверчиво покачала головой. — Почему? Потому что у тебя возникли странные извращенные мысли на мой счет?

— Нет, — ответил он, впервые повысив голос. Этот звук удивил ее, замедлив ход мыслей, пусть только на мгновение. — Я пришел, потому что был тебе должен.

— Был должен мне? — Она заморгала. — Что вообще это означает?

— Фотография... она спасла меня.

Хотя она четко все слышала, его слова не доходили до нее. Она подождала, не добавит ли он еще что-нибудь, и в последовавшей тишине поняла, что у нее от таких речей... мороз по коже. Волоски на ее руках встали дыбом, и она отступила еще на шаг назад.

— Кто ты? — прошипела она. — Что тебе от меня нужно?

— Мне ничего не нужно. И ты знаешь, кто я.

— Нет, не знаю! Я ничего о тебе не знаю!

— Позволь мне объяснить...

— Тогда объясни, почему, если все так чисто и невинно, ты не рассказал мне о фотографии сразу, когда впервые пришел сюда! — прокричала она, так что ее голос эхом разнесся по кабинету. Ее воображение живописало образ Дрейка и все подробности того вечера, когда была сделана фотография. Она указала на него пальцем: — Почему ты не сказал: «Я нашел это фото в Ираке и решил, что ты захочешь получить его назад»? Почему ты не рассказал мне, когда мы говорили о Дрейке?

— Не знаю...

— Это была не твоя фотография! Ты разве не понимаешь? Она предназначалась не для тебя! Для моего брата, но не для тебя! Это была его фотография, и ты не имел права скрывать это от меня.

Логан заговорил почти шепотом:

— Я не хотел делать тебе больно.

Она уставилась на него, сверля его взглядом, исполненным гнева.

— Вся эта история — обман, да? Ты нашел фотографию, и у тебя появился... извращенный замысел с тобой в главной роли. Ты разыгрывал меня с нашей первой встречи! Ты не спешил выяснил, что нужно сделать, чтобы предстать в моих глазах идеальным мужчиной. И ты подумал, что из-за твоей одержимости мной ты сможешь одурачить меня и заставить тебя полюбить. — Она увидела, как Логан поморщился при ее словах, и продолжила: — Ты

спланировал все с самого начала! Это отвратительно и неправильно, и я не могу поверить, что попала на твою удочку.

Он едва заметно качнулся, потрясенный ее выпадом.

— Я признаю, что хотел с тобой познакомиться, — сказал он. — Но ты ошибаешься в том, что касается истинной причины. Я пришел не для того, чтобы заставить тебя себя полюбить. Я знаю, это звучит безумно, но я пришел, потому что поверил, будто фотография спасла меня от ранений и что... я был тебе должен, хоть и не знал, что это означает или что из этого выйдет. Но я ничего не планировал, после того как приехал сюда. Я поступил к вам на работу и потом полюбил тебя.

Выражение ее лица не смягчилось, пока он говорил. Напротив, она постепенно закачала головой:

— Ты вообще слышишь, что говоришь?

— Я знал, что ты в это не поверишь. Вот почему не рассказал тебе.

— Не пытайся оправдать свою ложь! Ты последовал зову какой-то извращенной фантазии и даже не желаешь это признавать.

— Прекрати так это называть! — выкрикнул он в ответ. — Это ты не слушаешь. Ты даже не пытаешься понять, что я говорю!

— А почему я должна пытаться понять? Ты врал мне с самого начала. Ты использовал меня с самого начала.

— Я тебя не использовал, — произнес он, с трудом выпрямившись и вновь обретая самообладание. — И я не лгал насчет фотографии. Я просто не говорил о ней, потому что не знал, как рассказать обо всем так, чтобы не показаться тебе сумасшедшим.

Она подняла руки:

— Даже не думай обвинить во всем меня. Это ты врал! И секреты были у тебя! Я рассказывала тебе все! Я отдалась тебе всем сердцем! Я позволила сыну сблизиться с тобой! — крикнула она. Ее голос сорвался, и она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. — Я спала с тобой, потому что думала, что ты человек, которому можно доверять. Но теперь я знаю, что нельзя. Ты представляешь, какое после этого ощущение? Когда знаешь, что все было какой-то шарадой?

В его голосе слышалась нежность.

— Пожалуйста, Элизабет... Бет... просто послушай.

— Я не хочу слушать Я уже наслушалась достаточно лжи.

— Не надо так.

— Ты хочешь, чтобы я слушала? — взвизгнула она. — Что слушала? Что ты помешался на фотографии и отправился искать меня, потому что она якобы спасла тебе жизнь? Это ненормально, но больше всего меня беспокоит, что ты даже не понимаешь: такое объяснение только говорит в пользу того, что ты псих.

Он вперил в нее взгляд, и она увидела, как сжались его челюсти.

Она почувствовала, как по всему телу пробежала дрожь. С этим покончено. С ним покончено.

— Я хочу получить ее обратно, — процедила она. — Я требую назад фотографию, которую дала Дрейку.

Когда он не ответил, она потянулась к подоконнику и схватила маленький горшок с цветком. Она швырнула горшком в Логана с криками:

— Где она? Я хочу ее забрать!

Логан наклонил голову, когда горшок пролетел у него над головой и разбился о стену сзади. Впервые за все время Зевс растерянно залаял.

— Она не твоя! — вопила она. Логан снова выпрямился.

— У меня ее нет.

— Где она? — напирала Бет.

Логан помялся, прежде чем ответить.

— Я отдал ее Бену, — признался он.

Ее глаза сузились.

— Убирайся!

Логан остановился, прежде чем подошел к двери. Бет отступила, сохраняя дистанцию между ними. Зевс переводил взгляд с Логана на Бет и обратно, прежде чем медленно развернулся и потрусил за Логаном.

У двери Логан остановился и повернулся к ней:

— Жизнью клянусь, что я пришел сюда не для того, чтобы влюбиться в тебя или попытаться заставить тебя полюбить меня. Но так уж получилось.

Она пристально смотрела на него.

— Я велела тебе уйти, и я не шутила.

Услышав это, он повернулся и вышел на улицу в дождь.

Глава 29

ТИБО

Несмотря на дождь, Тибо и думать не желал о возвращении домой. Ему хотелось побыть снаружи; ему казалось, сейчас неправильно сидеть в тепле и сухости. Он хотел искупить свою вину, наказать себя за всю ту ложь, которую рассказал.

Она была права: он вел себя нечестно. Несмотря на боль, которую он испытал, услышав ее слова, и ее нежелание слушать, она имела все основания чувствовать себя преданной. Но как

все объяснить? Он сам толком не осознавал, зачем пришел сюда, даже когда пытался облечь это в слова. Он вполне понимал, почему она восприняла его действия, как действия одержимого сумасшедшего. И да, он был одержим, только не так, как она представляла.

Надо было рассказать ей о фотографии, как только он приехал, и он с трудом вспомнил, почему не поступил именно так. Вероятно, она удивилась бы и задала пару вопросов, но на этом бы дело и кончилось. Он подозревал, что Нана все равно приняла бы его на работу, и тогда ничего этого не произошло бы.

Больше всего он хотел развернуться и прийти обратно к ней. Он хотел объясниться, рассказать всю историю от начала до конца.

Но он не станет этого делать. Ей нужно побыть одной или по крайней мере вдали от него. Ей необходимо время, чтобы просто понять; Тибо, к которому она прониклась теплыми чувствами, был единственным Тибо, который вообще существует. Он не знал, заслужит ли прощение.

Тибо утонул в грязи; когда мимо медленно проехала машина, он заметил, что вода достает до осей колес. Впереди он увидел, что река разлилась по дороге. Он решил срезать путь через лес. Наверное, это будет его последняя подобная прогулка. Наверное, пришло время вернуться в Колорадо.

Тибо шел вперед. Осенняя листва, все еще не опавшая с деревьев, немного прикрывала его от дождя, и, углубляясь в лес, он чувствовал, как с каждым шагом отдаляется от нее все больше.

Глава 30

БЕТ

Приняв душ, Бет стояла в спальне в огромной футболке, когда Нана заглянула в дверь.

— Хочешь поговорить? — спросила Нана. Она ткнула большим пальцем в окно: — Из школы позвонили сообщить, что ты отправилась домой. Директор, похоже, немного о тебе беспокоился, а потом я увидела, как ты подъехала к питомнику. И я поняла, что вы немного повздорили.

— Мы больше чем просто повздорили, Нана, — призналась Бет устало.

— Это я поняла, ведь он ушел. А ты потом долго сидела на веранде.

Бет кивнула.

— Это не из-за Бена? Он же не сделал ему ничего плохого? Или тебе?

— Нет, ничего такого, — ответила Бет.

— Хорошо. Потому что из всех возможных вариантов только это нельзя исправить.

— Не уверена, что случившееся тоже можно исправить.

Нана выглянула из окна, а потом громко вздохнула.

— Я так понимаю, сегодня вечером мне придется кормить собак, да?

Бет бросила на нее раздраженный взгляд:

— Спасибо за понимание.

— Котики-котятка под большими кленами, — сказала она и махнула рукой.

Бет задумалась, а потом разочарованно проворчала:

— И что это значит?

— Это ничего не значит, просто минуту назад ты была слишком сердита, чтобы жалеть себя.

— Ты не понимаешь...

— А ты попытайся объяснить, — сказала она.

Бет подняла на нее глаза:

— Он преследовал меня, Нана. Пять лет. А потом он прошел через всю страну, чтобы найти меня. Он был одержим.

Нана молчала, что было не похоже на нее.

— Почему бы тебе не рассказать все с самого начала? — предложила она, сев на кровать Бет.

Бет толком не знала, есть ли у нее желание обсуждать размолвку с Логаном, но решила, что лучше разобраться с этим раз и навсегда. Она начала с визита Кита в школу, а потом еще двадцать минут описывала, как сбежала из школы, мучаясь от неуверенности, и в итоге поссорилась с Логаном. Когда она закончила, Нана сидела, сложив руки на коленях.

— Так Тибо признался, что у него есть фотография? И по твоим словам, лепетал что-то о талисманах и утверждал, что пришел сюда, потому что был тебе должен?

Бет кивнула:

— Примерно так.

— Что он имел в виду, когда называл фотографию талисманом?

— Не знаю.

— Ты не спросила?

— Меня это не интересовало, Нана. Все это... страшно и странно. Что за человек мог так себя повести?

Нана свела брови:

— Признаю, это звучит странно, но я думаю, я бы на твоем месте спросила, почему он верит, будто это талисман.

— Какое это имеет значение?

— Такое, что тебя там не было, — подчеркнула она. — Тебе не приходилось переживать ничего подобного. Быть может, он говорил правду.

Бет поморщилась:

— Эта фотография не талисман. Это безумие.

— Возможно, — ответила Нана. — Но я достаточно пожила на этом свете, чтобы узнать: на войне случаются странные вещи. Солдаты могут верить во что угодно, если думают, будто это хранит им жизнь, что здесь плохого?

Бет выдохнула:

— Одно дело — верить. И совершенно другое — сходить с ума по фотографии и преследовать человека, который на ней запечатлен.

Нана положила руку на колено Бет:

— Все иногда ведут себя как сумасшедшие.

— Но не так, — настаивала Бет. — В этой истории что-то меня пугает.

Нана помолчала, а потом вздохнула:

— Возможно, ты и права. — Она пожала плечами. Бет взгляделась в лицо Наны и вдруг ощутила внезапную усталость.

— Можешь сделать мне одолжение?

— Какое?

— Позвонишь директору и попросишь его привезти Бена домой из школы, ладно? Я не хочу, чтобы ты ехала на машине в такую погоду, а у меня нет настроения это делать.

Глава 31

КЛЕЙТОН

Клейтон безуспешно пытался миновать озеро, образовавшееся перед домом Бет, но его сапоги утопали в грязи. Он боролся с желанием изрыгнуть череду проклятий. Он видел, что рядом с входной дверью открыты окна, и знал, что Нана его услышит. Несмотря на возраст, слуху нее был как у совы, а меньше всего он хотел произвести плохое впечатление. Эта женщина и так его недолюбливала.

Он поднялся по лестнице и постучал в дверь. Ему показалось, что он услышал внутри чьи-то шаги, потом он увидел в окне лицо Бет, и наконец дверь перед ним распахнулась.

— Кит? Что ты здесь делаешь?

— Я волновался, — сказал он. — Хотел удостовериться, что все в порядке.

— Все хорошо, — сказала она.

— Он еще здесь? Хочешь, чтобы я поговорил с ним?

— Нет. Он ушел. Я не знаю, где он.

Клейтон переминался с ноги на ногу, пытаясь принять виноватый вид.

— Мне жаль, что так вышло, и больно от того, что именно мне пришлось сказать тебе об этом. Я знаю, он тебе действительно нравился.

Бет кивнула, поджав губы.

— Еще я хотел посоветовать тебе не убиваться так из-за этого. Как я уже упоминал, такие люди... умеют это скрывать. Они просто психопаты, и это никак нельзя распознать заранее.

Бет скрестила руки на груди:

— Я не хочу это обсуждать.

Клейтон поднял руки, зная, что надавил слишком сильно и нужно пойти на попятную.

— Я так и подумал. И ты права. Это не мое дело, особенно если учесть, как дерьмово я относился к тебе в прошлом. — Он заткнул большой палец за пояс и натянул улыбку. — Я просто хотел убедиться, что ты в порядке.

— Все хорошо. И спасибо.

Клейтон повернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился.

— Я хочу, чтобы ты знала: со слов Бена Тибо кажется неплохим парнем.

Она удивленно посмотрела на него.

— Я просто счел нужным сказать тебе об этом, потому что если бы все было иначе, если бы что-то случилось с Беном, Тибо пожалел бы о том, что родился на свет. Я скорее умру, чем допущу, чтобы что-то произошло с нашим сыном. И я знаю, ты чувствуешь то же самое. Вот почему ты такая прекрасная мать. В жизни, за которую я совершил массу ошибок, лучший из моих поступков — это решение отдать его на воспитание тебе.

Она кивнула, стараясь сдержать слезы, и отвернулась. Когда она вытерла глаза, Клейтон шагнул к ней.

— Эй, — нежно произнес он. — Я знаю, ты не хочешь это сейчас слышать, но поверь мне, ты поступила правильно. И со временем ты встретишь кого-то другого, и я уверен, он окажется самым лучшим парнем, которого ты когда-либо видела. Ты этого заслуживаешь.

Ее дыхание стало прерывистым, и Клейтон потянулся к ней. Она инстинктивно прильнула к нему.

— Все хорошо, прошептал он, и они еще долго стояли на веранде, так близко друг к другу, и все это время он не выпускал ее из объятий.

Клейтон быстро ушел. Иначе делать и не стоило, думал он. Он закончил то, что задумал. Бет теперь видела в нем доброго, заботливого и участливого друга, человека, искупившего грехи. А их объятия достались ему на десерт, ничего такого он не планировал, но это стало приятным завершением встречи.

Он не станет давить на нее. Это будет ошибкой. Ей нужно время, чтобы забыть Тай-болта. Даже если он психопат, даже если он уедет из города, чувства не включаются и не выключаются, как лампочка. Но они пройдут, это так же верно, как то, что дождь продлится

всю осень. Следующий шаг: удостовериться, чтобы Тай-болт отправился обратно в Колорадо.

А потом? Изображать милого парня. Возможно, пригласить Бет к себе домой, пока они с Беном будут чем-то заниматься, попросить ее остаться на барбекю. Сначала вести себя непринужденно, чтобы она ничего не заподозрила, а потом предложить устроить что-нибудь в компании Бена как-то вечером на неделе. Все следует проворачивать вдали от бдительного ока Наны, а это означало держаться отсюда подальше. Хотя он знал, что Бет не сможет трезво смотреть на происходящее, как минимум еще пару недель, Нана прекрасно с этим справится, а меньше всего он хотел, чтобы Нана нашептывала на ухо Бет, что он задумал.

После того как они вновь привыкнут друг к другу, они, возможно, пару раз выпьют пива, пока Бен будет спать, смотря по ситуации. Наверное, не повредит, если он разбавит ее пиво водкой, чтобы она не смогла поехать домой на машине. Потом предложит ей поспать на кровати, а сам ляжет на диван. Прикинется образцом джентльменской галантности и будет регулярно подливать ей пива. Поговорит о былых временах, когда им было хорошо вместе, и даст поплакать о Тай-болте. Позволит ей выплеснуть свои чувства и обнимет ее дружеской рукой.

Он улыбался, когда заводил машину, не сомневаясь в том, что знает, как все пойдет дальше.

Глава 32

БЕТ

Бет плохо спала и проснулась, чувствуя себя усталой.

Вчера ночью шторм разбушевался еще больше, порывы ветра усилились, а дождь лил нещадно, так что предыдущий потоп показался мелочью. Накануне она и представить не могла, что вода может стать еще глубже, но когда выглянула из окна, питомник вместе с кабинетом показался ей похожим на одинокий остров посреди океана. Вчера вечером она припарковала машину на возвышенности близ магнолии, весьма предусмотрительно, понимала она теперь. Сейчас этот холмик тоже превратился в отдельный маленький островок, вода почти добралась до кабины грузовика Наны. Грузовик всегда нормально переживал наводнения, но все же неплохо, что они успели починить тормоза. Иначе автомобиль мог бы сесть на мель.

Вчера вечером она отправилась в город купить галлон молока и еще кое-какие вещи первой необходимости, но поездка оказалась бесполезной. Все было закрыто, а среди других транспортных средств на дороге ей встретились только грузовики хозяйственных служб и полицейские внедорожники. Полгорода осталось без электричества, но их дом это пока не затронуло. Если и было во всем этом что-то хорошее, так это прогнозы погоды по радио и телевизору, в которых обещали, что последние грозы закончатся сегодня, а завтра, если повезет, вода отступит.

Она сидела на качелях на веранде, пока Нана с Беном играли в рамми за столом на кухне. Это была игра, в которой они не уступали друг другу, так что Бен не успевал заскучать. Позже, решила она, она разрешит ему пошлепать по лужам перед домом, пока сама отправится проверить собак. Ей, вероятно, придется оставить всякие попытки не дать ему промокнуть и просто разрешить погулять в гидрокостюме. Когда она выходила еще раньше утром покормить собак, плащ несколько ее не спас.

Слушая мерный стук дождя по крыше, она поймала себя на том, что думает о Дрейке. Она в тысячный раз пожалела, что не может поговорить с ним сейчас, и задалась вопросом, что он сказал бы насчет фотографии. Верил ли он в ее силу? Дрейк никогда не отличался тягой к суевериям, но ее сердце каждый раз выпрыгивало из груди, когда она вспоминала о его

необъяснимой панике при потере снимка.

Нана была права. Она не знала, что там пришлось пережить Дрейку, как и не знала, через что прошел Логан. Как она ни старалась понять, все это казалось ей ненастоящим. Она представляла, какое они испытывали напряжение, находясь в тысячах миль от дома, таская на себе бронезилет, живя среди людей, говорящих на чужом языке, пытаюсь остаться в живых. Неужели нельзя поверить, что в таких обстоятельствах человек мог привязаться к чему-то, что, по его мнению, хранило его?

Можно, решила она. Это, то же самое, что носить с собой кулон с изображением святого Кристофера или кроличью лапку. Не важно, что в этом нет никакой логики, здесь логика не имеет никакого значения. Как и непоколебимая вера в магические свойства талисмана. Просто если человек чувствует, будто вещь хранит его, значит, так оно и есть.

Но следить за ней? Преследовать ее?

Вот что ее рассудок понимать отказывался. Как бы скептически она ни относилась к поведению Кита или даже его попыткам изобразить искреннюю озабоченность ее благополучием, она должна была признать: в такой ситуации она чувствовала себя уязвимой.

Что сказал Логан? Вроде того, что он был ей что-то должен? За спасение своей жизни, полагала она, но как такое возможно?

Она покачала головой, измученная бесконечным потоком мыслей, затуманивших ее мозг. Она подняла голову, когда услышала, как скрипнула дверь.

— Эй, мам?

— Да, солнышко?

Бен подошел и сел рядом с ней.

— А где Тибо? Я пока его не видел.

— Он не придет, — ответила она.

— Из-за грозы?

Она еще не рассказала ему, да и не была к этому готова.

— У него появились кое-какие дела.

— Ясно, — сказал Бен. Он бросил взгляд на двор: — Даже травы уже не видно.

— Я знаю. Но обещали, что дождь скоро закончится.

— Такое уже бывало? Когда ты была маленькой?

— Пару раз. Но всегда с ураганом.

Он кивнул, а потом поднял очки на носу. Она погладила его по волосам.

— Я слышала, Логан кое-что тебе дал.

— Я не должен об этом говорить, — сообщил он серьезно. — Это тайна.

— Маме можешь рассказать. Я умею хранить тайны.

— Неплохая попытка, — поддразнил он. — Но я на эту удочку не попадусь.

Она улыбнулась и откинулась назад, оттолкнувшись ногами от земли, чтобы раскачать качели.

— Все в порядке. Я уже знаю о фотографии.

Бен посмотрел на нее, недоумевая, что именно она знает.

— О той самой, — продолжала она, — которая защищает.

Его плечи поникли.

— Он тебе рассказал?

— Конечно.

— О! — произнес он с явным разочарованием. — Он просил, чтобы это осталось между нами.

— У тебя она с собой? Если да, я бы хотела взглянуть на нее.

Бен поколебался, прежде чем залезть рукой в карман. Он вытащил сложенный снимок и протянул его ей. Бет развернула фотографию и взглядела в нее, почувствовав, как на нее нахлынули воспоминания: последние выходные с Дрейком и их разговор, вид на колесо обозрения, падающая звезда.

— Он сказал что-нибудь, когда дал ее тебе? — спросила она, возвращая ему фотографию. — Помимо того, что это секрет, конечно?

— Он сказал, что его друг Виктор называл фотографию талисманом и что она спасла ему жизнь в Ираке.

Она ощутила, как ее сердце забилося быстрее, и приблизилась лицом к лицу Бена.

— Ты сказал, Виктор называл ее талисманом?

— Ага, — кивнул Бен. — Так и сказал.

— Ты уверен?

— Разумеется, уверен.

Бет смотрела на сына, борясь с самой собой.

Глава 33

ТИБО

Тибо сложил в рюкзак свои скромные пожитки. За окном ревел ветер и хлестал дождь, но ему приходилось путешествовать и в худшую погоду. И все же он не мог собраться с духом и выйти за дверь.

Прийти сюда было одним делом, а уйти — совсем другим. Другим стал он сам. Он покинул Колорадо, чувствуя себя одиноким, как никогда; здесь же его жизнь казалась полной и состоявшейся. По крайней мере до вчерашнего дня.

Зевс наконец тихо устроился в углу. Почти весь день он беспокойно бродил по дому, потому что Тибо не вывел его на прогулку. Каждый раз, когда Тибо вставал налить стакан воды, Зевс взволнованно вскакивал, словно хотел узнать, не настало ли время идти.

Стоял день, но из-за облачного и серого неба на улице было темно. Гроза по-прежнему свирепствовала, однако он чувствовал, что она близится к завершению; словно свежепойманная рыба, трепыхающаяся на палубе, она просто не могла уйти тихо.

Большую часть дня он пытался не думать о том, что случилось или как этого можно было избежать, но тщетно. Он сам все испортил, только и всего, и сделанного не воротишь. Он всегда пытался жить, не заикливаясь на том, что нельзя исправить, но в этот раз все было иначе. И он сомневался, что когда-нибудь сможет об этом забыть.

В то же время он не мог избавиться от чувства, что еще не все кончено, что осталось нечто, что требуется доделать. Быть может, ему не хватало лишь логического завершения? Нет, не просто завершения; его опыт на поле боя научил его доверять своим инстинктивным порывам, даже если он не знал, что служит им причиной. Хотя он понимал, что нужно уехать из Хэмптона, пусть только ради того, чтобы оказаться как можно дальше от Кита Клейтона (он не питал иллюзий на тот счет, что Клейтон простит и забудет), он не мог заставить себя выйти за дверь.

Клейтон был центром колеса. Клейтон — и Бен с Элизабет — оказался причиной, по которой он приехал. Он просто не мог догадаться, зачем или что он должен делать.

Лежавший в углу Зевс поднялся и направился к окну. Тибо повернулся посмотреть на него и тут же услышал стук в дверь. Он инстинктивно напрягся, но увидел, что Зевс завилял хвостом, когда выглянул в окно.

Открыв дверь, Тибо увидел перед собой Элизабет. Он застыл на месте. Какое-то мгновение они просто смотрели друг на друга.

— Привет, Логан, — наконец произнесла она.

— Здравствуй, Элизабет.

Неопределенная улыбка, исчезнувшая так быстро, что ее можно было и не заметить, промелькнула у нее на губах. Он подумал, не показалось ли ему.

— Можно войти?

Тибо отступил назад, разглядывая ее, когда она сняла плащ и ее светлые волосы волной выскользнули из капюшона. Она неуверенно протягивала ему плащ, пока он не забрал его. Тибо повесил его на ручку входной двери, а потом повернулся к ней.

— Я рад, что ты пришла, — сказал он.

Она кивнула. Зевс обнюхал ее руку, а она почесала у него за ухом, прежде чем вновь обратила внимание на Тибо.

— Мы можем поговорить? — спросила она.

— Если хочешь. — Он указал на диван, и Элизабет присела на край. Тибо занял место на другом краю.

— Почему ты подарил фотографию Бену? — поинтересовалась она без какого бы то ни было вступления.

Тибо вперил взгляд в дальнюю стену, пытаясь понять, как лучше ей все объяснить, чтобы не испортить все еще больше. С чего начать?

— Расскажи в десяти словах или короче, — предложила она, почувствовав его нежелание говорить. — Оттуда и двинемся дальше.

Тибо помассировал лоб рукой, а потом вздохнул и перевел на нее взгляд.

— Потому что я думал, что она защитит его.

— Защитит?

— Когда мы ходили в домик. Из-за грозы вся конструкция ослабла, включая мост. Ему не следует больше туда ходить. Все вот-вот рухнет.

Его взгляд был напряженным и немигающим.

— Почему ты не оставил ее себе?

— Потому что почувствовал: ему она нужна больше, чем мне.

— Потому что она защитит его.

Тибо кивнул:

— Да.

Она потерела диванный чехол, а потом снова повернулась к нему:

— Так ты искренне веришь в это? Насчет того, что фотография — это талисман?

Зевс подошел к нему и лег у его ног.

— Возможно, — сказал Тибо.

Она наклонилась вперед:

— Почему ты не расскажешь мне всю историю от начала до конца?

Тибо устался в пол, уперев локти в колени, и, поколебавшись, поведал ей всю сагу о фотографии. Он начал с карточных игр в Кувейте, потом перешел к взрыву РПГ, после которого потерял сознание, и перестрелке в Фаллудже. Он подробно описывал машины, начиненные взрывчаткой, и самодельные взрывные устройства, которые встретились на его пути в Рамади, включая тот случай, когда Виктор решил, что фотография спасла жизни им обоим. Он говорил о реакции сослуживцев и последствиях их недоверия к нему.

Он замолчал, прежде чем они встретились глазами.

— Но даже после всего этого я не верил. А Виктор — наоборот. Он всегда верил. Он верил в такого рода ерунду, я потакал ему, ведь для него это было так важно. Но сам я никогда в это не верил, по крайней мере осознанно. — Он сцепил руки в замок, и его голос зазвучал мягче. — В наш последний совместный уик-энд Виктор сказал мне, что за мной долг перед той женщиной на фотографии, потому что фотография сохранила меня целым и невредимым, и что иначе не будет баланса. Найти ее — моя судьба, сказал он. Через пару минут Виктора не стало, а я избежал опасности без единой царапины. Даже тогда я в это не верил. Но потом мне начал являться его призрак.

Он с запинками поведал ей об этих встречах, стараясь не встречаться с ней взглядом, потому что боялся увидеть в ее глазах полное неверие. Наконец он покачал головой и вздохнул:

— После этого я тебе уже все рассказал. Я чувствовал себя плохо, поэтому пустился в эту авантюру. Да, я отправился тебя искать, но не потому, что был одержим тобой. Не потому, что я любил тебя или хотел, чтобы ты полюбила меня. Я сделал это, потому что Виктор сказал, что такова моя судьба, и меня преследовал его призрак. Я не знал, чего ожидать, когда окажусь здесь. А потом где-то на полпути вся эта затея стала походить на испытание: смогу ли я найти тебя, сколько на это уйдет времени. Когда, в конце концов подошел к питомнику и увидел табличку со словами «Требуется помощь», я, наверное, подумал, что так смогу вернуть долг. Мне казалось, что будет правильно устроиться к вам на работу. Так же как, когда мы с Беном сидели в домике на дереве, мне показалось, что будет правильно отдать ему фотографию. Но не уверен, что смог бы объяснить это, даже если бы попытался.

— Ты подарил фотографию Бену, чтобы она сохранила его целым и невредимым, — повторила Элизабет.

— Как бы безумно это ни звучало? Да.

Она в тишине раздумывала над услышанным. Потом сказала:

— Почему ты не рассказал мне обо всем с самого начала?

— Мне следовало бы, — признался он. — Единственное объяснение, которое приходит мне в голову, — это что я пять лет носил с собой фотографию, желая понять, какую роль она играет в моей жизни.

— Ты считаешь, теперь это понял?

Тибо наклонился погладить Зевса, прежде чем ответить. Он посмотрел прямо на нее:

— Не уверен. Я могу сказать лишь одно: то, что произошло между нами, все, что произошло, началось, когда я вошел в питомник. Именно в этот момент ты впервые стала для меня реальной, и чем лучше я тебя узнавал, тем большую реальность мир обретал для меня. Я чувствовал себя счастливым и живым, каким не чувствовал уже очень долго. Словно ты и я предназначены друг для друга.

— Твоей судьбой?

Она подняла бровь.

— Нет... не так. Это никак не связано ни с фотографией, ни с моим путешествием, ни со

словами Виктора. Просто я никогда не встречал таких, как ты, и я уверен, что никогда больше не встречу. Я люблю тебя, Элизабет... и больше того, ты мне нравишься. Я обожаю проводить с тобой время.

Она изучала его с выражением лица, которое он не мог растолковать. Когда она заговорила, ее голос зазвучал по-деловому.

— Ты ведь понимаешь, что это все равно безумная история, из-за которой ты выглядишь как одержимый пациент психбольницы.

— Знаю, — согласился Тибо. — Поверь мне, я самому себе кажусь ненормальным.

— А что, если я сказала бы тебе уехать из Хэмптона и никогда больше не беспокоить меня? — пыталась прощупать почву Элизабет.

— Я бы уехал, и ты никогда бы не получила от меня ни весточки.

Его слова повисли в воздухе, исполненные глубокого смысла. Она поерзала на диване, отвернувшись с явным недовольством, прежде чем снова обратила к нему лицо.

— И ты бы даже не позвонил? После всего, что нам пришлось пережить? — фыркнула она. — Не могу в это поверить.

Его накрыло волной облегчения, когда он понял, что она разыгрывает его. Он выдохнул, не осознав даже, что все это время сдерживал дыхание, и расплылся в улыбке:

— Если только так ты сможешь поверить, что я не псих.

— Я думаю, это совсем уж тоскливо. Парень должен по крайней мере звонить.

Она подвинулась чуть ближе к нему на диване.

— Я буду иметь это в виду.

— Ты ведь понимаешь, что не стоит рассказывать эту историю всем и каждому, если ты собираешься здесь жить.

Он скользнул еще ближе к ней, на этот раз ощутимо ближе.

— С этим я как-нибудь справлюсь.

— И если ты ждешь повышения только потому, что встречаешься с внучкой начальницы, можешь об этом забыть.

— Придется довольствоваться тем, что есть.

— Правда, не знаю как. У тебя ведь даже машины нет.

К тому моменту он оказался уже совсем рядом, она повернулась к нему, так что ее волосы скользнули по его плечу. Он наклонился и поцеловал ее в шею.

— Я что-нибудь придумаю, — прошептал он, прежде чем прижаться губами к ее губам.

Они долго целовались на диване. Когда он наконец понес ее в спальню, они занялись любовью,

слившись в одно целое. Их единение было страстным, и неистовым, и всепрощающим, таким же острым и нежным, как их чувства. Потом Тибо, лежа на боку, пристально смотрел на Элизабет. Он ласкал ее щеку пальцем, и она поцеловала его.

— Я думаю, ты можешь остаться, — прошептала она.

Глава 34

КЛЕЙТОН

Клейтон с недоверием таращился на дом, костяшки его пальцев побелели от напряжения, когда он сжимал руль. Он то и дело моргал, чтобы лучше видеть, но перед ним стояла все та же картина: машина Бет на подъездной аллее, парочка, целующаяся на диване, Тай-болт, несущий ее в спальню.

Бет и Тай-болт вместе. С каждой минутой он чувствовал, как волны гнева все сильнее бушуют и борются внутри его. Его идеальные планы сразу растаяли как дым. А Тай-болт вечно будет держать его на мушке.

Он сжал губы, так что они превратились в тонкую линию. Его подмывало ворваться в дом и застать их врасплох, но там сидела эта чертова собака. Опять. Ему и так было нелегко следить за ними в бинокль из машины, чтобы его не заметили.

Тай-болт. Собака. Бет...

Он ударил по рулю. Как такое могло произойти? Бет разве не слышала, что он сказал? Разве она не понимала, в какой опасности находится? Разве ей наплевать на Бена?

Он ни в коем случае не допустит, чтобы этот псих стал частью жизни его сына. Ни за что. Не в этой жизни.

Ему следовало такого ожидать. Ему следовало догадаться, как глупа может быть Бет. Возможно, ей уже скоро тридцать, но у нее интеллект ребенка. Ему следовало догадаться, что она увидит в Тай-болте то, что хочет, и проигнорирует очевидное.

Конец все равно наступит. Рано или поздно. Он заставит ее прозреть, чего бы это ему ни стоило.

Глава 35

ТИБО

Поцеловав Элизабет на прощание в дверях, Тибо рухнул на диван, чувствуя себя опустошенным и в то же время ощущая облегчение. Он упивался осознанием того, что Элизабет простила его. То, что она попыталась понять и придать смысл его запутанному путешествию в Хэмптон, казалось не чем иным, как чудом. Она приняла его таким, каков он есть, без прикрас; он никогда не думал, что это возможно.

Прежде чем уйти, она пригласила его на ужин, и хотя с радостью согласился, он собирался отдохнуть, прежде чем отправиться к ней. Иначе он сомневался, что, у него хватило бы сил на непринужденный разговор.

Он знал, что, перед тем как вздремнуть, нужно вывести Зевса на прогулку, хотя бы ненадолго.

Он отправился на заднюю веранду и достал дождевик. Зевс последовал за хозяином, наблюдая за ним с любопытством.

— Да, мы идем на улицу, — объявил он. — Только дай мне сперва одеться.

Зевс залаял и запрыгал от радости, как гарцующий конь. Он понесся к двери, а потом обратно к Тибо.

— Я и так тороплюсь, как могу. Расслабься.

Зевс продолжал бегать вокруг него кругами и пританцовывать.

— Расслабься, — повторил Тибо. Зевс уставился на него умоляющим взглядом, а потом неохотно сел.

Тибо надел дождевик и пару сапог, потом открыл затянутую сеткой дверь. Зевс выскочил под дождь и тут же захлюпал по грязной земле. В отличие от дома Наны жилище Тибо располагалось на небольшой возвышенности; вода собралась в четверти мили отсюда. Впереди Зевс устремился к лесу, а затем вновь выбежал на открытую местность, потом покружил по усыпанной гравием подъездной аллее, бегая и подпрыгивая от восторга. Тибо улыбнулся, подумав: «Я точно знаю, как ты себя чувствуешь».

Они провели пару минут снаружи, побродив под дождем. Небо стало угольно-черным, потяжелев от налившихся дождем облаков. Вновь поднялся ветер, и Тибо ощущал, как капли воды больно бьют по лицу, когда ветер дует сбоку. Это не имело значения: впервые за долгие годы он чувствовал себя действительно свободным.

Он заметил, что следы от колес Элизабет в начале подъездной аллеи уже почти смыло потоками воды. Еще через пару минут дождь полностью сровняет их с землей. Что-то все же привлекло его внимание, и он попытался понять, что видит перед собой. Сначала его посетила мысль о том, что колеса, оставившие следы, слишком широки.

Он прошел вперед, чтобы лучше все разглядеть, тем временем пытаясь объяснить увиденное тем, что следы от колес, ведущие к дому, просто наложились на следы, идущие от дома. Лишь стоя на краю подъездной аллеи, он осознал, что ошибся. Там было два ряда следов, и оба вели туда и обратно. Следы от двух автомобилей. Сначала это показалось ему сущей бессмыслицей.

Он принялся быстро перебирать возможные варианты в уме, и кусочки головоломки сложились в одну картину. Кто-то еще был здесь. Этого не может быть, только если не...

Он бросил взгляд на тропинку к питомнику через лес. В тот самый момент ветер с дождем разбушевались не на шутку, и он сощурился, прежде чем затаить дыхание. Ни с того ни с сего он рванул с места, стараясь бежать как можно быстрее. Он мысленно подгонял себя, подсчитывая, когда сможет добраться туда. Он надеялся, что успеет вовремя.

Глава 36

БЕТ

Волей судьбы Нана оказалась в питомнике, когда Кит ворвался в дом и захлопнул за собой дверь с таким видом, будто он здесь хозяин. Даже с кухни Бет видела, как вздулись вены на его шее. Его ладони сжались в кулаки, когда их глаза встретились.

Когда он тяжело прошел через гостиную, Бет почувствовала, как что-то внутри ее подалось и уступило место страху. Никогда еще она не видела его таким, и она попятилась, огибая углы шкафов. Кит удивил ее, остановившись у входа в кухню. Он улыбнулся, но выражение его лица казалось несколько странным, как гротескная и безумная карикатура на то, каким оно должно было быть.

— Прости, что вломился к тебе вот так, — произнес он непомерно вежливо. — Но нам надо поговорить.

— Что ты здесь делаешь? Ты не имеешь право просто врваться...

— Готовишь ужин, да? — сказал он. — А я помню времена, когда ты готовила ужин для меня.

— Убирайся Кит! — заявила она грубо.

— Я никуда не уйду, — ответил он, глядя на нее так, как будто она сама не знала, о чем говорит. Он указал на стул: — Почему бы тебе не присесть?

— Я не хочу сидеть? — прошептала она, негодуя из-за того, что ее голос звучит так взволнованно. — Я хочу, чтобы ты ушел.

— Этого не будет, — заявил он. Он опять улыбнулся, но вышло не лучше, чем в прошлый раз. В его взгляде была какая-то пустота, которой она никогда не видела раньше. Она почувствовала, как ее сердце заколотилось быстрее.

— Дашь мне пива? — попросил он. — У меня сегодня выдался тяжелый день на работе, если ты понимаешь, о чем я.

Она сглотнула, боясь отвести глаза.

— У меня больше нет.

Он кивнул, оглядев кухню, а потом снова уставился на нее. Он ткнул пальцем за ее плечо:

— Я вижу одну бутылку вон там, у плиты. Где-то здесь должна быть вторая. Не возражаешь, если я посмотрю в холодильнике? — Ответа он ждать не стал. Он подошел к холодильнику и открыл его, а потом полез на нижнюю полку. Оттуда он вытащил бутылку. — Нашел, — похвастался он. Он пристально смотрел на нее, открывая бутылку. — Наверное ты ошиблась, да? — Он сделал большой глоток, а потом подмигнул ей.

Она изо всех сил пыталась сохранять спокойствие.

— Что тебе нужно, Кит?

— О, ты знаешь. Я за последними новостями. Хотел убедиться, нет ли чего такого, о чем я должен узнать.

— Узнать о чем? — спросила она, ощутив спазм в желудке.

— О Тай-болте, — объяснил он.

Она пропустила мимо ушей искажение фамилии.

— Не знаю, о чем ты.

Он отхлебнул еще пива, пополоскал его во рту, кивая головой. Потом громко сглотнул.

— По пути сюда я как раз думал, что ты это скажешь, — заявил он так, что это прозвучало почти небрежно. — Но я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. — Он ткнул в ее сторону бутылкой. — Было время, когда я сомневался, что знаю тебя вдоль и поперек, но за последнюю пару лет это изменилось. Совместное воспитание сына связывает двоих, как ничто иное, ты так не считаешь?

Она промолчала.

— Вот почему я здесь, понимаешь? Из-за Бена. Потому что я хочу для него самого лучшего, а я не уверен, что сейчас ты можешь рассуждать трезво.

Он шагнул к ней и сделал еще один большой глоток пива. Бутылка уже почти опустела. Он вытер рот тыльной стороной ладони, прежде чем продолжить:

— Видишь ли, я думал, что у нас с тобой были не самые идеальные отношения. Это нехорошо для Бена. Он должен знать, что мы до сих пор ладим. Что мы до сих пор близкие друзья. Разве тебе не кажется, что мы должны преподать ему этот важный урок? Урок о том, что даже если твои родители развелись, они могут оставаться друзьями?

Ей не нравился его затяжной монолог, но она боялась его перебивать. Перед ней был другой Кит Клейтон... и весьма опасный.

— Я думаю, это важно, — продолжал он. Он приблизился к ней еще на один шаг. — На самом деле я и представить себе не могу ничего более важного.

— Только не подходи ближе, — сказала она.

— Думаю, не стоит так говорить, — отрезал он. — Ты не вполне трезво рассуждала в последние несколько дней.

По мере того как он приближался, она отходила все дальше вдоль столешницы, пытаясь все время держаться к нему лицом.

— Не подходи ближе. Я тебя предупреждаю.

Он продолжал сокращать расстояние между ними, смотря на нее пустыми глазами.

— Видишь, что я имею в виду? Ты ведешь себя так, словно думаешь, что я сделаю тебе больно. А я никогда, никогда не делал тебе больно. Тебе следовало бы это усвоить.

— Ты сошел с ума.

— Нет, не сошел. Быть может, немного разозлился, но с ума не сошел. — Когда он опять улынулся, пустота в его взгляде исчезла и ее желудок сжался. Он продолжал: — А ты знаешь, что после всего, что мне пришлось пережить из-за тебя, я до сих пор считаю тебя красивой?

Ей не нравилось, какой оборот принял разговор. Совсем не нравилось. К тому моменту она уже дошла до угла, а за спиной места не осталось.

— Просто уходи, ладно? Бен наверху, да и Нана вернется через минуту...

— Все, чего я хочу, — это поцелуй. Неужели это так много?

Она засомневалась, что расслышала его правильно.

— Поцелуй? — повторила она.

— Пока — да, — ответил он. — Этого хватит. Только чтобы вспомнить былые времена. Тогда я исчезну — уйду прямо через эту дверь. Обещаю.

— Я не собираюсь тебя целовать, — заявила она ошарашенно.

Он уже стоял перед ней.

— А придется, — сказал он. — А потом и того больше. Но пока поцелуя хватит.

Она изогнула спину, пытаясь отклониться от него.

— Пожалуйста, Кит. Я не хочу этого. Я не хочу целовать тебя.

— Ты это как-нибудь переживешь, — сказал он. Когда он наклонился, она отвернулась. Он схватил ее за руки выше локтей. Когда он приблизил свои губы к губам Бет, она почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце.

— Ты делаешь мне больно! — крикнула она.

— Значит, так, Бет, — прошептал он. Она ощущала тепло его дыхания на шее. — Если не хочешь меня целовать, не надо. Я с этим соглашусь. Только вот я решил, что хочу быть больше чем просто другом.

— Убирайся! — прошипела она, и, рассмеявшись, Кит отпустил ее.

— Конечно, — ответил он. Он отступил назад. — Нет проблем. Я уйду. Но я должен объяснить, что произойдет, если мы не найдем компромисс.

— Просто убирайся! — крикнула она.

— Я думаю, нам нужно периодически ходить на... свидания. И ответа «нет» я не приемлю.

От того, как он произнес «свидания», у нее мурашки побежали по коже. Бет не верила своим ушам.

— В конце концов, я предупреждал тебя о Тай-болте, — добавил он. — Но куда ты ездила сегодня? К нему домой. — Он покачал головой: — Это была большая ошибка. Понимаешь, мне ведь очень легко сострять дельце о том, что он преследовал тебя и что он одержим. И то и другое делает его крайне опасным субъектом, и ты явно игнорируешь этот факт. И так Бен оказывается в опасном положении, если остается жить с тобой.

Он сохранял нейтральное выражение лица. Бет парализовало при его словах.

— Мне совершенно не хочется идти в суд и рассказывать о твоём поведении, но я это сделаю. И я уверен, на этот раз они примут решение в пользу моей единоличной опеки.

— Ты не посмеешь, — прошептала она.

— Посмею. Если только ты не решишь иначе. — Явное удовольствие, с которым он это произносил, вселяло еще больший ужас. Он помолчал, чтобы она уловила суть, а потом вновь

заговорил как профессор: — Я хочу убедиться, что ты правильно меня поняла. Сначала скажешь Тай-болту, что никогда больше не желаешь его видеть. Потому велишь ему уехать из города. А после этого мы встретимся. В память о старых временах. Либо так, либо Бен будет жить со мной.

— Я не собираюсь жить с тобой! — раздался тонкий голосок с порога кухни.

Бет выглянула из-за плеча Кита, чтобы увидеть Бена, на его лице запечатлелся ужас. Мальчик попятился.

— Я не собираюсь этого делать!

Бен повернулся и побежал, захлопнув за собой дверь, и скрылся за стеной дождя.

Глава 37

КЛЕЙТОН

Бет пыталась пройти мимо Клейтона, но он снова потянулся к ее руке.

— Мы еще не закончили! — прорычал он.

Он не собирался отпускать ее, пока не убедится, что она все поняла.

— Он убежал на улицу!

— С ним все будет в порядке. Я хочу убедиться, что ты уяснила себе, как дальше будут развиваться наши отношения.

Бет не колеблясь ударила его по лицу свободной рукой, и он отпрянул. Когда он отпустил ее, она толкнула его назад со всей силой, почувствовав, что он еще не обрел равновесие.

— Катись отсюда к черту! — вскричала она. Как только он уверенно встал на ноги, она снова стукнула его в грудь. — Меня уже тошнит от того, что ты и твоя семейка указывают мне, что я должна и не должна делать, и я больше не собираюсь это терпеть!

— Тем хуже для тебя, — выпалил он в ответ, слова полились у него сами собой. — У тебя нет выбора. Я и близко не подпущу Бена к этому твоему дружку.

Вместо ответа, словно устав его слушать, она протиснулась мимо него и прошла вперед.

— Куда ты? — пожелал знать он. — Мы не закончили.

Она решительно пересекла гостиную.

— Я иду искать Бена.

— Это всего лишь дождь.

— Это наводнение, если ты не заметил.

Он видел, как она выбежала на веранду, и понадеялся, что она обнаружит Бена там, но она почему-то огляделась и вскоре исчезла из виду. Сверкнула молния, через мгновение грянул гром. Близко. Слишком близко. Клейтон подошел к двери и увидел, что она стоит на краю

веранды, оглядывая двор. Тогда же он заметил, что к дому движется Нана с зонтом.

— Ты видела Бена? — вдруг громко спросила Бет.

— Нет, — удивленно ответила Нана. Дождь хлестал. — Я только пришла. Что происходит? — Она резко остановилась при виде Клейтона. — А он что тут делает? — требовательно спросила она.

— А мимо тебя он не пробежал? — поинтересовалась Бет, вдруг побежав к лестнице.

— Ничего страшного, — заявил Клейтон, зная, что ему надо закончить разговор с Бет. — Он скоро вернется...

Внезапно Бет остановилась и повернулась к нему. В тот самый момент Клейтон увидел, как на ее лице злость сменилась чем-то другим, похожим на ужас. Грохот грозы вдруг показался необычайно далеким.

— Что такое? — спросил он.

— Домик на дереве...

Прошло лишь мгновение, прежде чем Клейтон осмыслил ее слова, а потом почувствовал, как что-то защемило в груди.

Через секунду они вдвоем уже бежали к лесу.

Глава 38

ТИБО, БЕТ И КЛЕЙТОН

Тибо наконец добрался до подъездной аллеи у питомника, его сапоги промокли и потяжелели. Зевс не отставал, замедляя бег лишь на участках, где по колено стояла вода. Впереди он увидел легковой автомобиль и грузовик, а также еще один внедорожник. Приблизившись, он различил проблесковый маячок на крыше и понял, что Клейтон в доме.

Несмотря на усталость, он рванул вперед, громко хлюпая по лужам. Зевс прыгал по воде, как дельфин по волнам. Чем быстрее бежал Тибо, тем дальше казался дом, но в конце концов он миновал питомник и свернул за угол к веранде. Лишь тогда он заметил, что там стоит Нана, направляя луч фонаря в сторону леса.

Даже на расстоянии было заметно, что она взволнованна.

— Нана! — позвал он, но шум грозы помешал ему докричаться до нее.

Через пару секунд она, должно быть, услышала его, потому что повернулась к нему и осветила его фонарем.

— Тибо?

Тибо с трудом пробрался еще чуть вперед. Дождь хлестал вокруг, а из-за тусклого света обзор стал еще хуже. Он перешел на шаг, чтобы перевести дух.

— Что случилось? — крикнул он.

— Бен убежал! — крикнула она в ответ.

— Что значит — убежал? Что произошло?

— Не знаю! — выпалила Нана. — Здесь был Клейтон, и Бет отправилась искать Бена... а потом они оба помчались к речке. Я слышала что-то о домике на дереве.

Через мгновение Тибо уже несся к лесу бок о бок с Зевсом.

Ветер и дождь гнули ветви деревьев по обе стороны от дороги, так что они больно хлестали по лицу и рукам. Тропинку завалило дюжинами упавших веток и сучьев, и Бет с Китом приходилось продираться через кусты и ползучие растения. Бет дважды спотыкалась и падала, она слышала и как падал Кит. Грязь была густая и тягучая, на полпути к домику Бет потеряла туфлю, но не остановилась.

Домик. Мост. Наводнение. Только адреналин и страх не давали ей опустить руки. Воображение уже рисовало перед ней страшные картины того, как ее сын стоит на мосту и мост ни с того ни с сего рушится.

В темноте она снова споткнулась о полусгнивший ствол дерева и ощутила жгучую боль в ноге. Она поднялась как можно быстрее, пытаясь не обращать на это внимания, но как только перенесла вес на ногу, вновь повалилась на землю.

К тому моменту Кит уже догнал ее и помог ей подняться, не говоря ни слова. Обняв ее рукой за талию, он потащил ее вперед.

Они оба знали, что Бен в опасности.

Клейтон изо всех сил старался не поддаваться панике. Он убеждал себя, что Бен умный, что Бен распознает опасность, когда столкнется с ней, что Бен не станет испытывать удачу. Бен ведь не самый храбрый мальчик. В первый и единственный раз в жизни он этому порадовался.

Даже пробираясь через заросли рядом с прихрамывающей Бет, Клейтон не мог не обращать внимания на то, что видел перед собой. Разлившись далеко за пределы берегов, почти у их ног тек приток реки; он был шире, сильнее и быстрее, чем Клейтон когда-либо видел.

Тибо отчаянно мчался вперед через грязь и воду, заставляя себя не сбавлять темп, но понимал, что с каждой минутой это дается ему все сложнее. Ветки и ползучие растения били его по лицу и рукам, оставляя на коже порезы, которые он не замечал, проносясь мимо.

Пока он бежал, он изорвал плащ, а потом и рубашку. «Уже почти на месте, — повторял он себе. — Еще немного».

И откуда-то из дальних уголков его сознания эхом донесся голос Виктора: «Дальше — больше».

* * *

Бет чувствовала, как с каждым шагом кости в стопе вливаются друг в друга, отдавая жгучей болью в нижней части тела, но отказывалась плакать или кричать во всеуслышание.

Когда они приблизились к домику, река разлилась еще больше, поток бурлил и закручивался в

водовороте. Мутная вода разбивалась крошечными волнами о кучи упавших веток вдоль быстро исчезающих берегов. В бурном потоке плавали обломки каких-то вещей, способные поранить любого.

Шел проливной дождь. Ветер сломал еще одну ветку, и она с треском упала на землю всего в паре ярдов от них. Грязь словно высасывала энергию из них обоих.

Но она знала, что они добрались до дуба: через стену дождя она различила веревочный мост, словно потрепанную мачту корабля, наконец ставшего заметным в тумане. Она переводила глаза с лестницы на веревочный мост, на центральную площадку... Воды реки накатывали на нее, прибывая с боков обломки. Ее взгляд блуждал от веревочного моста до платформы у домика, она подметила странный угол наклона висячего моста. Он лишь на фут возвышался над водой, потому что платформу почти оторвало от старой опоры, на которой держался домик, и казалось, конструкция вот-вот развалится.

Словно очнувшись от кошмарного сна, она вдруг увидела Бена в бурлящих водах, он уцепился за веревочный мост под платформой от домика. Лишь тогда она позволила себе закричать.

Клейтон почувствовал, как страх разлился по его венам, заметив Бена, который держался за обветшалый край веревочного моста. Клейтон лихорадочно соображал.

Слишком далеко, чтобы доплыть до другого берега, и нет времени.

— Стой здесь! — крикнул он Бет, побежав к лестнице на дубе. Он вскарабкался по ней и с разбегу бросился на мост, отчаянно пытаясь добраться до Бена. Он уже представлял, как тонет платформа от домика. Как только ее коснется мощное течение, она полностью оторвется.

Когда Клейтон сделал третий шаг, прогнившие доски провалились вниз, и он почувствовал, как пробил площадку, сломав по пути ребра, и упал в воду. Единственное, что он мог сделать, — это ухватиться за веревку, когда попал в неистовый поток. Он старался усилить хватку, уходя под воду, но намокшая одежда тянула его вниз. Он ощущал, как течение увлекает его за собой, и веревка натянулась. Он держался, пытаясь поднять голову над водой, и яростно дергал ногами.

Он выплывал на поверхность и хватал ртом воздух; боль от сломанных ребер пронзила все тело, так что на секунду у него перед глазами все почернело. В панике он потянулся к веревке другой рукой, борясь с течением.

Пока он держался, не обращая внимания на боль, ветки били по его телу, прежде чем уплыть прочь, закрутившись в яростном водовороте. Волны разбивались о его лицо, затуманивая взгляд, мешая дышать, мешая думать о чем-то еще, кроме спасения. В этой борьбе он не заметил, что сваи под центральной площадкой пошатнулись под его весом и начали наклоняться под напором свирепого течения.

Бет, прихрамывая, встала и попыталась пройти вперед. Она сделала три шага и опять упала. Она сложила руки рупором и прокричала через реку:

— Иди вдоль веревки, Бен! Уходи от платформы! Ты можешь!

Она не знала наверняка, слышал он ее или нет, но через мгновение увидела, что он на дюйм отодвинулся от платформы по направлению к более сильному потоку в центре реки. По

направлению к отцу...

Кит барахтался в воде, едва держась за веревку...

Все словно ускорило и замедлилось в тот самый момент, когда она вдруг различила на отдалении какое-то движение выше по течению сбоку. Краем глаза она заметила, как Логан сорвал сапоги и непромокаемые штаны.

Через мгновение он уже нырнул в воду, Зевс не отставал от него.

Клейтон знал, что долго не продержится. Боль в ребрах была мучительной, а течение продолжало колотить его. Он переводил дыхание лишь урывками и отчаянно дергался, сражаясь со смертью, которая, вдруг осознал он, неминуемо приближалась.

Бурные воды сносили Тибо на два фута вниз по течению с каждым футом, который он проплывал поперек реки. Он знал, что сможет вернуться на тот же уровень по земле, добравшись до противоположного берега, но у него не хватало времени.

Огромная ветка ударила его, так что на мгновение он погрузился под воду. Когда вновь выплыл на поверхность, потеряв ориентацию в пространстве, он увидел Зевса, который греб изо всех сил. Тибо собрал волю в кулак и отчаянно устремился вперед. В полной безысходности он увидел, что не добрался даже до середины реки.

Бет видела, как Бен еле-еле идет вдоль истрепанного веревочного моста, и попыталась подобраться ближе к кромке воды.

— Давай! — кричала она, уже всхлипывая. — Ты можешь! Держись, малыш!

* * *

На середине реки Тибо столкнулся с ушедшей под воду центральной площадкой моста. Его крутило в воде, так что он не мог остановиться; через мгновение он столкнулся с Клейтоном. В панике Клейтон схватил его за предплечье свободной рукой, утащив Тибо еще глубже. Тибо ударил его и, нащупав веревку, крепко сжал ее, а Клейтон в то же мгновение яростно вцепился в спину Тибо, пытаясь вскарабкаться на него в безрассудной попытке глотнуть воздуха.

Тибо боролся с ним под водой, держась за веревку одной рукой. Его легкие, казалось, вот-вот взорвутся, и он почувствовал, как его охватывает паника.

В тот самый момент сваи наклонились еще ниже под общим весом противников, и с треском конструкция развалилась.

Бет смотрела, как борются Кит с Логаном, прямо перед тем, как последние веревки, державшие центральную площадку, лопнули. На другом берегу платформа от домика рухнула в реку, подняв большую волну, и Бена смыло водой и понесло по течению. В ужасе Бет увидела, что он все еще держится за веревку, прикрепленную к центральной площадке, которую кружило в водовороте.

Зевс подбирался к Логану и Киту, когда центральная площадка вдруг поднялась на волнах, как морская раковина, а потом разбилась. Зевс исчез из виду.

Все происходило слишком быстро: она больше не видела ни Логана, ни Кита и, лишь лихорадочно оглядев всю поверхность воды, различила голову Бена — точку среди обломков.

Она слышала тонкие крики Бена и видела, как он изо всех сил старается держать голову над водой. Она снова встала и, прихрамывая, пошла вперед, не обращая внимания на боль, отчаянно пытаясь не упустить его из виду.

А потом, словно ее мольбы были услышаны, она увидела темную блестящую голову, которая целенаправленно плыла к ее сыну.

Зевс.

Она услышала, как Бен позвал собаку, и ее сердце вдруг успокоилось.

Она споткнулась и упала, снова встала и с трудом шагнула вперед, потом опять упала. Наконец она поползла, надеясь увидеть, что происходит. Она цеплялась за ветки, чтобы подтолкнуть себя вперед. Зевс с Беном казались все меньше, по мере того как их относил дальше течение, но Зевс подбирался все ближе к мальчику.

Потом их фигуры слились, и Зевс вдруг повернулся, направляясь к берегу, Бен плыл за ним, держась за его хвост.

— Толкайся, малыш! Толкайся! — кричала она.

Она хромала, и прыгала на одной ноге, и пробиралась вперед, тщетно пытаясь уследить за течением. Бен с Зевсом отдалялись от нее с каждой секундой. Она напрягалась, чтобы не упустить их из виду: они добрались до середины реки... нет, уже дальше середины.

Она двигалась вперед, стремясь не упустить их из виду, проталкиваясь дальше, следуя инстинкту. Вместо боли она ощущала лишь, как ее сердце бьется с каждым толчком.

Осталась лишь треть пути до берега... течение замедлилось... теперь четверть.

Она двигалась дальше, цепляясь за ветки и подтягиваясь вперед. Они скрылись за листьями, и через пару секунд, которые она провела в страшной агонии, она снова обнаружила их.

Уже почти там... и можно с облегчением распластаться на земле... еще немного вперед...

«Пожалуйста, Господи... еще немного...»

Наконец они там. Бен первым коснулся ногами дна и отпустил собаку. Зевс рванул вперед и вскоре тоже нащупал под собой землю. Бет бросилась к ним, когда Зевс с Беном, шатаясь, вышли из воды.

Зевс рухнул, как только добрался до сухой земли. Бен упал через мгновение. К тому моменту как до них добралась Бет, Зевс уже поднялся, его лапы дрожали от усталости, сам он промок насквозь и кашлял.

Бет подошла к сыну и посадила его на земле, а он закашлял в унисон с Зевсом.

— Ты как? — вскрикнула она.

— Все нормально, — задыхаясь, произнес он. Он снова закашлял и вытер воду с лица. — Я испугался, но у меня в кармане была фотография. Тибо сказал, она меня спасет. — Он ударил

себя по носу. — Где папа? И Тибо?

И тут они оба заплакали.

Эпилог

Два месяца спустя

Бет бросила взгляд в зеркало заднего вида и улыбнулась, увидев Зевса, который стоял на полу грузовика, держа нос по ветру, Бен сидел рядом с ней; он сильно вытянулся за последнее время, но все еще не доставал до окна, так чтобы удобно расположиться, высунув наружу локоть.

Это были первые теплые дни, которые наступили после долгих недель отвратительного холода. Приближалось Рождество, до него осталось меньше пары недель, а октябрьская жара и грозы уже казались далеким воспоминанием. Новости о наводнении распространились по всей стране. Центральный Хэмптон затопило, как и многие маленькие города в этом регионе; всего погибло шесть человек.

Несмотря на кошмар, который им пришлось пережить, Бет понимала, что ощущает некое... спокойствие впервые за последнее время. После похорон она часто размышляла над странными событиями, которые привели к тому судьбоносному дню. Она знала, что многие жители города недоумевают, почему она сделала именно такой выбор. Иногда до нее доходили сплетни, но по большей части она не обращала на них внимания. Если Логан и научил ее чему-нибудь, так это тому, что иногда только вера в себя и инстинкты — единственное, что у нас есть.

К счастью, Нане становилось все лучше. Несколько дней и недель после «несчастливого случая», как она его называла, Бет и особенно Бен полагались на ее особую мудрость и несокрушимую поддержку. Теперь она регулярно выступала с хором, находила время дрессировать собак и управляла обеими руками, прихрамывая лишь иногда, когда уставала. Пару недель назад даже был момент, когда они обе ходили одинаково. Это произошло через два дня после того, как у Бет сняли гипс с ноги — она сломала четыре кости в стопе и носила гипс пять недель. А Нана подшучивала над ней, приходя в восторг при мысли о том, что в доме, кроме нее, есть еще один инвалид.

С тех пор Бен сильно переменялся, некоторые перемены беспокоили Бет, другие — вызвали чувство гордости. Пережив испытание, Бен обрел новую уверенность в себе, которую демонстрировал в школе. Или по крайней мере, ему нравилось так думать. Иногда она задумывалась, не связано ли это с фотографией, которую он носил в кармане. Заламинированная поверхность покрылась царапинами, потерлась и начала расслаиваться, но он не желал расставаться со снимком и носил его с собой везде. Со временем, полагала она, он это перерастет, хотя кто знает? Фотография досталась Бену в наследство от Логана, и поэтому имела для него особое значение.

Конечно, Бен тяжело переживал утрату. Он редко говорил об этом открыто, но она знала: в какой-то степени сын винил в произошедшем себя. И его до сих пор часто посещали кошмары, в которых он иногда звал Кита, а иногда — Логана. Когда Бет будила его, потрясая за плечи, он всегда рассказывал один и тот же сон. Он барахтался в реке, уходя под воду, но, к счастью, увидел Зевса, плывшего к нему. Во сне, однако, он пытался уцепиться за хвост собаки и понимал, что не может ухватить его. Он тянулся, но неудача постигала его снова и снова, а потом он осознавал, что у Зевса больше нет хвоста. Он наблюдал словно со стороны, как он

молотит руками и ногами по воде, а потом медленно тонет.

Добравшись до кладбища, Бет припарковалась там, где обычно. Она привезла две вазы с цветами. Сначала, как и всегда, когда приезжала сюда, она отправилась на могилу Дрейка и на мгновение задумалась о брате, потом вырвала пару сорняков у плиты и поставила рядом цветы. Потом она подошла к другой могиле, на которой оставила более пышный букет: сегодня был день его рождения, и она хотела позаботиться о том, чтобы его помнили.

Зевс ходил туда-сюда, обнюхивая землю и, как обычно, изучая все вокруг. Бен шагал позади, как всегда со времен приезда Зевса. Бен всегда любил собаку, но после того как Зевс спас ему жизнь на реке, они стали неразлучны. Зевс, казалось, осознал, что сделал, или по крайней мере Бен мог объяснить поведение собаки только так. И в представлении Зевса они теперь были связаны навсегда. Ночью он спал на пороге комнаты Бена. Пробираясь в туалет посреди ночи, Бет часто замечала Зевса у кровати сына: пес проверял, как спится его любимому другу.

С утратой было сложно смириться, и они с Беном вдвоем переживали ее. Иногда она чувствовала, будто мысли о прошлом вселяли смуту в их скорбь по усопшему, ведь, несмотря на героизм, проявленный во время трагедии, их воспоминания о нем не всегда были безоблачными. Но теперь, когда все было сказано и сделано, Кита Клейтона она будет вспоминать исключительно с благодарностью. Она никогда не забудет, как он потащил ее на себе, когда она упала в тот день. Или что в итоге он погиб, пытаясь спасти их сына.

А это что-то значило. Это значило много, и, несмотря на его другие промахи, она решила для себя, что всегда будет помнить его именно таким. Она надеялась, что и Бен ради себя самого придет к тому, чтобы помнить отца так же, не ощущая чувства вины и как-то осознав любовь Кита к нему, которая на данном этапе жизни казалась столь призрачной.

Что до нее, то ее будет ждать Логан, когда она вернется домой. Он предлагал поехать с ней на кладбище, но она каким-то образом поняла, что на самом деле он не хотел. Были выходные, а он по утрам предпочитал возиться на участке в одиночестве, чинил разные вещи и работал над новым домиком Бена на дереве на заднем дворе. Потом они собирались украшать рождественскую елку. Она привыкала к его внутренним ритмам и настроению, распознавая едва заметные сигналы, которые говорили о том, что он за человек. Хорошие стороны и плохие, достижения и промахи — он стал ее навеки.

Затормозив на подъездной аллее, она заметила, как Логан спускался по лестнице из дома, и помахала ему рукой.

Она тоже стала его навеки, со всеми своими недостатками. Все или ничего, подумала она. Она была такая, какая есть.

Когда подходил к ней, Логан улыбнулся, словно прочитав ее мысли, и раскинул руки, чтобы заключить ее в объятия.